СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ
(АРХЕОЛОГИЯ, НУМИЗМАТИКА, ЭТНОЛОГИЯ)

МИНСК 1998

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ
(АРХЕОЛОГИЯ, НУМИЗМАТИКА, ЭТНОЛОГИЯ)

МИНСК
«ВЕДЫ» 1998

УДК 903.4(476) «63»
ББК 63.4(4Беи)
С 47

Рекомендовано к изданию Советом Гуманитарно-экономического негосударственного института

Научный редактор
кандидат исторических наук
А. А.Егорейченко

С 47 Славяне и их соседи: Археология, нумизматика^ этнология / Под ред. А.А.Егорейченко. -Мн:: Веды, 1998. -122 с.

Настоящий сборник включает в себя статьи по археологии железного века и раннего средневековья Беларуси и смежных регионов, свод находок арабских дирхамов, обнаруженных на территории Полоцкой земли, а также статьи, рассматривающие общие и частные вопросы этнологической науки.
Сборник рассчитан на научных сотрудников, музейных работников, краеведов, студентов исторических факультетов высших учебных заведений

УДК 903.4(476) «63»
ББК 63.4(4Беи)

ISBN 985-450-011-X

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Эдуарда Михайловича Загорульского

18 декабря 1998 г. исполнилосьТО лет известному археологу и историку, доктору исторических наук, профессору, действительному члену Академии образования Республики Беларусь Эдуарду Михайловичу Загорульскому. Талантливый ученый, обладающий энциклопедическими знаниями и громадной трудоспособностью, является автором 9 монографическим работ и свыше 100 научных статей, которые принесли ему заслуженный авторитет среди исследователей не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Эдуард Михайлович родился в г. Туле в семье военнослужащего. В 1947-53 гг. он учился на историческом факультете Московского государственного университета. Там под влиянием виднейших ученых А.В.Арциховского и Б.А.Рыбакова проявляется его интерес к археологии, определивший всю дальнейшую жизнь. В 1954-57 гг. Э.М.Загорульский - аспирант Института истории АН БССР, впоследствии - младший научный сотрудник сектора археологии этого же института. В 1962 г. он переходит на преподавательскую работу в Белорусский государственный университет, в котором ярко раскрылся его талант не только ученого, но и педагога высшей школы. По инициативе Э.М.Загорульского 13 октября 1973 г. была открыта кафедра археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин, которую он возглавлял на протяжении 24 лет. За эти годы она стала одной из лидирующих на историческом факультете. Среди ее выпускников - один доктор и свыше 20 кандидатов наук. В первые, далеко не легкие "перестроечные" годы (1986-1991), Э.М.Загорульский достойно возглавлял исторический факультет в должности декана.

Эдуард Михайлович Загорульский - пионер внедрения новых методов обучения на историческом факультете БГУ. Его блестящие по глубине охвата и мастерству изложения лекции неизменно сопровождались умело подобранными слайдами и фотографиями. Он — автор ряда учебных кино- и видеофильмов, отмеченных на конкурсах, не только инициатор, но и непосредственный исполнитель компьютерных обучающих и контролирующих программ по археологии, позволяющих более глубоко и объективно оценивать знания студентов...

Становление Э.М. Загорульского как ученого связано, прежде всего с исследованиями древнего Минска, раскопки которого он возглавлял в 1958-1961 гг. Используя новаторскую методику раскопок и анализа различных источников, он пришел к выводам, позволившим в значительной мере пересмотреть результаты своих предшественников. Итоги этой кропотливой и объемной работы были подведены им в кандидатской диссертации (1963), научно-популярной книге "Древний Минск" (1963), впоследствии дополнены и углублены в капитальной монографии "Возникновение Минска" (1982). Глубокий анализ археологических и исторических данных позволил ученому усомниться в правомерности существовавшей тогда гипотезы о первоначальном местонахождении древнего Минска на Строчицком городище (городище на Менке). Э.М. Загорульский был и остается сторонником формирования города в месте впадения р. Немиги в р. Свислочь. Анализ топографических планов XVIII - XIX вв. дал ему возможность пересмотреть бытовавшие тогда представления о границах и размерах детинца летописного Минска. Помимо этого, им детально проанализированы оборонительные сооружения древнего города, его планировка и застройка, материальная культура и хозяйственная деятельность горожан, высказано аргументированное мнение о времени и пути возникновения Минска. Снабженная большим количеством иллюстраций (в том числе и графических реконструкций), монография "Возникновение Минска" остается образцом источниковедческого анализа древнерусского города.

Помимо Минска, Э.М. Загорульский проводит раскопки целого ряда раннефеодальных городов и сельских поселений: Строчицкого комплекса, Копыси, Свислочи, Стрешина, Рогачева и др. Особого внимания заслуживают исследования им древнерусского замка в Вищине, которые велись на протяжении 1976-1985 гг. В процессе раскопок этого неординарного памятника были зафиксированы остатки оборонительных конструкций, жилые и производственные постройки, многочисленные находки, характеризующие жизнь и быт обита-

телей замка. С Вищином связан и уникальный по своему составу денежно-вещевой клад древнерусских серебряных украшений и платежных гривен-слитков.

С конца 60-х гг. научные интересы Э.М. Загорульского активно проявляются в сфере изучения проблемы происхождения и ранней истории славян. В ряде статей, монографии "Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и культуры до IX в." (1977) и докторской диссертации (1986) им была разработана и обоснована оригинальная концепция славянского этногенеза, а также рассмотрены вопросы балто-славянекого взаимодействия в белорусском регионе в период железного века. В этой связи исследователь уделяет много внимания раскопкам ранних городищ: Кистени, Городище, Малышки, которые существенно пополнили базу данных о культурах железного века.

Говоря о творчестве ученого, нельзя обойти вниманием и его активное участие в написании ряда обобщающих работ. Он - один из авторов "Гісторыі Беларускай ССР" (1972), "Истории БССР" (1981), "Псторьн сялянства БеларусГ (1997) и др.

Э.М. Загорульский - автор ряда учебников и учебных пособий. Его "Археология Белоруссии" (1965) до сих пор остается единственным и очень удачным подспорьем для студентов высших учебных заведений, по которому училось не одно поколение белорусских археологов. Он также был инициатором, редактором и одним из исполнителей первого учебного пособия "Историческое краеведение Белоруссии" (1980).

По учебникам Э.М. Загорульского обучались и обучаются не только студенты, но и учащиеся средних школ. Он - один из авторов "Истории БССР" (1989). Накануне юбилея вышли еще один его учебник для 5-го класса "Гісторыя Беларусі" и учебное пособие для студентов вузов "Заходняя Русь IX - XIII стст." (1998).

Трудно перечислить все написанное и сделанное Э.М. Загорульским в области науки и высшего образования. Приятно осознавать, что свой юбилей талантливый ученый и педагог встречает в расцвете творческих сил. Коллеги и многочисленные ученики желают ему крепкого здоровья, новых открытий и публикаций в области археологии и истории Беларуси.

Коллектив авторов выражает благодарность за издание книги ректору Гуманитарно-экономического негосударственного института, профессору Александру Николаевичу Алпееву.

Заведующий кафедрой
археологии, этнографии
и вспомогательных
исторических дисциплин
доцент А.А.Егорейченко

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Э. М. Загорульского

1958

1. Общая планировка и застройка раннефеодального города на территории БССР по археологическим данным // Труды Института истории АН БССР. Вып.3. Мн.
2.К вопросу о территории древнего Минска // Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Мн.
3 .Старажытны Мінск // Маладосць. № 9.

1960

4.Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. (Документы 32-36). М.
5. Археалагічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Минска // Весці АН БССР. N 4.

.1961

6. Западные земли Руси в составе Древнерусского государства. Город. Торговля // История Белорусской ССР. Т. I. Мн.
7.Культура западных земель Руси в IX-XI вв. // История Белорусской ССР. Т. I. Мн.
8.Феодальная раздробленность (XII-XV вв.). Дальнейшее расширение феодального землевладения и положение крестьянства // История Белорусской ССР. Т. I. Мн.
10. Феодальная раздробленность (XII-XV вв.). Развитие феодального города // История Белорусской ССР. Т. I. Мн.
11. Культура периода феодальной раздробленности // История Белорусской ССР. Т. I. Мн.

1963

12. Древний Минск. Мн.

1965

13. Археология Белоруссии. Учебное пособие для вузов БССР. Мн.
14. Искоростень // Историческая энциклопедия. Т. 6. М.

1968.

15.Итоги археологического изучения Минска // Труды I Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вроцлав-Варшава-Краков-Гданьск.
16. Хронология возникновения белорусских городов (на французском языке) // Труды I Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вроцлав-Варшава-Краков-Гданьск.

1970

17. Мінскі замак//ПГКБ. №2.

1972

18. Замчышча//БелСЭ. Т. VI. Мн.
19. Курган//БелСЭ. Т. VI. Мн.
20. Літва (племя) // БелСЭ. Т. VI. Мн.
21. Гісторыя Беларускай ССР. Т. I. Разд. V. Мн. (соавтор — Тарасенко В. Р.).

1973

22. Раскопки в Копысе//АО--1972. М.
23. Открытия в Копыси // Неман. №1.
24. Мінск (археалогія) // БелСЭ. Т. VII. Мн.

25. Мінскі замак//БелСЭ. Т. VII. Мн.
26. Мінскае княства // БелСЭ. Т. VII. Мн.
27. Могільнік// БелСЭ. Т. VII. Мн.
28. Няміга // БелСЭ. Т. VII. Мн.
29. Нямізская бггва // БелСЭ. Т. VII Мн.
30. Свіслачскае княства // БелСЭ. Т. IX. Мн.
31. Свіслач // БелСЭ. Т. IX. Мн. (соавтор — Сиваков А. М.).

1974

32. Раскопки в Рогачеве //АО ~ 1973. М.

1975

33. Палі пахаванняў // БелСЭ. Т. VIII. Мн.
34. О начальном этапе формирования славян // Вестник БГУ. Сер. III. N 2.

1977

35. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн.
36. Об укреплениях Городищенского замка // Вопросы истории. Вып. 4. Мн.
37. Технические средства обучения на историческом факультете БГУ // Вопросы истории. Вып. 3. Мн. (соавторы — Русакова Н. А., Царюк И. О.).

1978

38. Историческая наука в Белгосуниверситете // Вестник БГУ. Сер. III. N 3. (соавтор -- Лившиц Г. М.).
39. Рецензия на книгу: Д. А. Авдусин "Археология СССР" //Вестник БГУ. Сер. III. №3.

1979

40."Замчышча", "Курган", "Літва", "Мінскі замак", "Свюлач", "Палі пахаванняў" // Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусь Мн.
41.Научное редактирование монографии Т.Н.Коробушкиной "Земледелие на территории Белоруссии в X-XIII вв." Мн.
42.Возникновение городов в Белоруссии (на немецком языке) // Европейская история городов в средние века и новое время. Веймар.
43. Методические указания к практическим занятиям в классе КИСИ-5 по разделу "Каменный век". Ротапринт БГУ. Мн.
44. Методические указания по проведению экскурсий в зале археологии исторического музея БГУ им. В. И. Ленина. Ротапринт БГУ. Мн. (ссоавторы ~ Ваганова А. Н. Космылев В. С.).

1980

45.Программа учебной археологической практики студентов исторического факультета БГУ им. В.И. Ленина. Ротапринт БГУ. Мн.
46. Историческое краеведение Белоруссии. Учебное пособие для вузов БССР. Мн. (Научное редактирование).
47. Памятники истории и культуры // Историческое краеведение Белоруссии. Мн. (соавторы -- Ваганова А. Н., Космылев В. С., Стуканов А. А.)
48. Археологические памятники/У Историческое краеведение Белоруссии. Мн.
49. Топонимика // Историческое краеведение Белоруссии. Мн.

1981

50. Первобытное общество на территории Белоруссии // История БССР. Ч. I. Мн.

51. Древняя Русь - общая родина восточнославянских народов // История БССР. Ч. I. Мн.
52. Мінск (гісторыя), Стрэшын (в соавторстве) // Гарады і гарадскія пасёлкі Беларусь Мн.

1982

53. Возникновение Минска. Мн.
54. Научная конференция в Киеве, посвященная 1500-летию города // ПГКБ.№3.
55. Методические указания к практическим занятиям в классе КИСИ-5 по разделу "Бронзовый век". Ротапринт БГУ. Мн.
56. Программа спецкурса "Методы археологических исследований". Ротапринт БГУ. Мн.

1983

57. Милоградская и зарубинецкая культуры // Вестник БГУ. Сер. III. N 2.
58. Исследования Вищинского замка // Древнерусское государство и славяне. Мн.
59. Древняя история Белоруссии (научный доклад докторской диссертации). М.

1984

60.Возникновение Минска // Научно-реферативный бюллетень (отечественная литература). Сер. 2. №63. История и археология. Мн.

1985

61. "Слово..." и западные земли Руси // Неман. N 8.
62. Об одном полоцком сюжете в "Слове о полку Игореве" // Вестник БГУ. Сер. III. N 3.
63. Программа спецкурса "Археология Белоруссии". Ротапринт БГУ. Мн.
64. Вищин (городище) // Збор помшкау псторьй і культуры Беларусь Гомельская вобласць. Мн.
65. Стрэшын // Збор помшкау псторып і культуры Беларусь Гомельская вобласць. Мн.
66. **Няміга (вуліца) // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусь Т. 2.**

1987

67. Происхождение славян и их прародина: Отчет о НИР (заключительный). ГР 01780003590 // Сборник рефератов НИР. N 1. Деп. N. 02860049509.

1988

68. Великий Октябрь и зарубежные славянские страны // Советское славяноведение. N 2. (соавторы — Мельцер Д. Б., Позняк С. В.)
69. Всесоюзный форум славистов // Вестник БГУ. Сер. III. N 2 (соавторы — Мельцер Д. Б., Позняк С. В.).

1989

70. История БССР. Учебник для средней школы. Мн. (соавторы — Баранова М.П. Павлова Н. Г.).
71. Краязнаўства ўчора і сення // Спадчына. № 2.

1990

72. Предисловие к книге "На скрыжаванні думак: Вучоныя аб "белых плямах" у гісторыі Беларусі". Мн.

1991

73. Из истории возникновения древнерусской народности // Вестник БГУ. Сер. III. N 2.
74. Расселение славян в Белоруссии // Тезисы докладов на международной конференции "Человек, Экология". Мн.
75. Псторыя БССР. 2 выд. Мн.

1992

76. Полоцкая земля и русские княжества // Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаунай царквы на Беларусі. 25 верасня 1992. Мн.
77. О летописных "племенах" восточных славян // Весщ БДУ. Сер. III. N 3.
78. Диафильм по истории Беларуси "Першабытнаабшчынны лад на тэрыторыі Беларусі". Беларусьфильм (автор-составитель).

1993

79. Летопись и славянское расселение // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Тэзюсы. Ч. II. Мн.
80. Древнейший Минский храм. Мн.
81. Проверка одной из гипотез начала славян // Весці БДУ. Сер. III. N 3.
82.Научное редактирование монографии Т.Н. Коробушкиной "Курганы Белорусского Побужья в X-XIII вв." Мн.
83. Стрэшын // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мн.

1994

84. Вішчынскі замак // Память. Рогачевский район. Мн.
85. Исторические связи Западной Руси со Скандинавией//Веснік БДУ. N 3.
86. Древнейший минский храм // Весшк Беларускага экзархата. 10-11,1/'93--1/'94. Мн.
87. Генеалогия полоцких князей Изяславичей.Мн.

1996

88. Начало формирования населения Белоруссии. Мн.
89.Этническая атрибутация памятников второй половины 1 тысячелетия н.э. на территории Беларуси // Веснік БДУ. Сер. 3. №3.
90. Использование компьютера при изучении цикла археологических дисциплин // Новые информационные технологии в образовании. Труды второй международной конференции. Т.III. Историческая информатика. Мн.
91 ."Археалогія". Праграма курса для студэнтау ВНУ РБ. Ротапринт БГУ. Мн:
92."Этническая история Белоруссии". Программа спецкурса для студентов ВУЗов РБ. Ротапринт БГУ. Мн.
93."Археалогія Беларусі". Праграма курса для студэнтау ВНУ РБ. Ротапринт БГУ. Мн.

1997

94. Использование компьютера при тестировании студентов по курсу "Археология" // Информационный бюллетень ассоциации "История и компьютер". N 21, март. Спец. выпуск бюллетеня "Тезисы докладов и сообщений V Конференции ассоциации "История и компьютер". Звенигород 28 марта-30 марта 1997. Мн.
95. Роль церкви в утверждении этнического самосознания в Древней Руси // Материалы на- • учно-богословской конференции, посвященной памяти преподобного мученика Афанасия, игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 16-19 сент. 1996 г. Мн,
96. Кісцяні // Гісторыя Беларусі. Энцыклапедыя. Мн.
97. Новое в истории восточных славян // Псторыя: праблемы выкладання. Вып 3. Мн.
98. История Минска // Память. Минск, Мн.
99. Происхождение Минска // Память. Минск. Мн
100. Жилые и хозяйственные постройки древнего Минска //Память. Минск. Мн.
101. Гісторыя сялянства. Т. 1. Мн. (в соавторстве).

1998

102. Заходняя Русь. Учебное пособие. Мн.
103. Гісторыя Бедарусі са старыжытнейшага часу да 5 ст. н.э (падручнік для 5 класа). Мн.

АРХЕОЛОГИЯ И НУМИЗМАТИКА

Алексеев Л.В. (Москва)

МИНСК И ДРУЦК.

В образцовом исследовании "Возникновение Минска" (1982) Э.М.Загорульский детально исследует древнюю историю белорусской столицы. Автором этих строк ряд лет изучались остатки её главнейшего соперника на полоцкой исторической арене - древнего Друцка. Представляется интересным сопоставить историю этих двух крупных белорусских княжеских центров, выяснить причины различия их исторической судьбы. Оба города находятся вблизи южных пределов Полоцкой земли: Минск - на верхней Свислочи по раскопкам возник в 60-х гг. XI в., Друцк - в верховьях р. Друти в конце X - нач. XI вв. Оба по смерти Всеслава Полоцкого (1044—1101) достались его сыновьям: Друцк - Рогволоду Борису [ум. 1128] (Алексеев Л.В., 1975, с. 231), Минск - Глебу (ум. 1119). Борьба между их потомками подчас приобретала острые формы: вернувшись из десятилетней ссылки в Византию (1140) и получив свои (отцовские) княжения в Полоцкой земле, главный Глебович - Ростислав - свергает с полоцкого стола Рогволода Борисовича, заключает его в своём Минске в темницу, садится на полоцкий стол, а в вотчине Борисовичей Друцке сажает своего сына Глеба Ростиславича (1151). В 1159 г. Рогволод (Василий) Борисович бежит из плена в Слуцк, сносится с дручанами, те прогоняют Глеба, сажают Рогволода на друцкий стол и вместе с дручанами тот захватывает Полоцк. Неудачное сражение с минскими Глебовичами под Городцом (1162) заставляет Рогволода, бросив войско, бежать в Друцк, а Полоцк наследует некто Василькович (витебский?) и т.д.

Всякое военное мероприятие основывается на экономическом состоянии воюющих, на присвоении труда подвластного, в средневековье - сельского населения, - и зависит прежде всего от количества этого населения. На чём же зиждилась борьба друцих и минских князей? Как интенсивно были заселены земли? Прежде всего, что за население образовало в своих землях Минск и Друцк, благодаря чему они возникли, чем объяснить, что Друцк не выдержал этой борьбы, прекратил существование в позднем средневековье, а Минск стоит и поныне?

Начнём с истоков. Что за славянское население двигалось во второй половине 1тыс. н. э. в земли современной Белоруссии, как оно было организовано и как расселилось? Мы теперь знаем, что славянские племена проникали в эту страну двумя противоположными путями: дреговичи [как считают исследователи, новообразование, сформировавшееся "на основе одного из крупных праславянских образований начала средневековья"] (Седов В.В., 1995, с. 36О) двигались с юга и к X-XП вв. достигли левых притоков Припяти, нижней Березины и верхнего Немана. Выйдя на верхнюю Свислочь, они пришли в соприкосновение с кривичами, остановились и распространились здесь, судя по изобилию курганоз, густой компактной массой. Все земли белорусского-севера в это время освоили, двигаясь из района р. Великой и Псковского озера, т.н. Смоленско-полоцкие кривичи. Их курганные захоронения показывают, что в IX в. они расселились в приозёрном крае левобережья Западной Двины, вышли к Лукомльскому озеру и на Двину в районе Витебска : на всех этих землях древнейшие курганы содержат кремированных покойников в лепных урнах IX-X вв. К северу от Заславля у Соломеречья к ним подошли двигавшиеся с юга дреговичи. Оставались не занятые славянами земли верхней Друти, туда и вышли кривичи к концу X-нач. XI вв. Их древнейшие захоронения - кремация в гончарных урнах (Сицчуки, Арава, по-видимому, Загородье). Подобно дреговичам, встретив их племена к югу, кривичи и здесь скопились большой массой (обилие курганов). Итак, наши наблюдения показывают, что в районах конечного движения дреговичей и полоцких кривичей в белорусские земли, славяне образовывали "конечные" обширные скопления сёл (рис. 1), причём друцкое возникло, видимо, ранее - в конце X - начале XI в., а минское - позднее, в XI- нач. XII вв. В их погребениях кремация почти отсутствует

[исключения: Заречье (Дубинский С.А., 1928, с.281); Новосады - кремация в гончарных урнах, XI в.(Дубинский С.А., 1930, с. 512) и др.], Отметим, попутно, обилие монетно-вещевых кладов и отдельных монет в районе этих мест [Прусиничи, Суходрево и др. на верхней Друти и поблизости, а также - Минск, Летьковщина, Новый Двор и др. на верхней Свислочи] (Алексеев Л.В,, 1966, с. 85, рис 15), показывает, что в этих местах были торговые пути, о чём-ниже.

Славяне продвигались в эти места, заселённые сравнительно редко восточными балтами, племенными объединениями. Домонгольское русское население было организовано по десятичной системе:- "сто" - группа родовых земледельческих посёлков, "тысяча" - небольшая область, соответствовавшая "малому племени" со своим племенным центром, с племенным капищем, наконец, "тьма" — 10 тысяч, т.е. "союз племён" (Рыбаков Б.А., 1982, с. 255). Если союзы племён это -- смоленские кривичи, полоцкие кривичи и т.д., то "тысяча" — малое племя — улавливается по скоплениям однородных круглых курганов —скопления сел, отделенных друг от друга лесными чащами (рис. 16).

Скопление древних сёл дреговичей на верхней Птичи и Менке (район Минска и южнее), это - дреговичское "малое племя", ушедшее в свободные лесные места на север тогда, когда из Турова к ним стали проникать даньщики, объединявшие дреговичскую территорию в государственное образование Туровскую землю. Оторвавшись от этой дани, северное "малое племя" дреговичей вскоре все-таки было захвачено данью из Полоцка и вошло составной частью в формирующееся Полоцкое княжество (Аляксееу Л.В., 1996, с. 81-83; 1998, в печати).

Каждое племенное объединение ~ "малое племя", "тысяча" должно было иметь и свой племенной центр. Центром друцкой "тысячи" был, несомненно, древний Друцк, городище которого высится и сейчас на левом высоком берегу Друти у самых её истоков. Нашими раскопками выяснено, что нижний культурный слой, лежащий на материке, датируется на этом памятнике X — двумя первыми десятилетиями XI в. [гончарные сосуды с манжетообразным венчиком, обилие стеклянных бусин-лимонок, замок типа "А", древнейшего вида —кубический с Т-образным ключевым отверстием и плоским ключём в виде квадратной лопаточки] (Алексеев Л.В., Сергеева З.М., 1973, с. 54, рис. 14). Керамика нижнего слоя этого памятника близка к керамике рядом расположенных могильников [у д. Синчуки (Алексеев Л.В., 1966, с. 42-44, рис. 6), также у д. Арава-(Алексеев Л.В., Сергеева З.М., 1973, с. 52, рис. 12-1-7)]. В обоих случаях это гончарные урны из курганных трупосожжений. А в целом, это типичная керамика так называемого Тнёздовского типа", датирующаяся по Гнёздову концом X -- самым началом Х1вв. В это время здесь, видимо, и возникли первые славянские поселения и их центр.

Где же был племенной центр малого племени северных дреговичей? Как показали раскопки Э.М.Загорульского, Минск на р. Свислочи возник в середине XI в. на пустом месте. Его укрепления, соответственно, и возведение города датируются 1063-1066гг, (Загорульский Э.М., 1982, с. 148), следовательно, это не племенной центр. В археологической литературе давно известно замечательное городище, лежащее в 16,7 км к западу от современного Минска на р. Менке, притоке р. Птичь, в котором исследователи часто видят древний торговый центр X — нач. XI в. и, исходя из названия речки (ныне пересохшей) Менки, многие (на мой взгляд, справедливо) видят первоначальный Менескъ - Минск (рис. 3а). Действительно именно с этим памятником связываются три больших клада арабских и западно-европейских монет, зарытых именно в это время (Штыхов Г. В.,1978, с. 64). Археологические работы ведутся на "Менском" (на р.Менке) городище многими археологами вплоть до настоящего времени. Первые работы А.Г.Митрофанова не опубликованы. Вещи, как видимо, и документация погребены где-то в фондах Отдела археологии Института истории БАН и ещё не выявлены. Несколько важных вещей с разрешения А.Г.Митрофанова опубликовал автор этих строк (Алексеев Д.В., 1966, с. 147) Это — серьга "волынского типа" [аналогии на Волыни и в Чернигове (Перхавко В.Б. 1986, с. 30), наконечник стрелы "гнёздовского типа" и пр.]. Все вещи датируются концом X ~ нач. XI вв., т.е. "Гнёздовским време-

нем". Работы на памятнике велись кроме А.Г.Митрофанова, Э.М.Загорульским, Г.В.Штыховым, ныне с 1996 г. их продолжает Ю.А.Заяц, которому, видимо, и предстоит внести ясность в интерпретацию этого сложного объекта. Сейчас не вызывает разногласий лишь датировка его — X— начало XI вв. Городище на р. Менке очень оригинально : оно возведено на правом возвышенном берегу р. Менки при её слиянии с ручьем Дунай в двух километрах от устья Менки у р. Птичь. Памятник состоит как-бы из двух частей -- малой, более возвышенной, именуемой жителями до сих пор "Капищем"(!), и более поздней обширной. Обе возвышенности обведены валом и доминируют над местностью. С напольной, стороны заметны следы оплывшего рва. Площадь укрепленной части ~ 1,3 га, высота валов — 8-12 м. На юг и восток от городища простирается обширный неукрепленный посад (30 га). Вопрос о назначении городища на Менке, о времени возведения на нём вала дискутируется (Штыхов Г.В., 1978; ЗагорульскийЭ.М., 1982).

Исходя из того, что подобных "грандиозных" поселений Гнёздовского времени на территории малого племени северных дреговичей нет, и это, следовательно, единственное и главнейшее поселение на землях "тысячи", приходится признать, что перед нами - остатки центра северных дреговичей, который жил с ними единой жизнью. Наименование "Капище", видимо, указывает на место расположения племенного святилища. Центр на Менке был на торговом пути [указанные клады, находки монетно-вещевых гирек древнерусской и скандинавской весовых систем (Бектинеев Ш.И., 1997, с. 28 и т.д.)], на что мы указывали ещё ранее (Алексеев Л.В., 1966, с. 85, рис. 15). Путь этот имел, видимо, большое значение в жизни памятника на р. Менке. Из него мог вырасти крупный город (но судьба устроила иначе).

Есть ли в центре друцких кривичей Друцке черты, сближающие его с описанным дреговичским центром? Площадка детинца Друцка имеет площадь 1 га, что близко к укрепленной площади городища на Менке. С севера к ней примкнул окольный город со своими укреплениями, за рвом на месте, по-видимому, более древнего могильника развился посад. Как и площадь детинца, площадь окольного города равнялась 1 га, а площадь посада превышала всю укрепленную площадь, приблизительно, втрое. Высота вала на детинце (на западе) — до 10 м, валов окольного города ~ до 7 м (на западе). Как мы говорили, детинец и окольный город были сооружены не одновременно — детинец в Тнёздовское время", окольный город на 50-70 лет позднее : вещей "Гнёздовского времени" там нет. Нам ясно, что окольный город возник в Друцке в тот период, когда город становился феодальным центром, центром же кривичей на Друти мог быть только детинец. Находки кладов и отдельных монет арабского востока вблизи Друцка [Прусиничи, два клада у Стражевичей и др. (Алексеев Л.В., 1966, с. 84,85, рис. 15)] показывают, что и здесь был торный путь с берегов Днепра к берегам З. Двины, и торговля, следовательно, играла важную роль при размещении здесь племенного, а также позднее, и феодального центра.

Итак, пристройка к детинцу окольного города в Друцке осуществилась, когда в нём уже сидел либо "муж княжь", либо князь Борис Всесеславич, который собирал дань с друцких кривичей и нуждался, следовательно, в большой дружине, для которой и пришлось возводить окольный город. Князь Борис был, вероятно, старше Глеба. Он родился, можно думать, в 1050-х гг., в 1067 г., участвовал в переговорах отца с Ярославичами, для этого, как сообщает летопись, переехал с отцом Днепр у Орши. В XII в. Борис и его потомки уже твёрдо властвовали в Друцком княжестве, а сам Борис Всеславич, если верить В.Н.Татищеву, в 1102 г. силами пленных ятвягов отстроил город Борисов (Татищев В.Н., 1963, т. II, с. 123), следовательно, укреплял свои восточные границы, зная, очевидно, захватнический характер своего брата, минского соседа Глеба. Вещевой инвентарь городища в Старо-Борисове показывает, что этот город действительно существовал в XII и XIII вв. (Штыхов Г.В., 1978, с. 101).

А теперь возвратимся к дреговичам. Когда и как центр их северной племенной "тысячи" начал превращаться в феодальный центр? Раскопки на Менке убедили нас, что поселение просуществовало здесь до начала, м.б. до середины XI в. (Штыхов Г.В., 1978, с. 71, 72; Загорульский Э.М., 1982 , с, 50). По М. А.Ткачеву (1969, с. 193-198) и Г.В. Щтыхову (1978, с.66),

оно было укреплено. Э.М. Загорульский полагает, что в Тнёздовское время" памятник укреплений не имел, и валы соорудили лишь в позднем средневековье, когда жители вновь обосновались на памятнике (Загорульский Э.М., 1982, "с. 51). Этот важный вопрос разрешится лишь при новых обстоятельных и целенаправленных раскопках, для нас же сейчас это не так важно. Для нас главное, что городище на Менке - центр северных ("менских") дреговичей. Керамика со знаками Рюриковичей, которая изредка попадается в раскопках, свидетельствует, по-видимому, лишь о том, что центр на Менке (вполне вероятно, что по реке он именовался, как многие древние города, Дрьютеск, Случеск, ~ "Менёск") в последний период своего "гнездовского" существования был включен в орбиту полоцких князей.

В середине XI в. центр на Менке исчезает, вместо него в 16,7 км к северо-востоку, в верховьях Свислочи, при впадении в неё реки Немиги, образуется новый центр, гораздо более мощный — Минск (рис. 36). Как показали исследования Э.М.Загорульского, город этот был построен в течение 1063—1066 гг, т.е. строителем его был Всеслав Полоцкий, понимаем мы. Детинец Минска был втрое более мощным, чем городище на Менке. Его площадка занимала 3 га. Название новой крепости Менескъ ~ Минск указывает нам, откуда были взяты насельники её — с городища на Менке. Князю Всеславу потребовалось мощнейшее укрепление в южных окраинах его земель и именно в тех, которые были населены "инородческим" племенем дреговичей. Это не был пограничный пункт, как вначале считал Э.М.Загорульский,— крепость слишком велика для такой цели. Подобных огромных пограничных пунктов на всём южном рубеже Полоцкая земля не знает. А помимо того, как мне уже приходилось писать, Минское замчище расположено не у границы, а много севернее - в самой северной части дреговичского населения этих мест, в то время как "государственная граница" земли шла много южнее — в далёких необжитых лесах между "менскими дреговичами" и "случкими" [рис. 16] (Алексеев Л.В., 1987, *с.27.2).* Построение крупной крепости Минск в среде малого племени северных дреговичей подтверждает, что племя это полностью отошло к полоцким князьям. Кто же из них и когда их присоединил? Брячислав маловероятен ~ на него, несомненно, тяжёлым бременем легла христианизация полоцких земель. С 1021 г. в течение 23-х лет своего правления он, к тому же, был в союзе с Ярославом Мудрым, и присоединен ние его сталкивало бы с интересами туровского князя, что не могло не обернуться новой войной с Киевом. Мы хорошо знаем авантюристически-захватнический характер его сына Всеслава Полоцкого (1044-1101). Мне уже приходилось писать, что в первое шестнадцатилетие своего правления в Полоцке Всеслав "ещё не включался в общекиевские дела" (Алексеев Л.В., 1966, с.243) — над ним ещё тяготело обязательство отца 1021 года, и он, видимо, занимался какими-то внутренними делами. Теперь мы понимаем какими: "упорядоточивая пределы своего княжения, проводя границы, он захватил "менских дреговичей", до которых туровская дань ещё не докатилась, и провёл свою южную границу по незаселённой зоне лесов верхнего Немана, его притока Лошй, к истокам Случи и верхней Птичй. Южнее этой линии располагались слуцкие земли турово-пинских князей. Тот мощный феодальный центр, представший перед нами после скрупулёзных раскопок Э.М.Загорульского на минском Замчище, был нужен Всеславу прежде всего потому, что в него Сходилась и там хранилась дань со всего, недавно "примученного", чужого Полоцку малого племени северных, "менских" дреговичей.

Строительству крепости на Свислочи требовалось, как мне уже пришлось писать, огромное согнанное туда местное население (Алексеев Л.В., 1987, с .272). Как и в Друцке, в Минске, можно думать, сначала был посажен Всеславом "муж свой", а позднее его сменил сын полоцкого князя Глеб Всеславьич. Роль Минска, как укрепленного военного центра, тоже нельзя отрицать, но прежде всего это был, по-видимому, "центр принуждения" в многолюдной стране "менских дреговичей" (в противном случае таких центров вдоль южных границ земли было бы построено множество или, во всяком случае, несколько!). Замчище было достаточно велико -- 3 га - и окольного города в это раннее время здесь не построили. Он

был возведён позднее, судя по дугообразному расположению улиц, к востоку от детинца [Кузьмодемьянская ул. и др] (Алексеев Л.В., 1966, с .145, рис. 27).

Став феодальным центром в среде друцкого скопления потомков кривичей на торном пути З.Двина-Друть, Друцк не был перенесён на новое место, подобно Минску или Смоленску после его "гнёздовской стадии (Алексеев Л.В., 1977, с. 84-91; 1980, с.l36-1.54). Объясняется это более подходящей.кофигурацией местности. Холм площадью 1,3 га на р.Менке расширять и укреплять было нецелесообразно - вокруг, как и в Гнёздове, низина. В Друцке же, к северу от детинца, вплотную к нему непосредственно примыкала небольшая возвышенность, почти равная по площади детинцу, и её очень удобно было присоединить к первоначальным укреплениям, обнести по периметру площадки подковообразным валом со стенами на нем, а вокруг образовать ров. Эти укрепления были сооружены, как мы оказали, во второй половине XI в. Их, можно думать, соорудил, если не Всеслав, то его сын Рогволод-Борис. Так возник друцкий окольный город или "острог", о существовании которого мы знаем из летописи (ПСРЛ, II, 1962, с. 621).

Что же показали раскопки древних феодальных центров Минска и Друцка? В Минске на детинце был выявлен мощнейший культурный слой (5-6 м), который Э.М.Загорульскому удалось расчленить на 20 единовременных горизонтов : от середины XI в., когда были возведены валы (1063--1066 гг.), причём домонгольские заняли, считая снизу, 13 горизонтов (до 1243 г.). Вскрыто было большое количество деревянных строений и среди них одно недостроенное каменное — храм конца XI в., принадлежавший, как показал Э.М.Загорульский, западноевропейским мастерам (Загорульский Э.М., 1982, с. 200). Найденные фрагменты уличного деревянного мощения с постройками по сторонам из-за малой для такого города площади раскопок пока не дают удоволетворительного средства для суждения о городской планировке. Поэтому, Э.М.Загорульский вполне был прав, ограничившись в своём исследовании скрупулёзным изучением домостроительства, оборонного зодчества на памятнике и найденного вещевого материала.

Раскопки незастроенного ныне друцкого детинца позволили размещать исследования в разных местах, что дало первичное общее представление о памятнике в целом. Выяснилось, что мощность слоя здесь много меньше, чем в Минске ~ в центре около 1,5 м., у южного вала - до 3 м (и немного более). Удалось наметить в общих чертах городскую планировку. Древнейшие слои города (до пожара 1116 г.) незначительны ~ жизнь в Друцке, видимо, не была интенсивной. В 1116 г. Яро полк Владимирович, как мы знаем, захватывает город и выселяет его жителей (ПВЛ, I, 1950, с. 201), В послепожарный период Друцк начал быстро развиваться, городская планировка строго подчиняется ориентировке по валам, удаётся проследить социальную топографию детинца. Тесная застройка, узкая бревенчатая мостовая, ведущая к древнему колодцу, многочисленные остатки ремесленного производства во дворах и хозяйственных сооружениях - всё это указывает на существование у южного вала посёлка, очевидно, княжеских несвободных ремесленников. Наоборот, в западной части детинца, за самым неприступным валом, встречены лишь 2 постройки сравнительно больших размеров. Среди находок - уникальные: пряслице с надписью "КЪНЯЖИНЪ", серебряный перстень, пряслице с княжескими знаками, широкий серебряный пластинчатый браслет со сканью, 2 золотые бусины, целый витой бронзовый браслет, серебряный плетёный перстень и др. (Алексеев Л.В., 1966, рис. 34; 68).

Следует поставить и вопрос о церкви на детинце и в окольном городе. О существовании её в до монгольское время сигнализируют находки фрагментов хороса и многочисленные поливные плитки пола. Все плитки одинакового размера - 9 х 9 см, все со скошенным срезом с боков и с поливой трех цветов - желтой, зелёной и вишнёвой. Встречаются они в трёх местах: в западной части детинца, в восточной-юго-восточной,и в окольном городе. Плитки окольного города имеют тот же вид. Вместе с тем на них следы известкового связующего раствора, чего на плитках детинца нет. Ясно, что в окольном городе была особая маленькая церковь. На детинце, в центре городища, поливные плитки не встречаются. Мало вероятно,

что в западной "аристократической" части детинца плитками был бы покрыт пол княжеского дворца. Скорее, на детинце было две одновременно возведённых деревянных церкви с одинаковыми плиточными полами - небольшая церковка у князя и небольшая же, вероятно, церковка вблизи "ремесленного" квартала для бедного, несвободного люда. В западной части детинца найдено 9 поливных плиток (6 побывали в пожаре), в восточной части и юговосточной - 27 плиток, из которых 13 побывали в пожаре. Все плитки происходят почти с одного уровня верхних слоев детинца и окольного города. Встречены в Друцке и две застёжки от книги, одна в районе ремесленников (видимо, кожевник книгу ремонтировал).

Поливных плиток пола, насколько известно, в Минске не встречено. Плитки, подобные друцким, известны из раскопок в Древнем Логожеске (Штыхов Г. В., 1978, с .90, 91).

x x x

Итак, Минск и Друцк, по нашему мнению,- центры племенных объединений, образовавшиеся в IX в. на территории Белоруссии после прихода туда славян - с юга потомков дреговичей, с севера - кривичей. Это был переходный период, который связывал последние этапы родоплеменного строя с первыми этапами классового общества. "Князь", известный всем славянским языкам, происходит, как известно, от древненемецкого: "kuning" - "старшина рода" (М.Фасмер). Город в это время строился на родоплеменной основе, которая всё более распадалась и складывалась в территории "городовых волостей". Во главе таких городов-волостей были выходцы из родо-племенной знати - те князья, о которых говорил летописец, сообщая о мести Ольги ("наши князи добри суть", X в.), и которые в эпоху Святослава исчезают с русской арены (в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием о них уже речи нет). Существование подобных "добрих князей" в Менеске и Друцке мы можем лишь предполагать - вероятно, именно они строили первые укрепления на Менке и на Друти.

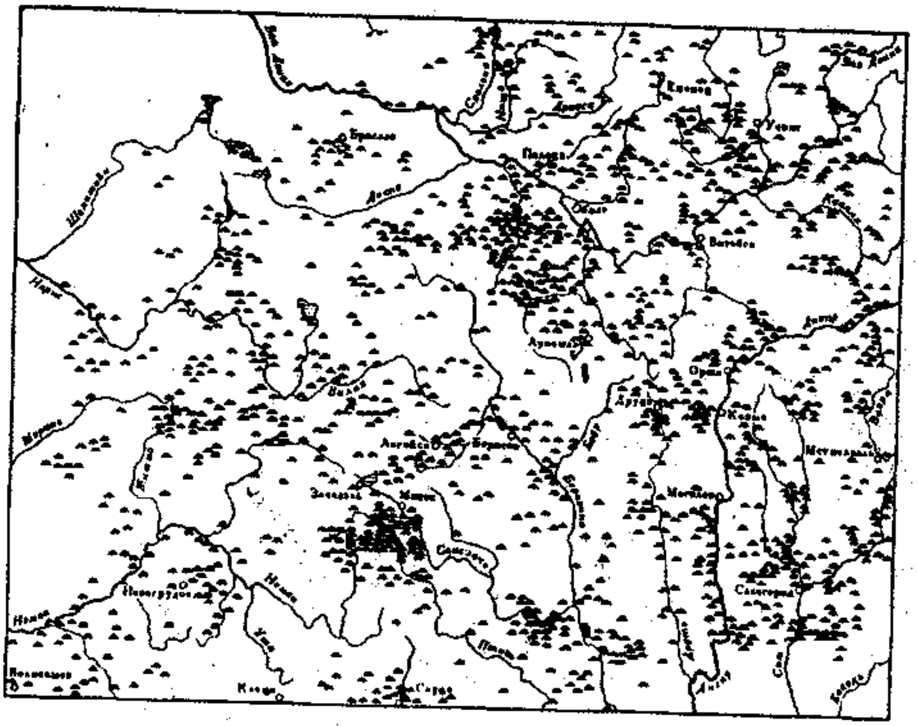
В раннефеодальное время, в сер. XI в., Друцк был дополнительно укреплён валами и окольным городом, Менеск был перенесён на новое место — более подходящее к новым условиям. Не приходится сомневаться, что всё это было результатом деятельности Всеслава Полоцкого, который укреплял свои южные, сильно заселённые владения на торговых комуникациях и сажал там своих ставленников, а вскоре, видимо, и своих сыновей. Мощность крепостей Минска и Друцка теперь находилась в прямой зависимости от обилия сельских жителей, центром которых они становились. Обилие подвластного населения обуславливало, видимо, и военный потенциал минского князя Глеба и Глебовичей в значительно большей степени, чем друцкого князя Бориса и Борисовичей, из летописи мы знаем, сколь были агрессивны минские князья.

В XIII в. Друцкое княжество, как и Минское, отошло к Литве. Находясь вблизи с границей с Русью, Друцкое княжество в трудное для Руси столетие жило сравнительно спокойной интенсивной жизнью (что хорошо видно по сравнительно мощным отложениям этого времени на памятнике). В XIV в. значение Друцка, близкого к границе, постепенно начинает падать. В 1339 г. друцкий князь Иван лишь упоминается (ПСРЛ, XV, 1965, с. 422), под 1373 г. упомянут князь Дмитрий Друцкий (ПСРЛ, XXV, 1949, с. 187), под 1386 г. - "княжата друцкие" просят у Витовта пощады (ПСРЛ, 32, с. 73), под 1424 г. они уже полностью подчиняются Витовту и ходят по его указанию в походы (ПСРЛ, 26, 1958, с. 183), в 1436г. друцкий князь Иван Баба уходит к Василию Тёмному (ПСРЛ, 25, 1949, с. 52) и т.д. Друцк теряет самостоятельность, и в XIV в. в источниках фигурируют лишь "Друцкие поля"...

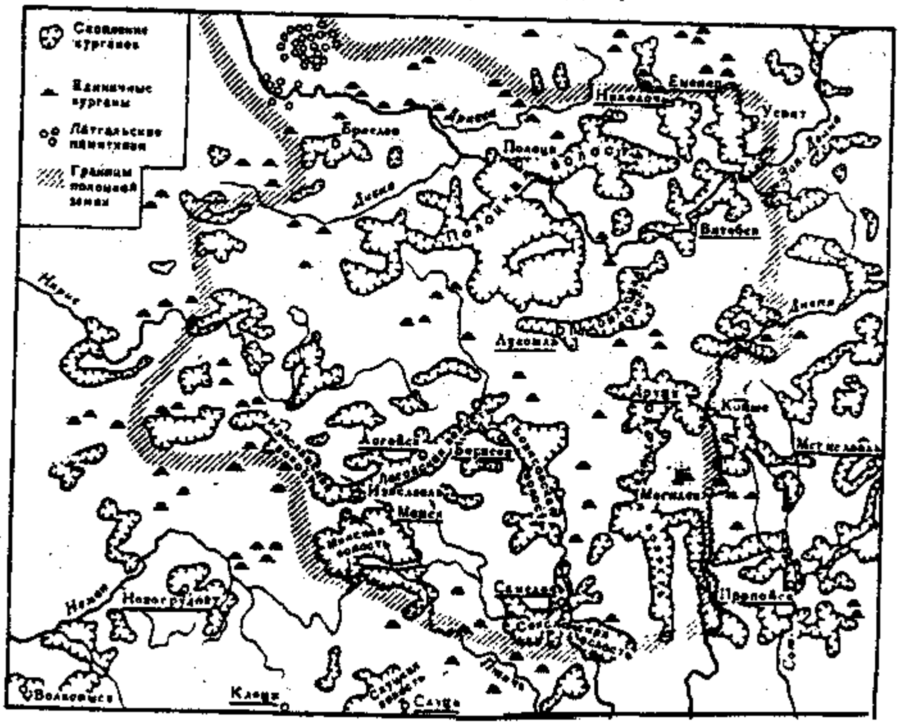
Действительно, верхний слой четырёхслойного памятника Друцкий детинец изобилует золой и печиной - то и другое развезено в более позднее время сохой землепашца : видимо, детинец долго оставался заброшенным. Далёкий от границы Литвы и Руси Минск оказался счастливее: он существует и по сей день!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX.- ХШ вв). М.
2. Алексеев Л.В., Сергеева З.М., 1973. Раскопки курганов в восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 135: М.
3. Алексеев Л,В., 1975. Полоцкая земля//Древнерусские княжества X-XIII вв. М.
4. Алексеев Л.В., 1977. О древнем Смоленске //СА. № 1.
5. Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. М.
6. Алексеев Л.В., 1987. Капитальное исследование по начальной истории Минска // СА. №2.
7. Аляксееў Л.В., 1996: Менскія дрыгавічы і полацкія князі // Беларуси гістарычны часопіс. № 4.
8. Бектинеев Ш.И., Скрипченко Т.С., 1997. Метрологические материалы поселения на Менке //ГАЗ. № 12.
9. Дубінскі С.А., 1928. Досьледы культур железнага пэрыяду на Віцебшчыне, Магілеўшчыне і Меншчыне // Працы. Т. I, Менск.
10. Дубінскі С.А., 1930. Досьледы культур железнага перыоду на БССР у 1929 г. // Працы. Т. I. Менск.
11. Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Мн.
12. ПВЛ, 1950. Т.I. М-Л.
13. Лерхавко В.Б., 1986. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана//КСИА. Вып. 187. М.
14. ПСРЛ. II, 1962.Т. II. М.
15. ПСРЛ. XV,1965. Тверская летопись. М.
16. ПСРЛ. 25. 1949. М..-Л.
17. ПСРЛ. 26. 1959. М.-Л.
18. ПСРЛ. 32. 1975. М.
19. Рыбаков Б. А., 1982. Киевская Русь и русские княжества. М.
20. Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
21. Татищев В.Н., 1963. Российская история. Т. II. Л.
22. Ткачев М.А., 1969. Прорезка вала городища на Менке //Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Мн.
23. Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX--XIII вв.).Мн.

А

Б

Рис. 1. Схемы заселенности Полоцкой земли по курганным захоронениям: А - карта курганов и курганных групп сев. Белоруссии; Б - скопления древних поселений Полоцкой земли на основании карты курганных захоронений.

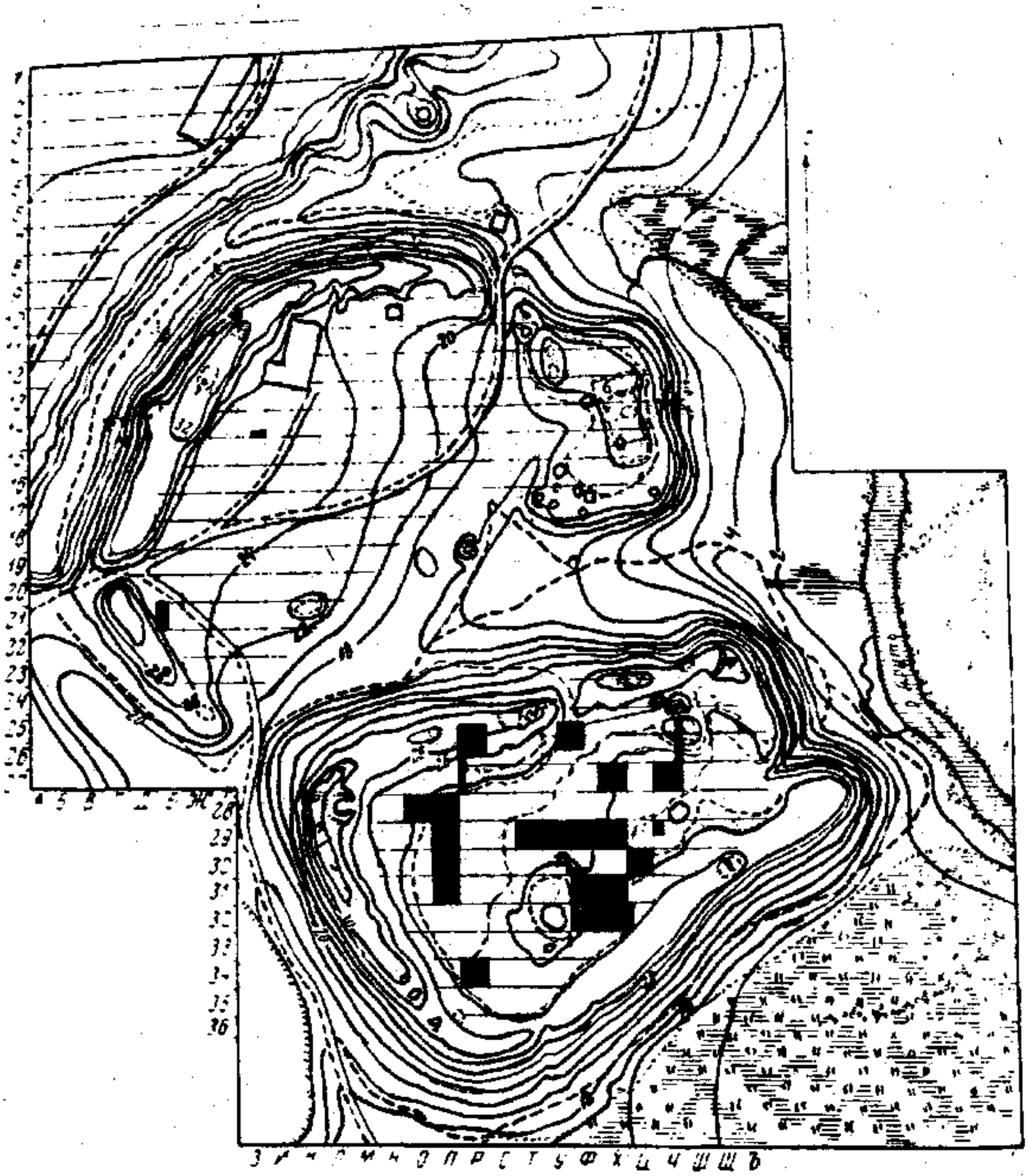
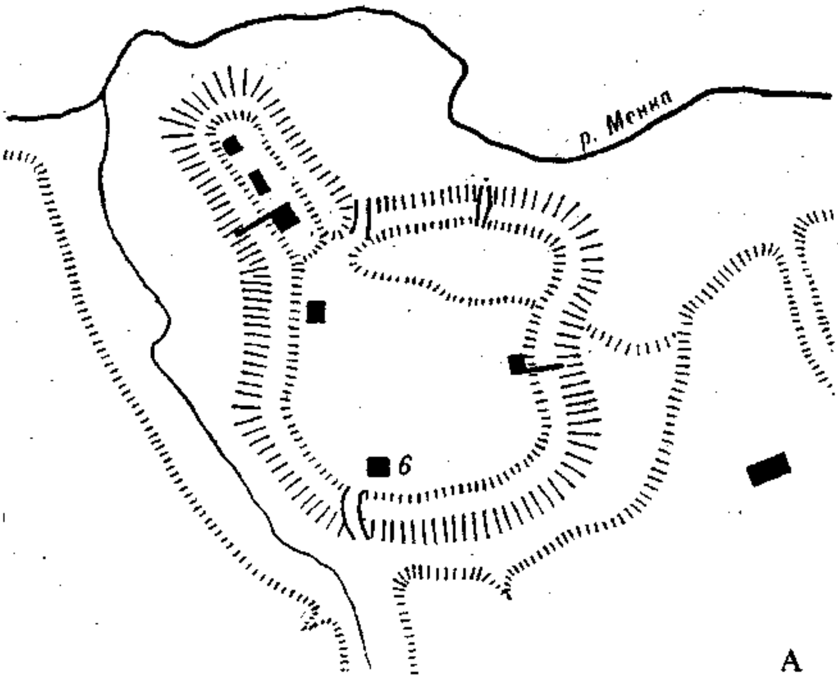
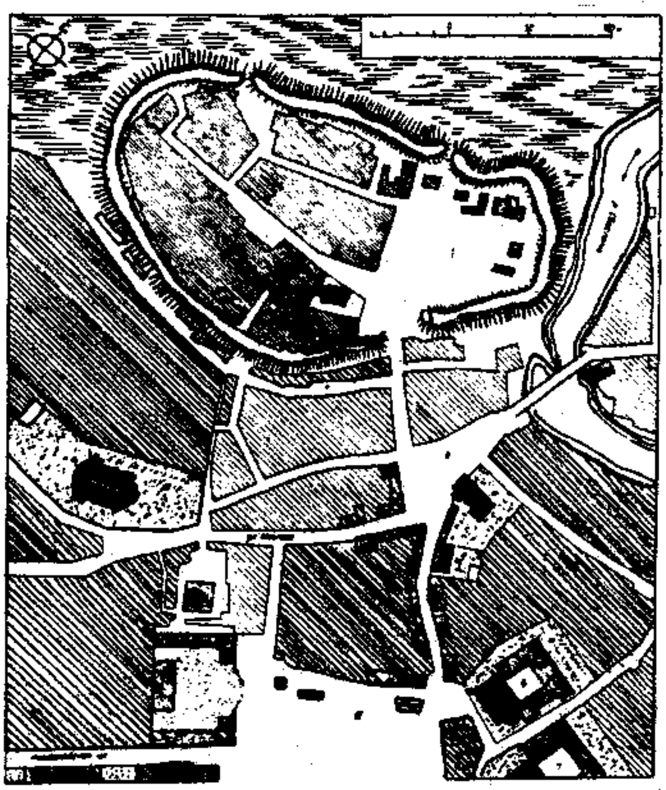

Рис. 2

Рис. 2. План городища у с. Друцк (древний княжеский центр)

А

Б

Рис. 3

Рис. 3. Планы городищ: А - на р.Менке (по Э.М.Загорульскому); Б - на р. Свислочь (по плану конца XVIII в.)

Белецкий С. В. (Санкт-Петербург)

О ЗНАКАХ НА РОГОВОМ КИСТЕНЕ ИЗ МИНСКА

При раскопках в Минске в 1949 г. был найден обломок рогового кистеня с процарапанными изображениями княжеских знаков. В.Р.Тарасенко дважды обращался к этому памятнику. В статье 1950 г. (Тарасенко В.Р.,1950, с. 126, рис.42) была опубликована прорисовка кистеня[1] (рис.1) с обозначением на нем двух знаков: а) двузубец без ножки, обозначенный двойным контуром; между зубцами двузубца показан крестик (далее - знак А); б) двузубец линейного рисунка с треугольной ножкой, обращенной острием вниз, переходящим в вертикальную черту, с отогнутым наружу правым зубцом и невнятно прорисованным левым зубцом; в пространстве между зубцами несколько выше знака также показан крестик (далее - знак Б). Комментируя знаки, В.Р.Тарасенко писал: "Знаки Рюриковичей в двух вариантах нанесены нарезными линиями и оба имеют очертания двузубца с крестом вверху... Центральное изображение (знак А - *С.Б.)* выполнено в виде двух параллельных линий, соединяющихся у верхнего окончания слегка отогнутых наружу зубьев. Сбоку имеется второй знак (знак Б - *С.Б.),* помещенный по отношению к первому верхней частью вниз. Он также состоит из двузубца с крестом вверху, но очертания этого двузубца намечены только одной линией, причем концы обоих зубьев отогнуты наружу. Последний из этих родовых знаков очень близок к знаку, имеющемуся на литейной форме, найденной при раскопках древнерусских слоев на Старом замке города Гродно. Но для нас особенно интересен знак на привесной печати, найденной в Киеве, на обеих сторонах которой схематично изображены двузубцы. По предположению АВ.Орешникова, подобный знак мог иметь отец Ярослава[2]. Этот знак, у которого отсутствует сверху крест, аналогичен в основном первому из описанных выше знаков (знаку А - *С.Б.).* А.В.Орешников считал невозможным отнести знак на киевской печати ко времени Владимира. Архаичность минского знака объясняется, скорее всего, тем, что он принадлежал князьям младшей ветви дома Рюриковичей, которая, начиная с Изяслава Владимировича, положила начало полоцкой ветви князей Рюриковичей, осложнивших изображение древнего двузубца прибавлением к нему сверху креста. В таком случае, знак минского посоха следует, по-видимому, отнести не ранее чем к XII в. Это соображение вполне согласуется с летописными данными, согласно которым,минское княжество с центром в г.Минске выделилось из состава Полоцкого княжества в 1101 г., после смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Первым минским князем был один из сыновей Всеслава Брячиславича, Глеб Всеславич. Ему-то или одному из его ближайших потомков и мог принадлежать посох с княжескими знаками, найденный на минском Замчище в 1949 г." (Тарасенко В.Р., 1950, с. 126).

В монографической статье 1957 г. В.Р.Тарасенко опубликовал прорисовку кистеня (рис.2), отличающуюся в ряде существенных деталей от ранее опубликованной прорисовки, и повторил основные положения первоначального комментария (Тарасенко В.Р., 1957, с. 244, 245). Знак А на прорисовке 1957 г. читается как трезубец с широкими боковыми и узким центральным зубцом, вершина последнего увенчана крестиком. У знака Б на прорисовке 1957 г. левый зубец показан вертикальным, причем вершина этого зубца хотя и выходит за пределы сохранившегося фрагмента кистеня, но, тем не менее, почти достигает высоты правого зубца; от левого угла основания двузубца показан отпятныш влево, завершение которого также выходит за пределы сохранившейся части кистеня.

Л.В.Алексеев включил в исследование, посвященное Полоцкой земле, прорисовку 1950 г. (Алексеев Л.В.,1966, с. 147, рис.28:3). Вслед за Тарасенко, он рассматривал оба знака на

---

[1] В.Р.Тарасенко считал кистень навершием посоха.

[2] Вслед за А.В.Орешниковым и Б.А.Рыбаковым, Тарасенко считал двузубцы, помещенные на печати из раскопок Десятинной церкви в Киеве, знаками Владимира Святого. В настоящее время можно считать установленным, что печать принадлежала Святославу Игоревичу (Янин В.Л., 1970, т.1, № 1; Молчанов А.А., 1988), и двузубцы, помещенные на этой печати, являлись княжеским знаком самого Святослава.

кистене как одинаковые двузубцы "с крестиком наверху" и приписывал эти знаки князю Глебу Всеславичу! Сопоставив знаки на минском кистене со знаками Рюриковичей, анализировавшимися Б.А.Рыбаковым (1940; 1948), Алексеев прлагал, что минские знаки близки "двузубцам Рюриковичей, отличительной чертой которых является значок над двузубцем в виде луны или креста" (Алексеев Л.В., 1966, с. 254). Опираясь на мнение Б.А.Рыбакова, атрибутировавшего последние Изяславу Ярославичу и его сыновьям, Ярополку и Святополку, Алексеев подчеркивал: "Знак Глеба Минского - двузубец с крестиком наверху, очевидно, ... был заимствован этим князем _у своих могущественных союзников, родственников жены" (Алексеев Л.В., 1966, с. 254)[3].

Э.М.Загорульский, впервые опубликовавший фотографию минского кистеня (рис.3), считал, что знак А "находит свое место в ряду знаков ближайших потомков Владимира Святославича". Наиболее близкой аналогией этому знаку исследователь считал трезубец на печати Изяслава Владимировича, найденной в Новгороде (Загорульский Э.М.,1982, с. 217). Знак Б в исследовании Загорульского не комментировался.

Последними по времени высказались по поводу знаков на минском кистене А.Р.Артемьев и А.А.Молчанов. Исследователи воспроизвели прорисовку кистеня по изданию 1957 г., скорректировав ее по фотографии, опубликованной Э.МЗагорульским. Ссылаясь на фрагментарность сохранившихся изображений, Артемьев и Молчанов отказались от попыток персонифицировать знаки. Впрочем, знак А исследователи вполне определенно датировали XI в. (Артемьев А.Р., Молчанов А. А., 1995, с. 189).

Знаки на минском кистене действительно сохранились фрагментарно. Тем не менее, после публикации фотографии кистеня появилась возможность уточнить высказывавшиеся в литературе соображения и оценки, а зафиксированное на кистене сочетание знаков дает, на мой взгляд, некоторые возможности для персонификации их владельцев.

ЗНАК А имеет форму трезубца с широкими боковыми зубцами, обозначенными двойным контуром, и таким же широким основанием. Правый зубец частично разрушен эрозией поверхности кистеня, но это разрушение не мешает угадывать в нем полную симметрию левому зубцу. Центральный зубец узкий, обозначен вертикально процарапанной мачтой с крестовидным завершением[4]. Пространство, примыкающее к основанию трезубца, в пределах которого должна была быть изображена ножка тамги, уничтожено отверстием, просверленным при ремонте кистеня. Датировка трезубца на минском кистене XI в. сомнений не вызывает. На это указывает различная ширина зубцов трезубца. Широкие боковые зубцы трезубца и узкий центральный зубец - признак раннего времени; подобного рода различия между зубцами трезубца не переживают рубеж XI-XII вв.

Ближайшей аналогией знаку А на минском кистене можно считать изображение трезубца на печати Изяслава Владимировича ,из раскопок в Новгороде (Янин В.Л., 1970, т.1, №. 2): общим у этих трезубцев является крестообразное завершение центрального зубца. Различия между знаками, на мой взгляд, несущественны и связаны с "парадным" характером изобра^жения на печати. Однако говорить о тождестве знака на печати и знака А на минском кистене нельзя, поскольку форма ножки у последнего не ясна.

Еще одной аналогией знаку А на минском кистене можно считать трезубец, процарапанный на фреске Софийского собора в Киеве (Высоцкий С.А., 1966, № 75). Общим здесь также оказывается крестообразное завершение центрального зубца, а различия, как и в случае

---

[3] Знаки, атрибутированные Б.А.Рыбаковым Изяславу и Изяславичам, известны по изображениям на монетах; в настоящее время можно считать установленным, что значки, размещенные между зубцами двузубца, не имеют геральдического значения, а все три двузубца в действительности адекватны друг другу. Монеты чеканились Святополком Ярополчичем, которому и атрибутируется знак в форме двузубца с крестообразным левым зубцом (Янин В.Л., 1970, т.1; Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983; Сотникова Н.П., 1995).

[4] Благодаря фотографии, опубликованной Э.М.Загорульским, хорошо видно, что центральный зубец опирается на широкое основание трезубца, так что вопрос о том, зубец ли это трезубца или же "креетнк", помещенный между зубцами двузубца, определенно решается в пользу трезубца.

со знаком на печати, определяются "парадностью" знака-граффити. О полном тождестве говорить не приходится по той же причине, что и в случае со знаком на печати, тем более, что у знака на печати и у знака-граффити ножки трезубцев различаются - у знака-граффити треугольная ножка, обращенная острием вниз, имеет неотчетливое крестовидное завершение, в то время как треугольная ножка у трезубца на печати лишена этого завершения[5].

У трезубцев на печати из Новгорода и на граффити из Софии Киевской ножка имеет в качестве основы треугольник, обращенный острием вниз (на граффити треугольная ножка осложнена крестовидным завершением). У трезубца на минском кистене, как это хорошо видно на фотографии, по всей длине основания прослежена сплошная горизонтальная линия, соединяющая углы основания трезубца, поэтому можно с большой степенью вероятности считать, что ножка, включающая в качестве основы треугольник, обращенный острием вниз, у трезубца на минском кистене отсутствовала. -

Ножки у трезубцев Рюриковичей XI в., как известно, разделяются на три большие группы: ножки в форме треугольника, обращенного острием вниз, ножки в форме треугольника, обращенного острием вниз и усложненного крестообразным завершением, а также ножки в форме креста. Отсутствие у трезубца на минском кистене треугольной части ножки и отсутствие каких бы то ни было иных форм ножек у трезубцев XI в., кроме перечисленных, дает основание предполагать, что у трезубца на минском кистене ножка должна была иметь крестовидную форму.

Я уже писал о том, что различия формы*ножки у знаков Рюриковичей XI в. не случайны, и представляют собой отличие тамги старшего сына от тамги отца (Белецкий С.В.,1996, с. 107-112). В частности, известные по изображениям на подвесках из Новгорода и из окрестностей Киева трезубцы XI в., у которых ножка имела вид крестика, были ранее атрибутированы князю Ростиславу Владимировичу - старшему сыну Владимира Ярославича и внуку Ярослава Мудрого, при этом процесс наследования знака старшего сына (рис.4) реконструировался следующим образом: ножка трезубца Ярослава имеет вид треугольника, обращенного острием вниз, треугольная ножка трезубца Владимира усложняется крестовидным завершением, а у ножки Ростислава Владимировича треугольная часть исчезает (Белецкий С.В., 1996, с. 111, рис.4). Ближайшие аналогии знаку на минском кистене - трезубец, помещенный на печати из Новгорода, и трезубец, процарапанный на фреске Софийского собора в Киеве, - ранее были атрибутированы соответственно Изяславу Владимировичу и Брячиславу Изяславичу (Белецкий СВ.,1995, с. 92-94; 1997а, с. 141-145).,Считая весьма вероятным, что несохранившаяся ножка у знака А на минском кистене имела форму креста, решусь атрибутировать этот знак сыну Брячислава Всеславу Брячиславичу (=1001).

ЗНАК Б. Прежде всего необходимо поставить вопрос о том, какая фигура лежит в основе этого знака - двузубец или трезубец. Согласно обеим прорисовкам В.Р.Тарасенко, знак Б - это двузубец с отогнутыми наружу зубцами и треугольной ножкой, обращенной острием вниз и переходящим в вертикальную черту. Однако на фотографии, изданной Загорульским, хорошо видно, что в действительности никакой треугольной ножки у знака нет - за процарапанную ножку знака приняты трещинки поверхности, поврежденной эрозией. Отчетливо читается правый зубец, отогнутый наружу, а также вертикальный зубец, воспринятый всеми

[5] Определенное соответствие знаку на минском кистене можно было бы усмотреть б знаках, процарапанных на фрагменте кистеня с Острова Ледницкого близ Гнезно. Один из двух знаков на этом кистене представляет собой трезубец с отогнутыми наружу боковыми зубцами, обозначенными двойным контуром, и центральным зубцом в виде вертикальной мачты, завершающейся крестом. Ножка у трезубца, судя по опубликованной прорисовке (Wrzosek A.,1961, s. 254, tabl.1:12), отсутствует. Второй знак на кистене с Острова Ледницкого сохранился только наполовину; левый зубец его аналогичен левому зубцу сохранившегося трезубца; возможно, знаки были одинаковыми. Не исключено, впрочем, что знаки на кистене с Острова Ледницкого не являются тамгами, а представляют собой своеобразно изображенные процветшие кресты: в таком случае центральный зубец оказывается собственно крестом, а боковые зубцы и основание следует расценивать как схематично переданные изображения лозы. По-видимому, вопрос о знаках на кистене с острова Ледницкого следует оставить открытым до нового изучения находки.

исследователями как левый зубец двузубца. Его вершина, как это хорошо видно до фотографии, доходит почти до уровня вершины правого зубца (выще уровня отгиба), так что можно с большой степенью вероятности предполагать, что отгиба влево этот зубец не имел. Выше вертикального зубца на фотографии хорошо видны две крестообразно пересекающиеся царапины, принятые Тарасенко за крест. От угла пересечения вертикального зубца и основания знака отходит под углом процарапанная линия, завершение которой осталось за пределами сохранившейся части кистеня. На фотографии видна только точка пересечения зтой линии с основанием .знака, однако на прорисовке Тарасенко данная линия показана вполне отчетливо, так что в ее неслучайном характере сомневаться вряд ли приходится: фактически, речь должна идти о своеобразном отпятныше. Таким образом, процарапанный на кистене знак Б имеет странный для двузубца вид - отсутствие ножки и отпятныш на левом углу основания. Знак в целом оказывается настолько нетипичным, что возникает вопрос о том, знак ли это вообще.

Пространство поверхности кистеня левее точки пересечения вертикального зубца с основанием и "отпятнышем" на опубликованной фотографии не видно. На прорисовке Тарасенко здесь не обозначены искусственно процарапанные линии. Но если предположить, что горизонтальная линия основания знака продолжалась далее рассмотренной точки пересечения и эта часть основания знака ни в одну из прорисовок не была включена (из-за разрушения поверхности кистеня эрозией?; осталась непонятой?), то знак приобретает вид трезубца с ножкой отогнутой влево, центральным вертикальным зубцом и правым зубцом, отогнутым наружу. Подобный трезубец с ножкой, отогнутой влево, и правым зубцом, отогнутым наружу, известен по изображению на пломбе из Дрогичина (Болсуновский К.В., 1894, № 338), правда, у этого трезубца правый зубец перечеркнут косой перекладиной, а центральный зубец заметно короче боковых. Знак Б по сравнению со знаком А относится к более позднему времени - знаки линейных рисунков получили широкое распространение только в XII-XIII вв., в период после Любечского съезда русских князей (Белецкий С.В., 1976).

Оставляя вопрос о принадлежности знака Б на минском кистене открытым, отмечу, что тамга в форме трезубца не принадлежит к числу распространенных знаков Рюриковичей XII-XIII вв.: в это время преобладают двузубцы. Считая, что после Любечского съезда за отдельными ветвями потомков Владимира Святославича были закреплены особые группы знаков, есть основание полагать, что тамга в форме трезубца в XII-XIII вв. продолжала употребляться князьями только одной ветви рода. Возможно, речь должна идти именно о старшей ветви Рюриковичей - полоцких Изяславичах, потомках Всеслава Брячиславича.

xxx

Почему на кистене были процарапаны лично-родовые княжеские знаки? А.Н.Кирпичников полагал, что "речь идет о наследственной передаче оружия, вызывавшей видоизменение тамги" (Кирпичников А.Н.,1966, с. 59). Теоретически это вполне возможно, хотя не исключено и альтернативное решение проблемы. На роговом кистене из Саркела процарапано не менее четырех знаков Рюриковичей, три из которых принадлежат к числу знаков простого линейного рисунка. Два из этих знаков - двузубцы прямоугольных очертаний, а третий - трезубец[6]. Считать, что перечисленные знаки, принадлежали князьям одной и три же ветви потомков Рюрика, на мой взгляд, не приходится. Предположение о том, что владелец кистеня переходил из дружины в дружину, каждый раз помечая свой кистень знаком нового сюзерена, мне представляется маловероятным, поэтому не исключаю, что процарапанные на кистене княжеские знаки могли быть пометами, обозначающими факт участия владельца кистеня в успешных боевых действиях против владельца знака - своего рода послужной список, "летопись побед". Это хорошо соотносится о зафиксированным ремонтом минской

[6] Прорисовки знаков на саркельском кистене публиковались неоднократно, см. напр.;. (Артамонов *М.И.,* 1958, рис.55; Щербак А.М., 1959, с. 364, рие.1). Однако -эти прорисовки требукэъугочнения, а сам кистень должен стать предметом специального исследования.

находки: даже будучи сломанным, то есть - утратившим функциональность, кистень потребовал ремонта, то есть - он представлял для владельца особую ценность.

Если сказанное справедливо, то велик соблазн считать владельца кистеня дружинником Владимира Мономаха, принимавшим участие в боевых действиях конца 1070-х - середины 1080-х годов против Всеслава Полоцкого: результатом этих событий стало появление на кистене изображения знака А. Появление на кистене изображения знака Б, датировка которого временем ранее XII в, маловероятна, можно, в таком случае, соотносись с событиями, последовавшими за Любечским и Витичевским съездами - борьбой Мономаха и его союзников с минским князем Глебом Всеславичем[7]. В любом случае, верхний предел археологизации кистеня, вероятнее всего, соотносится с событиями 1119 г, когда Владимир Мономах взял Минск: во время этих боевых действий и мог быть разбит на куски кистень, принадлежавший одному из ветеранов дружины Мономаха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АЛЕКСЕЕВ Л.В., 1966. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII вв. М.
2. АРТАМОНОВ М.И., 1958. Саркел- Белая Вежа// МИА. № 62. .
3. АРТЕМЬЕВ А.Р., МОЛЧАНОВ А.А., 1995. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности // РА. № 2.
4. БЕЛЕЦКИЙ СВ., 1995. К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве // Церковная археология. Вып. 2. СПб.
5. БЕЛЕЦКИЙ С.В., 1996. О лично-родовых знаках князей-Рюриковичей X-XI вв. // АИП. Вып. 16. Псков.
6. БЕЛЕЦКИЙ С.В., 1997а. К атрибуции княжеского знака на граффити № 75 из Софии Киевской // Археологія. № 3.
7. БЕЛЕЦКИЙ С.В., 1997б. Лично-родовые знаки Рюриковичей: проблема систематизации и генезиса // Материалы чтений, посвященных 70-летию Л.С.Клейна. В печати.
8. БОЛСУНОВСКИЙ К.В., 1894. Дрогичинские пломбы. Часть 1. Киев.
9. ВЫСОЦКИЙ С.А., 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев.
10. ЕРШЕВСКИЙ Б.Д., 1985. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н.П.Лихачева)//ВИД, № XVII. Л.
11. ЗАГОРУЛЬСКИЙ Э.М., 1982. Возникновение Минска. Мн.
12. КИРПИЧНИКОВ А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв.//САИ. Е1-36.
13. ЛИХАЧЕВ Н.П., 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. *Л.*
14. МОЛЧАНОВ А.А., 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X-XIII вв.//ВИД. № XVI.
15. МОЛЧАНОВ А.А., 1988. Печать Святослава Игоревича (к вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики древней Руси X в.) // Внешняя политика древней Руси. М.
16. РЫБАКОВ Б.А., 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // СА. № VI.
17. РЫБАКОВ Б.А., 1948. Ремесло // История культуры древней Руси. Т. 1. М.-Л.
18. СОТНИКОВА М.П., 1995. Древнейшие русские монеты X-XI веков. Каталог и исследование. М.
19.СОТНИКОВА МЛ., СПАССКИЙ И.Г, 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв. Л.
20. ТАРАСЕНКО В.Р., 1950. Раскопки минского Замчища // КСИИМК. №35
21.ТАРАСЕНКО В.Р., 1957. Древний Минск//Материалы по археологии БССР. Т.1. Мн.
22. ЩЕРБАК А.М., 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела - Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов)//МИА. № 75. .' /
23. ЯНИН В.Л., 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. 1. М
24. WRZOSEK A., 1961. Zabytki wszesnos'redniowieczne z Ostrowa Lednickiego, pow. Gniezno // Fontes
archaeologici posnanienses. Annales Musei archaeologici posnaniensis. XП. Poznan.

[7] В таком случае знак Б на минском кистене мог принадлежать как самому Глебу Всеславичу, так и одному из его сыновей. Однако до нового изучения трезубцев линейного рисунка и выявления правил наследования тамги в роду полоцких Рюриковичей персонифицировать знак Б было бы преждевременно. •

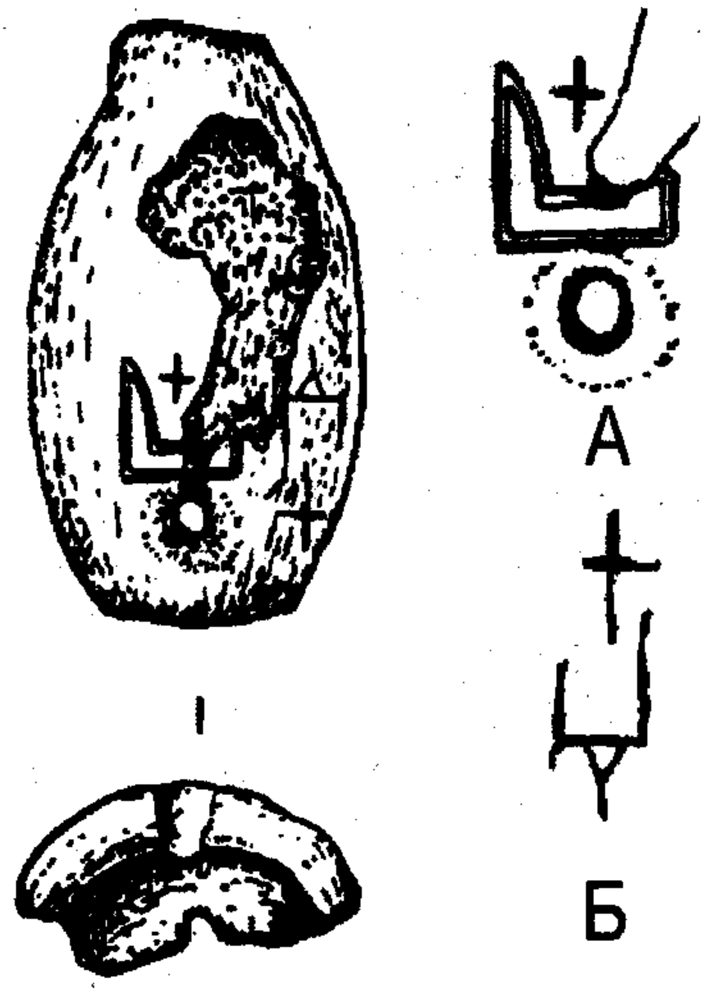

Рис. 1. Минский кистень. Прорисовка 1950 г.

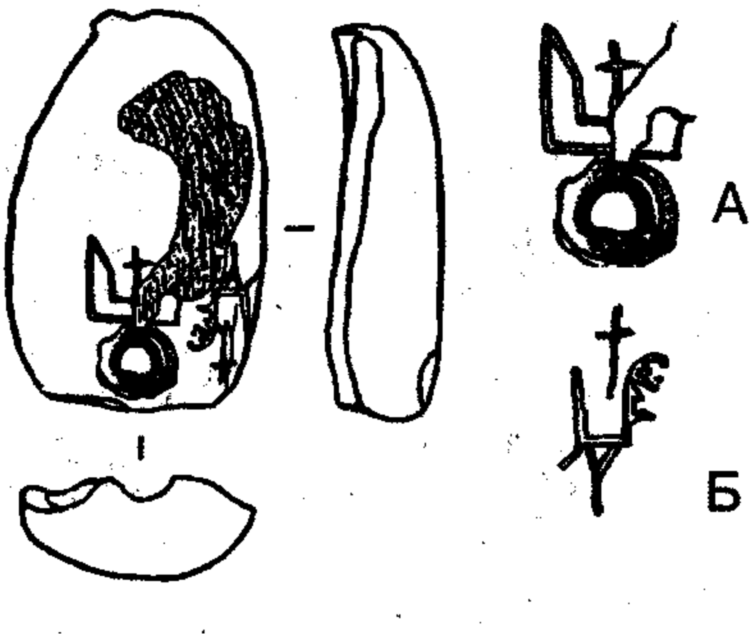

Рис. 2. Минский кистень. Прорисовка 1957 г.

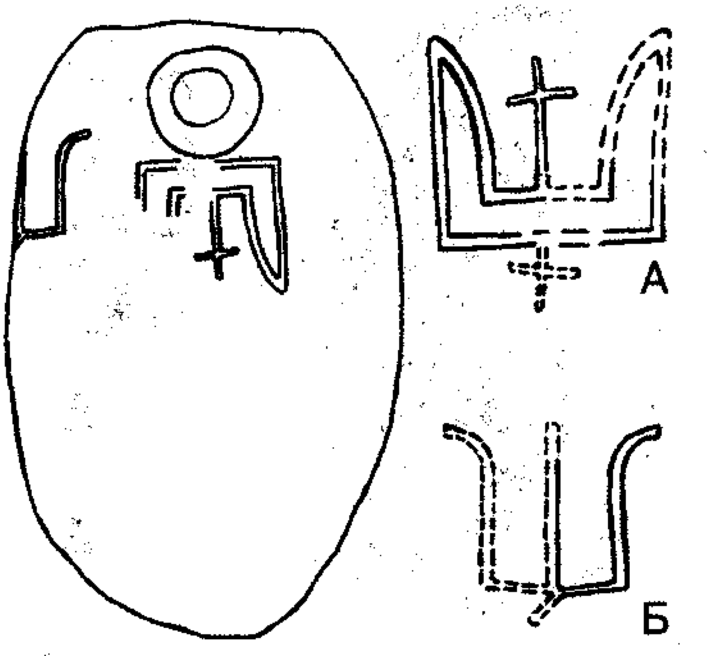

Рис. 3. Минский кистень. Прорисовка по фотографии.

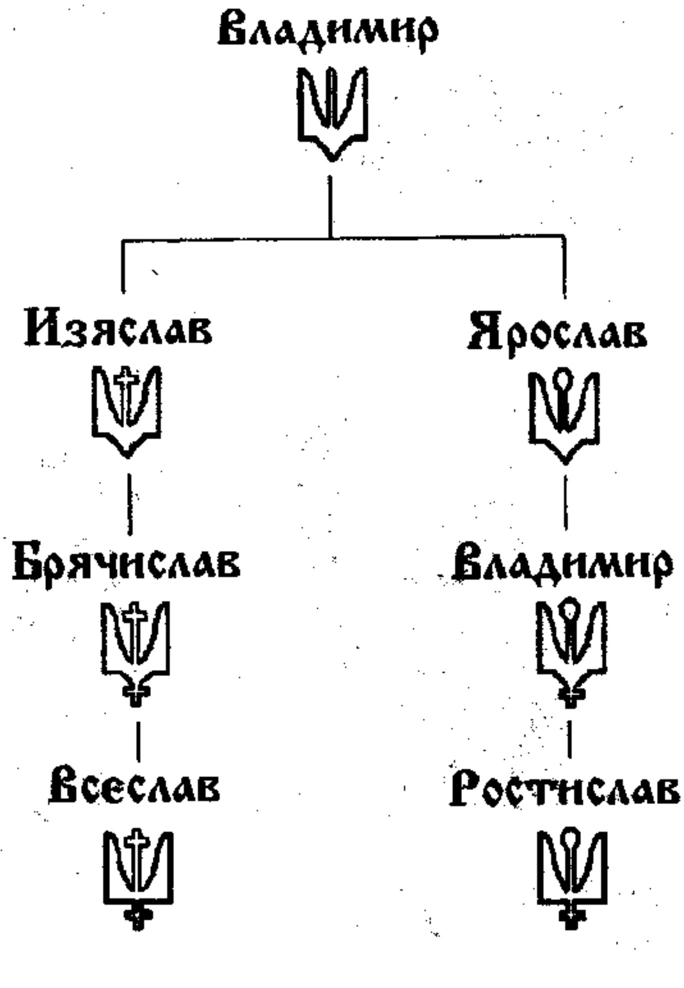

Рис. 4. Схема наследования лично-родовых знаков потомками Владимира Святого.

Вяргей В. (Мінск), Трымер В. (ЗША).

РАННЕСЛАВЯНСКАЕ СЕЛІШЧА СНЯДЗІН-2

На правым беразе р.Прыпяць, у 3,5-4,5 км на паўночны захад ад в.Снядзін Петрыкаўскага раёна Гомельскай вобласці размешчаны археалагічны комплекс, які складаецца з трох паселішчаў і безкурганнага могільніка. Выяўлены В.С.Вяргей у 1992-1993 гг.

Паселішча Снядзін-1 размешчана ва ўроч. Боркі, на доўгім і вузйм пясчаным узвышшы, арыентаваным з усходу на захад. Узвышша з поўдня і поўначы абмежавана балоцістымі нізінамі (мал. 1: А). Пасёлішча займае тэрыторыю 550 х 70 м. Культурны пласт не задзернаваны, раздзімаецца ветрам, мае таўшчыню 0,2-0,5 м. Сумесна з М.М.Крывальцэвічам у 1993 годзе на паселішчы Снядзін-1 даследавана раскопкамі плошча памерам звыш 100 кв.м. Выяўлены розначасовы матэрыял, прадстаўлены крамянёвымі вырабамі (наканечнікі стрэл, скрабкі, разцы, ножападобныя пласціны і інш.), абломкамі ляпнога посуду днепра-данецкай неалітычнай і шнуравой керамікі эпохі бронзы культур. У нязначнай колькасці знойдзены матэрыялы мілаградскай (фрагменты керамікі, дзве бронзавыя грыбападобныя завушніцы скіфскага тыпу) і зарубінецкай (абломкі глянцаванага посуду) культур жалезнага веку. З раннеславянскай культурай Прага-Карчак суадносяцца фрагменты ляпных неарнаментаваных гаршкоў з невысокімі прамымі або адхіленымі вонкі венцамі і найбольшым пашырэннем тулава ў яго верхняй частцы, біканічнае праселка, шкляная сіняя шарападобная пацерка, абломкі жалезных нажоў.

Паселішча Снядзін-3 знаходзіцца ў 0,4 км на захад ад паселішча Снядзін-1 (мал. 1: АЗ), на краю надпоймавай тэрасы. Выцягнута з поўначы на поўдзень уздоўж усходняга берага старычнага возера Барацкое. Яго паверхня мае невялікі ўхіл на захад да возера і на поўдзень. Займае тэрыторыю прыкладна 260 х 140 м. Культурны пласт разворваецца і дасягае таўшчыні 0,5-0,6 м. На паверхні помніка і ў двух разведачных шурфах выяўлены ў невялікай колькасці абломкі ляпнога посуду эпох неаліта і бронзы. Асноўную масу знаходак складаюць фрагменты сасудаў тыпу Прага-Карчак, адзначаецца таксама прысутнасць керамікі Лука-Райкавецкай культуры, сустракаюцца металургічныя жужлы. На паўднёвым ускрайку селішча назіраецца вялікае скапленне кавалкаў балотнай руды.

У заходняй частцы ўзвышша ва ўроч. Боркі, паміж паселішчамі Снядзін-1 і Снядзін-3 выяўлены два трупаспаленні, якія скапленнямі кальцыніраваных костак адзначаліся на пясчанай паверхні. Пад косткамі прасочаны ніжнія часткі пахавальных ямаў. Яны амаль круглыя ў плане, іх дыяметр 0,6-0,4 м, захаваліся на глыбінк^0,3-0,4 м, запоўнены чорнай зямлёю, у якой змяшчалася невялікая колькасць перапаленых костак. Кальцыніраваныя косткі сустракаюцца на паверхні паселішча Снядзін-1 і, таксама, на тэрыторыі, якая знаходзіцца паміж паселішчамі Снядзін-1 і 3, дзе знойдзена сіняя шкляная празрыстая шарападобная пацерка (мал. 1: АМ).

Паселішча Снядзін-2 размешчана ў 0,2 км на паўночны захад ад паселішча Снядзін-1, ва ўроч. Дворышча і аддзяляецца ад апошняга забалочанай нізінай. Займае заходнюю пашыраную частку выцягнутага з усходу на захад узвышша, абмежаванага з поўначы старычным возерам Ходнае (мал. 1: А2). Мае плошчу каля 2-х гектараў, культурны пласт разворваецца (мал. 1:В). Раскопкамі ў 1994-1997 гг. даследавана ў пауднёва-заходняй частцы паселішча каля 300 кв.м яго тэрыторыі. Таущчыня культурнага пласта вагаецца ў межах 0,3-0,65 м. У раскопах выяўлена 98 слупавых і гаспадарчых ямаў, 2 асобныя агмені, складзеныя з камянёў і абломкаў ляпнога посуду, 5 металургічных печаў.

Сырадутныя горны ў выглядзе развалаў пёрапаленай гліны з уключэннямі жужлаў, невялікіх камянёў і абломкаў ляпнога посуду адкрыты на глыбіні 0,2-0,22 м ад дзённаи паверхні, пад ворыўным пластом. У развалах прасочаны асновы металургічных пёчаў у выглядзе дна і рэштkaў сцен, якія месцамі захаваліся на вышыню 2-9 см. Дны печаў знаходзіліся на глыбіні 0,3-0,4 м ад дзённай паверхні і на вышыні ОД-0,16 см ад мацерыка. У двух печах прасочаны сляды перабудовы ў выглядзе двайной^ або трайной рэканструкцыі дйа. Частка печаў мела

чарэні, выкладзеныя фрагментамі гаршкоў. Мяркуюць, што падобны спосаб пабудовы чарэня садзейнічае захоўванню выеокай'тэмпературы (Хавлюк П.Й., 1988, с. 229). Унутраны дыяметр печаў вагаўся ў межах 0,4-0,5 м, знешні - 0,6-0,7 м. Сценкі мелі таўшчыню 0,1-0,12 м. Побач з печамі размяшчаліся перадпечныя ямы. Можна выказаць меркаванне, што даследаваныя на селішчы Снядзін-2 металургічныя печы ўяўлялі сабою стацыянарныя збудаванні з наземнымі шахтамі, якія былі крыху заглыбленымі ў зямлю, і перадгорнавымі ямамі. Падобны тып металургічных печаў вядомы ва Усходняй Еўропе ўжо на рубяжы і ў першых стагоддзях н.э. Яны выяўлены на познезарубінецкім паселішчы Люцеж, на селішчах чарняхоўскай культуры Іванкаўцы і Лапатна, на вельбарскім паселішчы Лепясоўка (Славяне Юго-Восточной ЕвропьI..., 1990, с. 377). Наземныя шахтныя металургічныя печы зафіксаваны на паселішчах пянькоўскай культуры каля вв. Семенкі і Самчыпцы на р.Паўднёвы Буг (Хавлюк П.Н., 1963, с. 339, 345), што ў спалучэнні з матэрыяламі селішча Снядзін-2 сведчыць аб адсутнасці значдага прагрэсу ў тэхніцы жалезаздабычы ў трэцяй чвэрці I тысячагоддзя ва Усходняй Еўропе. Пры даследаванні селішча ў культурным пласце выяўлены 2 агмені. Адзін з іх знаходзіўся на глыбіні 0,25-0,28 м ад дзеннай паверхні, каля печы 2, яўляў сабою лінзу чорнай сажыстай зямлі з дамешкамі вуголля і попелу таўшчынёю 0,08-0,14 см і дыяметрам каля 1,5 м. У ёй расчышчана скапленне невялікіх абпалейых камянёў, фрагменты ляпнога посуду тыпу Прага-Карчак і косткі жывёл. Усяго выяўлена 253 абломкі керамікі, 1 жужла, 18 костак жывёл, кавалак пячыны і каля 30 камянёў. Два гаршкі са скаплення ў агмені рэканструяваны (мал. 2: 1, 10). Другі агмень прасочаны таксама ў культурным пласце на глыбіні 0,3 м ад дзённай паверхні. У лінзе чорнай зямлі з дамешкамі вуголля і попелу дыяметрам каля 0,9 мі таўшчынёю 0,1 м расчышчана скапленне невялікіх абпаленых камянёў.

Даследаваны шляхам раскопак участак паселішча вызначаецца наяўнасцю значнай колькасці ямаў. Меншая іх частка адносіцца да слупавых, астатнія маюць гаспадарчы характар. Асобныя слупавыя ямы размешчаны каля сценак гаспадарчых ямаў, альбо на іх дне і канструктыўна, відаць, звязаны з апошнімі, Пяць слупавых ям утвараюць лінію, арыентаваную з паўднёвага захаду на паўночны ўсход даўжынёю 7 м і з'яўляюцца слядамі сцяны. Большасць гаспадарчых ямаў маюць у плане блізкую да круга або авала форму. Дно іх плоскае або лінзападобнае, сценкі вертыкальныя або звужаюцца да нізу. Некаторыя з іх у разрэзе маюць звонападобную форму. Іх глыбіня ад узроўня мацерыка вагаецца ў межах 0,1-1 м, дыяметр 0,6-2 м. У аднрй неглыбокай ямцы прасочаны гліняны борцік па яе верхняму краю, у некалькіх іншых - участкі з глінянай абмазкай сценак. У многіх ямах дно ўяўляе сабою перапалены чырванаваты пясок з лінзамі чорнай сажыстай зямлі. У культурным пласце і аб'ектах знойдзена звыш 12 тысяч фрагментаў ляпной керамікі, каля 4-х тысяч металургічных жужлаў, каля 2-х тысяч костак жывёл. Комплекс выяўленых аб'ектаў і знаходак сведчыць аб вытворчым характары даследаванага ўчастка селішча. Можна меркаваць, што тут займаліся выпальваннем драўнянага вугалю, узбагачэннем балотнай руды, чорнай металургіяй, кавальскай і ліцейнай вытворчасцю. Аналіз матэрыялаў шмат якіх славянскіх паселішчаў 5-7 стст. дазваляе сцвярджаць, што спалучэнне розных вытворчасцяў было распаўсюджанай з'явай для рамеснікаў таго часу (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984; с. 40; Хавлюк П.Н., 1988, с. 230; Славяне Юго-Восточной Европы..., 1990, с. 381).

Адзіным масавым матэрыялам на селішчы Снядзін-2, як і на іншых помніках пражскай культуры, з'яўляюцца абломкі.-керамічных вырабаў. Калекцыя керамікі ўключае практычна ўсе вядомыя для славяы тагр часу катэгорыі посуду: гаршкі, патэльні, міскі, мініяцюрныя сасудзікі. Уся раннеславянская кераміка леплена ад рукі^ сфармавана, у асноўным, шляхам стужкавага налепу. Фармовачная маса екладаецца з гліны з дамешкамі пяску, жарствы і шамота. Найбольш часта прьшяняліся схудняючыя дамешкі з жарствы, шамот выкарыстоўваўся рэдка. Па фактуры паверхні посуд распадаецца на дзве групы: бугрысты і шурпаты. У бугрыстым посудзе выкарыстоўвалася жарства буйных і сярэдніх памераў (2-6 мм). Зрэдку сустракаецца хоць і бугрысты, але вельмі старанна загладжаны посуд. Група шурптых сасудаў характарызуецца шорсткай на вобмацак,, амаль "вострай" ;паверхняй, якая

ўтвараецца ад дамешак моцна здрабнёнай жарствы. Таўшчыня сценак посуду вагаецца ў межах 0,5-1 см. Колер пераважна карычневы розных адценняў, радзей шэры і блізкі да чорнага. Нярэдка паверхня сасуда пЛямістая, што сведчыць аб нераўнамернасці абпалу.

У Снядзінё-2 зрэканструявана цалкам толькі сем гаршкоў, адна патэльня і некалькі мініяцюрных сасудзікаў, таму традыцыйна ў аснову класіфікацыі керамічнага комплекса пакладзена форма верхняй часткі сасуда да яго найбольшага пашырэння і захаваныя буйныя фрагменты ніжніх частак. Вылучана каля 200 абломкаў посуду, прыдатных для аналізу. Выкарыстаны метады класіфікацыі, прапанаваныя І.П.Русанавай (1976, с. 16-44) і М.Парчэўскім (1988,8.27-76).

Марфалагічны і статыстычны аналіз верхніх частак гаршкоў паказвае, што на селішчы Снядзін-2 найбольш распаўсюджаны сасуды з прамой шыйкай рознай даўжыні, гарызантальна зрэзаным венцам і ў рознай ступені вылучаным плечуком (мал. 2: 1, 2, 3, 4, 12). Другую пазіцыю займаюць гаршкі з адагнутай вонкі шыйкай і гарызантальна зрэзаным венцам (мал. 2: 14) і трэцюю - з адагнутай вонкі шыйкай і коса зрэзаным венцам (мал. 2: 6, 15). Падобная сітуацыя характэрна і для ўсяго керамічнага комплекса з помнікаў пражскай культуры на Беларусі (Вяргей В.С., 1997, с. 20-26). Да ліку характэрных, але меней распаўсюджаных адносяцца сасуды з прамой альбо адагнутай шыйкай і закругленым венцам. Сустракаюцца гаршкі з невылучанай шыйкай і загнутым унутр венцам (мал 2: 10). Дно большасці сасудаў плоскае, падрэзанае з бакоў (мал. 2: 5), у іншых выпадках дно пераходзіць у тулава пад прамым вуглом (мал. 2: 14), рэдка сустракаецца дно з закраінай альбо на невысокай кругавой ножцы (мал. 2: 10). Міскі знойдзены ў адзінкавых экземплярах. Адны з іх маюць усечанака-нічную форму і злёгку загнуты ўнутр край. Падобныя міскі часта сустракаюцца ў керамічным комплексе шмат якіх культур, але характэрны і для славянскіх помнікаў другой паловы І тысячагоддзя (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984, с. 15). Выяўлена невялікая місачка гаршкападобнай формы з высокай злёгку прагнутай шыйкай і слаба азначаным плечуком. Ёсць міскі з высокай амаль цыліндрычнай шыйкай і ўсечанаканічным тулавам. Выяўлена некалькі мініяцюрных сасудзікаў слоікападобнай, усечанаканічнай і іншых формаў. Зрэдку яны сустракаюцца і ў іншых рэгіёнах пражскай культуры (Parczewski M., 1988, Rус. 11: 11.6). Даволі шматлікія гліняныя патэльні маюць рознай вышыні борцікі, у большай ці меншай ступені адагнутыя вонкі (мал. 2: 17-20). Амаль увесь посуд пражскай культуры з селішча Снядзін-2 неарнаментаваны. Толькі зрэдку сустракаюцца сасуды, упрыгожаныя па зрэзу венца насечкамі. У цэлым, керамічны комплекс селішча Снядзін-2 складаецца з формаў, якія характэрны для ўсяго арэала пражскай культуры. Аналагічныя гаршкападобныя сасуды шырока прадстаўлены на паселішчах Карчак-7 і 9, Падрыжжа (Русанрва Н.П., 1973), Рыпнеў II (Баран В.Д., 1963, с. 351-365), Кадын (Русанова Н.П., Тимощук Б.А., 1984), Жуковіцы (Parczewski M., 1989), Славакіі (Fusek G., 1994) і інш. Памеры гаршкоў розныя. Вышыня рэканструяваных сасудаў вагаецца ў межах 11,5-33 см. Заўважана, што ў славянскім керамічным комплексе 3-й чвэрці гаршкі вышэй 30 см сустракаюцца даволі рэдка (Русанова И.П., 1973, с. 10; Zeman J., 1976, с. 190; Parczewski M., 1988, с. 49). Дыяіметры вусцяў сасудаў вагаюцца ў межах 8-26 см, але найбольш пашыраны гаршкі дыяметрам 20-22 см і 10-12 см.

На паселішчы знойдзена звыш дваццаці цэлых і фрагментаваных гліняных хлябцоў (мал. 3: 11, 12). Выраблены з гліны без схудняючых дамешак. Лны акруглыя, уплошчаныя з аднаго альбо двух бакоў. Цэлыя экземпляры дасягаюць у дыяметры 7,5-7,8 см, знойдзены ў развале металургічнай печы 4.

У культурным пласце выяўлена каля 40 цэлых і фрагментаваных праселак. Зроблены са старанна адмучанай гліны, загладжаны. Два экземпляры выраблены з ружовага шыферу. Па форме праселкі падзяляюцца на біканічныя, сферычныя, цыліндрычныя, цыліндрычна-акруглабокія. Пераважаюць біканічныя высокія (мал. 3: 2, 4, 10) і нізкія (мал. 3: 9). Дыяметр найбольшага пашырэння праселак 3,5-2,2 см,"дыяметр адтуліны - 1,1-0,6 см, вышыня 2,9-1,1 см. Адно шыфернае праселка мае цыліндрычную "форму, яго вышыня 0,6 см, а другое -биканічнае, яго вышыня 0,9 см. Украінскія даследчыкі адзначаюць з'яўленне шыферных пра-

селак на славянскіх паселішчах ў VIII ст., а магчыма нават і ў VII ст. (Петрашенко В.О., 1988, с. 25). На двух гліняных праселках прасочаны безсістэмны кропкавы арнамент, адно ўпрыгожана гарызантальнымі баразёнкамі, а іншае - прачэрчаным крыжыкам (мал. 3: 4). Знойдзены два гліняныя грузікі, дыяметр якіх дасягае 4,5 см. Выяўлены абломкі каменных прамавугольных тачыльных брускоў і фрагмент круглага тачыла, дыяметр якога каля 12 см. У цэнтры тачыла маецца адтуліна для стрыжня, на якім яно трымалася і паварочвалася. Падобнае, толькі крышку болыыае па памерах тачыла знойдзена на паселішчы Кадын-2 (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984, с. 17, рис. 17: 5).

Металічных вырабаў знойдзена ня шмат. Часцей за ўсё сустракаюцца цэлыя і фрагментаваныя нажы. Іх даўжыня 11-14 см, чаранок адзяляецца ад спінкі і ляза невялікімі ўступамі. Спінка звычайна прамая (мал. 4: 1). Падобнага тыпу нажы характэрныя для славянскіх помнікаў другой паловы I тысячагоддзя і шырока распаўсюджаны (Русанова И.П., 1973, табл. 32; Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1984, с. 17, рнс. 18: 4, 5). 3 жалеза выраблены цэлью і фрагментаваныя шылы (мал. 4: 3, 4), невялікі, але масіўны прабойнік, язычок ад спражкі (мал. 4: 5), кальцо з прабоем - магчыма, ручка ад дзвярэй, альбо ад скрыні. Падобная рэч знойдзена ў жытле 35 на Усходнім гарадзішчы каля в. Манастырок (Максимов Е.В., Петрашенко В.О., 1988, рис. 42: 2). Зброя прадстаўлена двухшыпньш плоскім чарашковым наканечнікам стралы, якія бытавалі ва Усходняй Еўропе з I па XIV стст. (Медведев А.Ф., 1966, с. 61). Жалезнае пласцінкавае трапецападобнае крэсіва з вушкам мае даўжыню.9,5 см (мал. 4: 2). Падобная рэч знойдзена на паселішчы Бухлічскі Хутар у Столінскім раёне. Пласцінкавыя крэсівы на тэрыторыі пражскай культуры выяўлены толькі на Беларускім Палессі. Яны вядомыя ў старажытнасцях шмат якіх культур I тысячагоддзя н.э. - кіеўскай, пшэворскай, позднедзякаўскай і інш. (Розенфельдт И.Г., 1982, с. 143-145).

Вырабы з бронзы і медзі прадстаўлены нарыхтоўкамі ў выглядзе стрыжня і пласцінак незавершанай формы (мал. 4: 9, 10), колцамі, спражкаю. Два колцы з разамкнутымі канцамі зроблены з круглага ў сячэнні дроту (мал. 4: 11). Выяўлены колца з заходзячымі канцамі, якое выраблена з плоскай прамавугольнай ў сячэнні пласцінкі, і колца, адзін канец якога нагадвае спіральны штопар з 3-х віткоў. У перадмацерыковым пласце, каля печы 2 знойдзена цэльналітая срэбная спражка візантыйскага тыпу (мал. 4: 8). Найбольш блізкія па форме спражкі сустракаюцца на славяна-аварскім могільніку Дэвінска Нова Весь каля Браціславы (Eisner J., 1952, obr. 48: 1, 4; 108: 1), Датуюць іх VTI ст. н.э. (Varsik V., 1992, s. 77-108). Шырокую дату, другую палову I тысячагоддзя, маюць знойдзеныя на селішчы Снядзін-2 пацеркі.
Тут ёсць шкляныя сінія акруглай і гранёнай формаў пацеркі (мал. 4: 13, 14), чатырохчасткавая колеру марской хвалі пранізка (мал. 4: 12). Яны сустракаюцца на ломніках V-IX стагоддзяў ад Каўказа да Старой Ладагі (Школьннкова Н.А., 1978, с. 97-104).

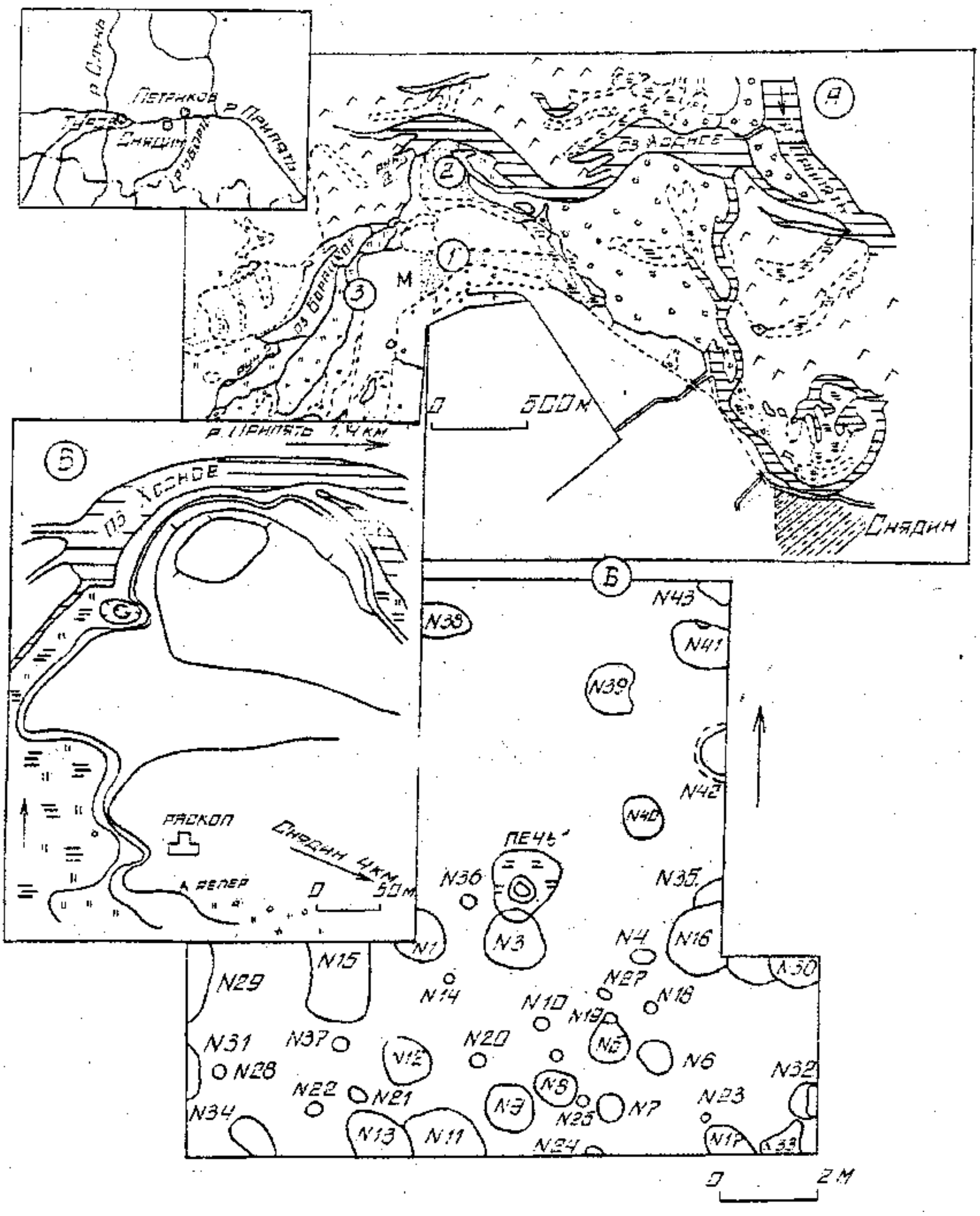
Падсумоўваючы вынікі папярэдняга і яшчэ няпоўнага аналізу матэрыялаў, выяўленых на паселішчы Снядзін-2, можна выказаць думку, што яно існавала ў VI - пачатку VIII ст.ст. Як і для іншых помнікаў пражскай культуры, падставай для разважанняў аб храналогіі помніка ў першую чаргу з'яўляюцца асаблівасці яго керамічнага комплекса. У большасці ён складаецца з даволі развітых формаў гаршкоў, якія маюць выразную шыйку і вылучаныя плечы. Аднак прасочваецца таксама і група архаічнай керамікі, якая мае слабапрафіляваныя формы тулава, шырокае вусце, кароткую шыйку. Падобныя формы посуду зафіксаваны ў комплексах VI ст. на паселішчах Рыпнеў II (Баран В.Д., 1963, с. 357-365), Карчак-7, 9, Цецераўка (Русанова И.П., 1973, табл. 4: 12, 14; 5: 2, 5, 17, 24; 6: 15, 17; 13: 2), Абалонь у Кіеве (Шовкопляс А.М., Гавритухин И.О., 1993, рнс. 3: 3, 9, 14), Кодын-I, II, Гарэча (Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1984, табл. 13: 2, 17: 1, 18: 10, 27: 2, 36: 5), Жуковіцы (Parczewski M., 1989, tabl XXV: 5, XXXI: 2, XXVII: 5, XXVIII: 16, LVII: 19), на тэрытррыі Славакіі (Fusek G., 1994, tabl. XXVII: 15, LIII: 13; LII: 13) і інш.

Верхняя храналагічная мяжа прасочваецца больш упэўнена. Другой палрвай VII ст. датуецца цэльналітая візантыйскага тыпу спражка (Varsik V-, 1992, s. 77-108). 3 рубяжа VII-VIII ст. на помніках Сярэдняга Падняпроўя з'яўляюцца праселкі з ружовага пірафіліту (Орлов

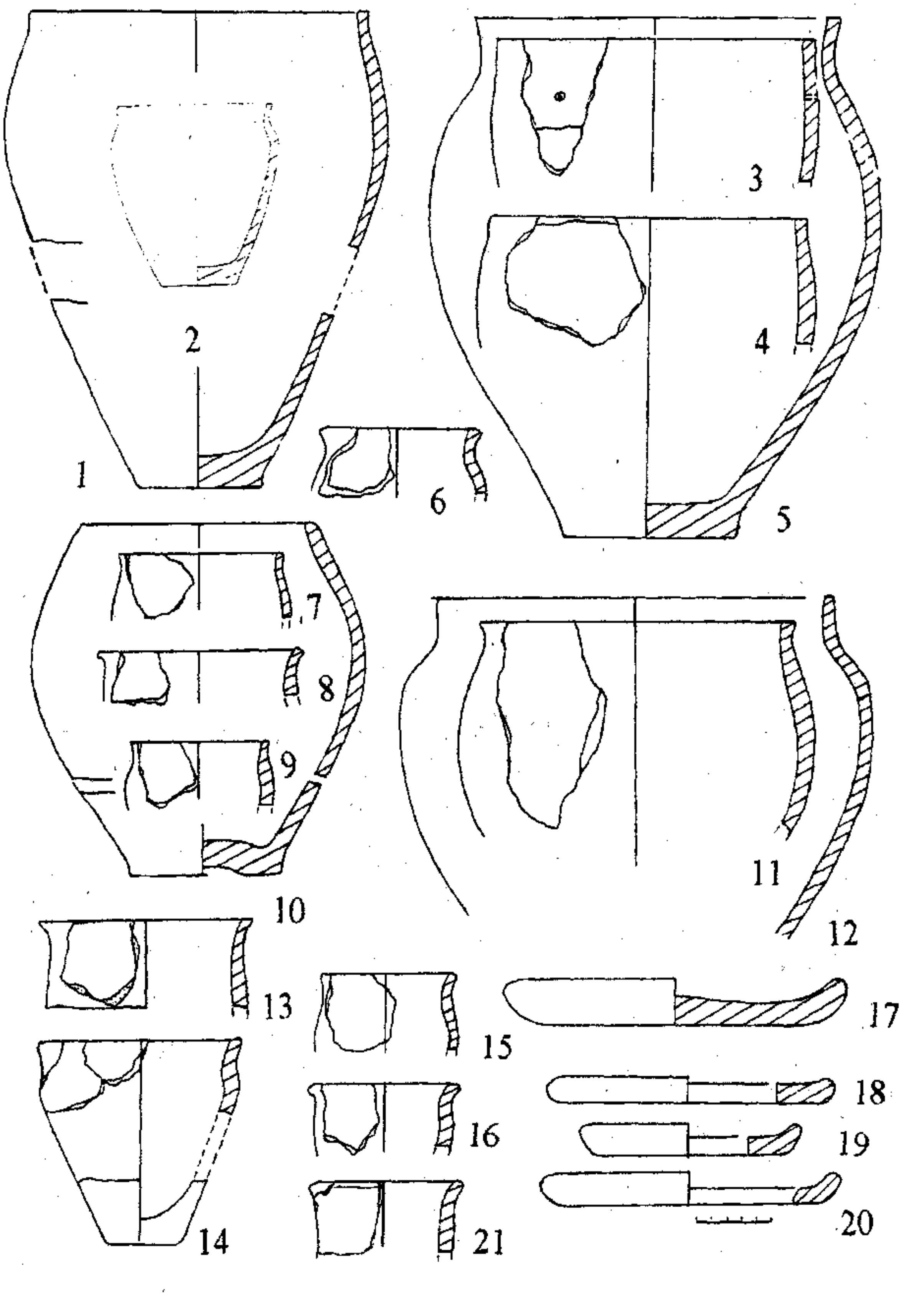
Р.С., 1970, с. 91-98; Петрашенко В.О., 1988, с. 25). На паселішчы практычна адсутнічае падпраўленая на ганчарным коле і раннеганчарная кераміка, што выключав IX ст. Дадзены артыкул не прэтэндуе на вычарпальную інфармацыю, а мае на мэце засігналізаваць аб пачатках працы на археалапчным комплексе, які пашырае крыніцазнаўчую базу даследавання пражскай культуры ў яе паўночна-ўсходнім арэале.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

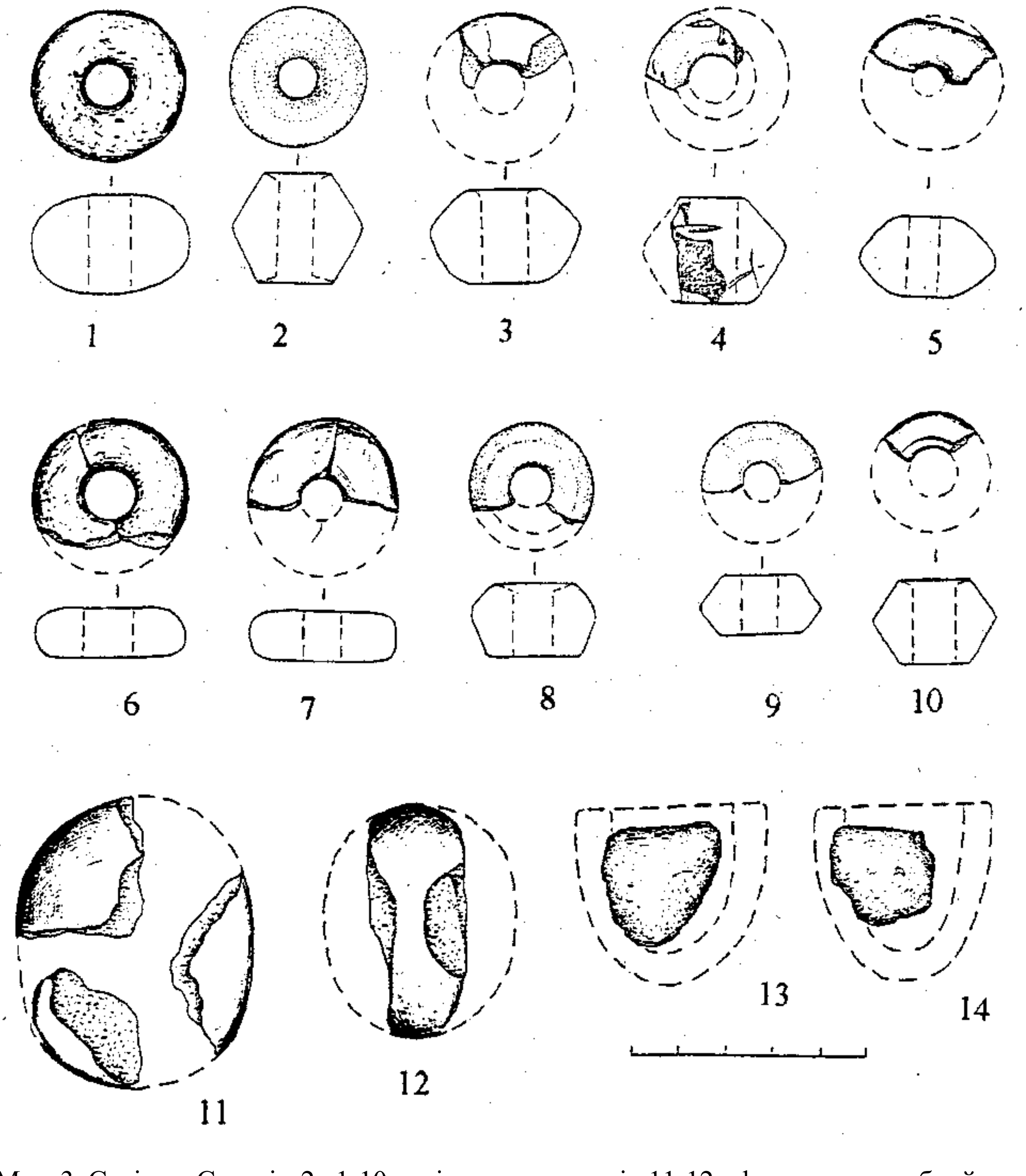

1. Баран В.Д., 1963. Раннеславянское поселение у с.Рипнев (Рипнев II) на Западном Буге // МИА. № 108. М.
2. Вяргей В.С., 1997. Керамічны комплекс з помнікаў тьту Прага-Карчак на Беларусі // Заслаўскія чытанні 1995 г. Заслаўе.
3. Максимов Е.В., Петрашенко В. А., 1988. Славянские памятники у с.Монастырек на Среднем Днепре. Киев.
4. Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие // САИ. Вып. Е1-36. М.
5. Орлов Р.С., 1970. Поселения з керамікою волинцевського типу на Кшвщаш // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ.
6. Петрашенко В.О., 1988. Слов'янські пряслиця VIII-X ст. з Правобережжя Середнього Подніпров'я // Археологія. № 62.
7. Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М.
8. Русанова И.П., 1973. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Вып. Е1-25. М.
9. Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI-VII вв. М.
10. Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984. Кодын - славянские поселения V-VIII вв. на р.Прут. М.
11. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1990. Киев.
12. Хавлюк П.И., 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Бута // Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА. № 108. М.
13. Хавлюк П.И., 1988.О начальных этапах развития раннеславянского ремесла (по материалам ремесленных сооружений на Южном Буге) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев.
14. Школьникова Н.А., 1978. Стеклянные украшения конца I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья // СА. №1.
15. Шовкопляс А.М., Гавритухин И.О., 1993. Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // КСИА. № 208.
16. Eisner J., 1952. Devinska Nova Ves. Bratislawa.
17. Fusek G., 1994. Slovensko vo vcasnoslovanskom obdobi. Nitra.
18. Parczewski M., 1988. Poczatki kultury wczesnoslowianskiej w Polsce. Wroofaw i etc.
19. Parczewski M., 1989. Zukowice pod Glogowera w zaraniu sredniowiecza. Glogow.
20. Varsik V., 1992. Byzantinische gurtelshallen in mittleren und unteren Donauraum in 6 und 7 Jahrhundert // Slovenska Archeologia. T. 40. C1. Bratislava.
21. Zeman J., 1976. Nejstarsi slovanske'osidleni Cech//Pamatki Archeologicke. № LXVII. Praha.

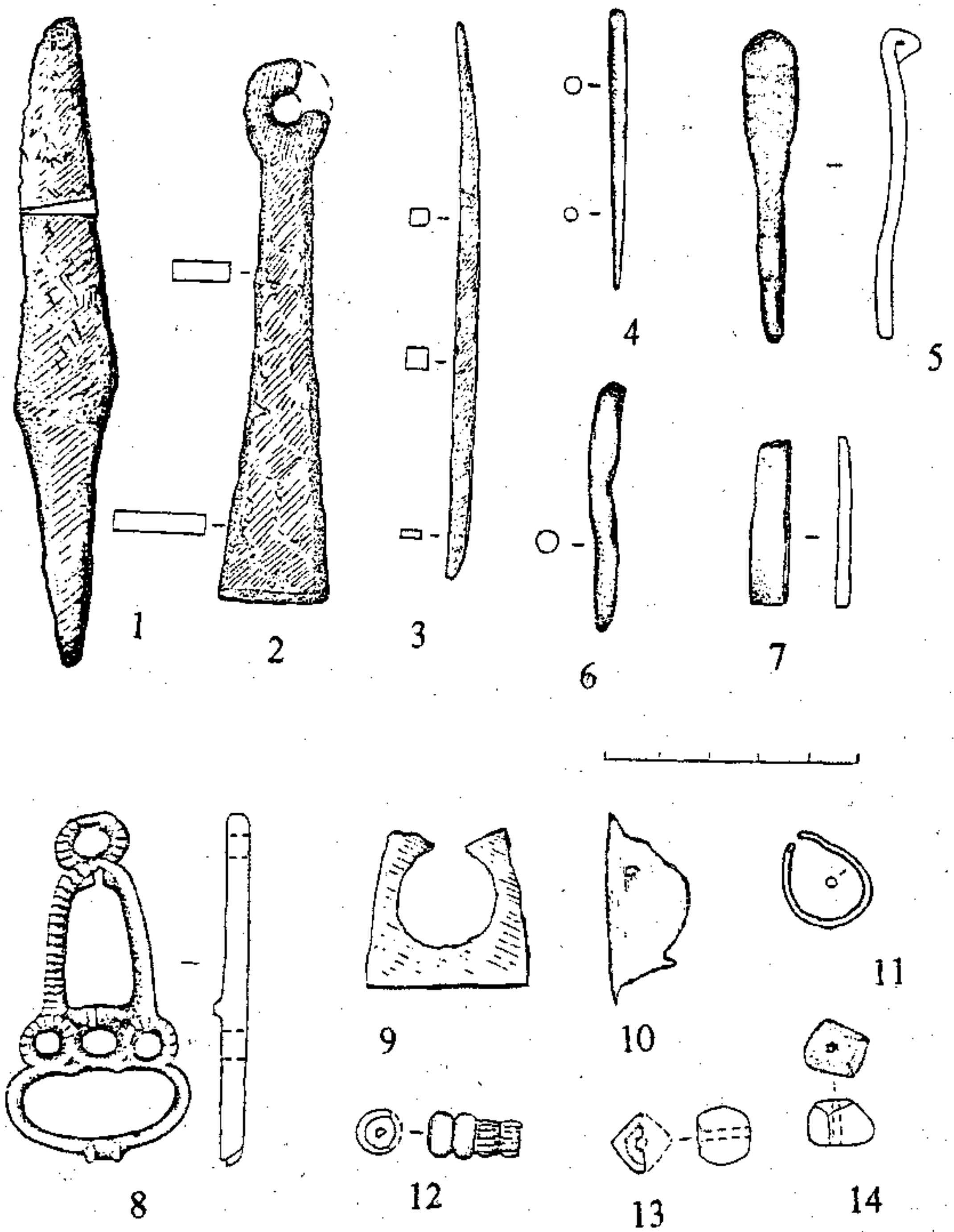

Мал. 1. Сітуацыйны план паселішчаў і бескурганнага могільніка каля в.Снядзін - А;
план раскопаў 1994-95 гг. на селішчы Снядзін-2 - Б;
план паселішча Снядзін-2 - В

Мал. 2. Селішча Снядзін-2. Фрагменты ляпной керамікі

Мал. 3. Селішча Снядзін-2. 1-10 - гліняныя праселкі; 11-12 - фрагменты хлябцоў; 13-14 - фрагменты тыгляў

Мал. 4. Селішча Снядзін-2. 1-7 - вырабы с жалеза; 8 - срэбра; 9-11 - бронзы; 13-44 - шкла. 1 - нож; 2 - крэсіва; 3-4 - шылы; 5 - язычок ад спражкі; 6,7,9,10 - нарыхтоўкі; 8 - спражка; 11 -колца; 12-14 - паперкі

Егорейченко А. А. (Минск)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ БЕЛАРУСЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС Н.Э.

К концу I тыс. до н.э. латенская культура, доминировавшая на центральноевропейском пространстве, приходит к окончательному закату. В свою очередь экспансионистские устремления со стороны римлян стали своеобразным детонатором, вызвавшим взрыв активности в среде варварских племен. Формирование новых римских провинций и существенные передвижки населения привели к складыванию провинциальноримской культуры, которая оказала определенное влияние и на племена, не имевшие непосредственного контакта с Римской империей. Однако степень этого влияния в различных регионах, естественно, была не одинаковой. Наиболее отдаленные следы воздействия провинциальноримской культуры улавливаются в лесной полосе Восточной Европы в виде оригинальных вещей или, что наиболее вероятно, их подражаний.

В бассейнах верхних течений Немана, Западной Двины и Днепра на протяжении I тыс. до н.э. существовали две близкородственные культуры : штрихованной керамики и днепродвинская. Локализация этих культур в лесных регионах и отсутствие прямых путей сообщения с передовыми центрами юга и запада стали причиной их значительного отставания в экономическом и социальном развитии. Формирование культур штрихованной керамики и днепро-двинской исследователи относят к рубежу II -I тыс. до н.э. и к первым векам I тыс. до н.э. (Grigalaviciene E., 1986а, s. 88; Grigalavicene E., 1986б, s. 136; Егорейченко А.А., 1992, с. 48; Шадыро В.И., 1985, с. 112; Шмидт Е.А., 1992, с. 116). Практически все I тыс. до н.э. в их развитии приходится на эпоху бронзы, поскольку основным сырьем для изготовления орудий труда, оружия и предметов быта здесь служили кость и камень. Наиболее ранние железные изделия появляются в днепро-двинской культуре. Это - массивные клиновидные проушные топоры, аналогии которым имеются в скифских древностях V - IV вв. до н.э. Что касается культуры штрихованной керамики, то в ней первые железные находки относятся к еще более позднему времени. Собственная черная металлургия и металлообработка у племен Центральной и Северной Беларуси получают распространение только к концу I тыс. до н.э.

Вытеснение каменного и костянного инвентаря в культуре штрихованной керамики совпало по времени с существенными изменениями в самом облике культуры. Так, баночные и слабопрофилированные горшки, характерные для I тыс. до н.э., уступают место в Восточной Литве, Юго-Восточной Латвии, Северо-Западной и Центральной Беларуси ребристым сосудам. В отличие от ранних горшков, покрытых штриховкой от венчика до днища, у них штриховка наносилась чаще всего от ребра до днища. Меняется и характер орнаментации поздней посуды: вместо ямочных вдавлений на шейке появляются и начинают доминировать горизонтальные и вертикальные пальцевые защипы, нанесенные в линию на ребре горшка через определенные интервалы. Среди других видов декора встречаются ямочные и ногтевые вдавления, насечки, также нанесенные по ребру горшка, реже - нарезные Линии зигзагообразной или волнистой формы, украшавшие заглаженный венчик.

Существенно меняется и облик поселений. Холмовые городища конца I тыс. до н.э. - первых вв. н.э. нередко имеют развитую систему укреплений в виде нескольких кольцевых линий земляных валов и рвов. В I в. до н.э. в ареале культуры штрихованной керамики появляется новый тип городищ, не столь жестко связанный с естественными факторами защиты, как это было характерно для предшествующего этапа. Эти укрепленные поселки располагаются на высоком коренном берегу реки..Основу их укреплений составляют земляной вал и ров, которые прикрывают жилые площадки с напольной стороны (Ивань Слуцкого р-на, Малышки Вилейского р-на, Мысли Копыльского р-на Минской обл.). Сторона, обращенная к реке, как показали раскопки М.Ф. Турина на городище Мысли, была защищена только деревянной стеной. На этих городищах обнаружено сравнительно большое количество импортных изделий и предметов вооружения. К ним относятся стеклянные и пастовые антич-

ные бусины, фибулы, детали поясного набора, наконечники копий и дротиков, а также шпоры. Все это дает основание предполагать, что подобные поселки могли иметь неординарный статус, в частности, служить центрами определенных территорий.

Рубеж - первые века н.э. являются временем максимального расцвета культуры штрихованной керамики. К концу позднего предримского периода относится окончательная стабилизация ее границ. В фазе Lt D2 носители культуры проникают в Предполесье, на неманско-днепровский водораздел, на нижнюю и среднюю Березину. Судя по керамике, не исключено проникновение отдельных групп "штриховиков" и далее на восток, вплоть до верхнего Днепра в районе Орши (городища Черкасове и Устье) и на Смоленщину [городище Церковище] (Колосовский Ю.В., 1995, рис. 1: 19, 27-32). При этом на юго-востоке образуется широкая полоса прямого контакта с носителями зарубинецкой культуры, через которую в ареал культуры штрихованной керамики начинают поступать вещи как собственно зарубинецкого, так и более отдаленного происхождения. Однако эти связи были непродолжительными, примерно с середины I в. до н.э. по середину I в. н.э., то есть во время, синхронное, в основном, с фазой Lt D 2. После распада зарубинецкой общности контакты с югом прекращаются, но наступает период более тесных отношений с культурами западного круга.

Наличие импортных вещей в культуре штрихованной керамики имеет крайне важное значение не только для определения характера и направленности обмена с другими этнокультурными группировками. Отсутствие погребальных памятников и иных закрытых комплексов с узкой датировкой вынуждает исследователей использовать предметы импорта прежде всего для датировок памятников и-выделения этапов развития отдельных регионов.

Среди импортных вещей позднего предримского и раннеримского периодов, которые можно увязать с зарубинецкой культурой, обращает на себя внимание прежде всего серия фибул. Одна из них , бронзовая, обнаруженная на городище Малышки (рис. 1:4), была отнесена А.К. Амброзом к группе "воинских" с почти прямым корпусом и датирована концом I в. до н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 23). По мнению М.Б. Щукина, подобная фибула позднелатенской схемы ближе стоит к кельтским наухаймским, распространенным преимущественно в первой половине - середине I в. до н.э. Вместе с тем, этот исследователь допускает возможность доживания их дериватов вплоть до рубежа н.э., возможно, даже до середины I в. н.э. (Щукин М.Б., 1995, с. 113). Наконец, А.М. Медведев полагает, что данная фибула является подражанием сильнопрофилированным фибулам западноевропейских типов, аналогичных экземплярам А.67, время бытования .которых совпадает с фазой B1b раннеримского периода (Медведев А.М., 1996, с. 27). Однако это предположение представляется слишком смелым. Наиболее близкие аналогии малышкинской фибуле имеются в памятниках зарубинецкой культуры Полесья и Среднего Поднепровья (Семурадцы, Велемичи II, Дедов Шпиль, Монастырек), которые К.В. Каспарова также сближала с определенной оговоркой с наухаймскими (Каспарова КВ., 1984, с. ПО). Исходя из этого, можно согласиться с датировкой, предложенной М.Б. Щукиным.

Еще три фибулы (Новоселки Борисовского р-на, Банцеровщина Минского р-на, Мысли Копыльского р-на Минской обл.), также имеющие зарубинецкое происхождение, относятся к подвязным одночастным верхнеднепровской серии (рис. 1:6-8). А.К. Амброз датировал их I в. н.э. (1966, с. 57). Однако, учитывая последние хронологические разработки конца зарубинецкой культуры, эти фибулы, вероятно, не выходят за пределы середины I в. н.э. По-видимому, нуждается в корректировке и начальная дата этих застежек. Так, М.Б. Щукин обратил внимание на то, что в погребении 25 Чаплинского могильника зарубинецкой культуры фибула верхнеднепровской серии была обнаружена вместе с прогнутой позднелатенской варианта M/ N по И. Костшевскому. Последние в Чехии и в верхнедунайском регионе относятся к Lt D2 (Щукин М.Б., 1995, с. 113), что дает основание удревнить подвязные фибулы верхнеднепровской серии до второй половины I в. до н.э.

От зарубинецких племен в ареал культуры штрихованной керамики проникали стеклянные золоченые и пастовые бусины, время обращения которых, в принципе, согласуется с

хронологией выше рассмотренных фибул, а также определенные типы оружия и орудий труда. Например, наконечники копий и дротиков, известные по раскопкам городищ Ивань, Лабенщина, Малышки и Оздятичи Минской обл., находят полное соответствие среди оружия, происходящего из закрытых комплексов Чаплинского могильника. К сожалению, узких датировок они не имеют. В.Е. Еременко относит подобное оружие к третьей и четвертой фазам Чаплинского могильника, которые, по его убеждению, коррелирукзтся с фазами Lt D1 - Lt D2, то есть от середины II в. до н.э. до начала I в. н.э. (Еременко В.Е,, 1997, с. 159). Однако, поскольку ни одна из рассмотренных выше категорий вещей четко не диагностирует фазу Lt D1, представляется более вероятным попадание оружия ближнего боя на городища Средней Беларуси не ранее середины I в. до н.э. Кстати, аналогичные типы наконечников копий и дротиков известны и севернее, на днепро.-двинских городищах Августово, Бураково и Заговалино, куда они могли попасть при посредничестве носителей культуры штрихованной керамики.

Кризис зарубинецкой культуры, наступивший в середине I в. н.э., прекратил или, по крайней мере, свел до минимума контакты носителей культуры штрихованной керамики с более южными регионами. Вместе с тем, без существенного перерыва наступает переориентация в направленности обмена, и на передний план выступают связи с культурами западного круга. Однако, в отличие от предшествующего времени, они менее заметны и не столь разнообразны. Начиная с фазы В1 раннеримского периода, основными категориями поступлений становятся фибулы провинциальноримских типов и детали поясного набора, преимущественно пряжки. Вместе с тем, будет ошибочным полагать, что все из рассматриваемых ниже вещей представляют собой предметы межкультурного обмена. Часть из них, особенно железные одночастные пряжки, по-видимому, являются местным подражанием импортным.

Среди находок фазы В1 раннеримского периода наибольший интерес представляют две фибулы. Одна из них обнаружена на городище Ивань (рис.1: 3). Это - ранняя "глазчатая" застежка, которая относится к V типу серии А по классификации Р. Ямки (Jamka R., 1964, s. 53, 54). Подобные фибулы достаточно широко распространены в Центральной и Северной Европе (Wiklak H. 1965, s. 191, rye. 6:m; Dabrpwska T., Pozarzycka-Urbanska F., 1978, s. 154, rус. 2:m; PZP, 1981, rус. XXII: 1, 2, rye. 80; Cizmaf M., Valentova J., 1979, s. 144, rус. 1: 6; Kolnik T., 1958, s. 537, rус. 210: 3; Шмидехельм М.Х., 1955, рис. 13: 4, рис. 14: 8). На территории Беларуси это — единственный экземпляр ранней глазчатой фибулы. Территориально ближайшей ей аналогией является находка из курганного могильника Парагаудис на территории Литвы, вместе с которой была обнаружена гривна с печатеобразными окончаниями (Michelbertas M., 1992, pav. 1: 2).

Следующая фибула представляет собой классический экземпляр застежки типа А. 68 или же вариант 1 подгруппы 1 сильнопрофилированных фибул западного типа по А.К. Амброзу (1966, с. 36). Она обнаружена на городище Кащеличи Воложинского р-на Минской обл. (рис. 1: 2). Подобные фибулы так же, как и "глазчатые", имели широкое территориальное распространение: от Придунавья на юге до побережья Балтийского моря на севере (Этнокультурная карта .., 1985, . 38; PZP, 1981, tabl. XIV: 5, rус. 22, tabl. XXIII: 8; rус. 80: 1; Okulicz I, 1973, s. 359). На территории Беларуси известна еще одна находка подобной фибулы, которая происходит из насыпи древнерусского кургана у д. Отвержичи Столинского р-на Брестской обл. (Кухаренко Ю.В., 1961, табл. 10: 16).

Замыкает серию нагрудных застежек бронзовая подковообразная фибула из городища Малышки. Для нее характерны дископодобные окончания, заполненные красной эмалью, и перехват в месте максимального подъема дуги (рис. 1: 5). Известно, что подобные застежки характерны, в основном, для западнобалтийских памятников Сувалкии (PZP, 1981, таЫ. XXXIX: 2-6), откуда, можно предполагать, происходит и фибула из Малышек. Е.Л. Гороховский, занимавшийся изучением подковообразных фибул с эмалями, датировал находку из Малышек второй половиной II в. н.э., то есть р пределах фазы В2/ С1 (Гороховсысий Е.А., 1982, с. 29).

Наиболее представительную серию предметов импорта римского времени и их дериватов составляют пряжки различных форм. К числу наиболее ранних относится железная двучастная пряжка из городища Малышки (рис. 2: 11). По своей форме она ближе всего стоит к "восьмеркообразным" пряжкам или же пряжкам с крючковатыми отрбстками, которые встречаются в пшеворской культуре в фазе В1 раннеримскогр времени (Madyda R., 1977, s. 362,363; PZP, 1981, tabl. XIV : 12, 15, 16, 18). Достаточно узкую, но более позднюю датировку дает железная одночастная пряжка прямоугольной формы из городища Лабенщина (рис. 2:4), относящаяся к фазе В2. Подобные экземпляры широко представлены в пшеворской, вельбаркской и западнобалтийекой культурах на территории Польши (Madyda R., 1977, tabl. III: 12, 13; tabl. IV : 2, 5). По-видимому, к этому же типу примыкает более массивная пряжка со скругленными углами, обнаруженная на городище Ратюнки (рис. 2 : 3). По раскопкам городища Лабенщина известна еще одна железная прямоугольная пряжка, которая имеет двучастную конструкцию. Ее рамка декорирована с двух противоположных сторон Х-образными насечками (рис. 2:8). К сожалению, такие застежки имеют достаточно широкие хронологические рамки : появившись в фазе В2, они продолжают встречаться в пшеворской и западнобалтийекой культурах еще в фазе C1a позднеримского периода (Madyda R., 1977, s. 373, 374). Правда, не исключена возможность того, что пряжка из Лабенщины может иметь более узкую датировку. Достаточно близкой ей аналогией является пряжка из погребения 34 могильника Тенген западнобалтийекой культуры, которое относится к фазе С1 позднеримского периода (Nowakowski W., 1996, taf. 63 : 2; tab. XVIc).

В отличие от предыдущих поясных застежек, представленных единичными находками, более широкое хождение в Центральной и Северной Беларуси имели овальные пряжки, которые можно подразделить на два типа : 1) развалистые, сделанные из железного прута одинаковой толщины (рис. 2 : 6); 2) вытянутые, с утолщенной передней частью (рис. 2: 9, 10). Первый тип представлен находкой из городища Кащеличи. А.М. Медведев датировал ее второй половиной III — первой половиной IV вв. н.э., то есть в рамках фаз С2 — СЗ (Медведев А.М., 1996, с. 30). Однако близкие экземпляры встречаются и ранее. Так, погребения 255, 382 могильника Цецеле вельбаркской культуры, в которых они обнаружены, отнесены к фазам C1b — С2 (Jaskanis J., 1996, taf. 8). Не исключено, что к этому же типу относится и пряжка из Малышек, сильно уплощенная форма которой может быть следствием деформации (рис. 2 : 5). Второй тип поясной застежки происходит из культурного слоя городища у д. Городище. Подобные экземпляры имели широкое хождение во многих культурах в период раннего переселения народов (PZP, 1981, tabl. XVIII: 13, 16; Jaskanis J., 1996, taf. LIX, gr. 489 : 2; taf. LXI, gr. 498 : 2,3; taf. LXIV, gr. 513:1; Nowakowski W., 1996, taf. 15 : 2,7, 11; taf. 16 : 5; etc.). Рассматриваемая пряжка позволяет определить конечную дату культуры штрихованной керамики на этом памятнике в пределах фазы D.

Интересно отметить, что овальные пряжки с утолщенным краем являются и хронологическим индикатором появления на северо-западе Беларуси новой, банцеровской культуры. Так, на селище у д. Зазоны, относящемся к этой культуре, в нижних отложениях культурного слоя обнаружены две железные пряжки. Одна из них — овальная с утолщенным краем (рис. 2 : 9), вторая — двучастная, у которой прямоугольная рамка имеет плавный изгиб на стороне, противоположной креплению (рис. 2 : 7). Пряжки такого типа, по-видимому, имели длительное хождение. , Они появляются в западнобалтийекой культуре в фазе C1b (Madyda - Legutko R, 1983, гус. 8 : 8, s. Ill) и бытуют до конца фазы D (Madyda R., 1977, s. 371), что хорошо согласуется с условиями находки пряжки из Зазон.

Завершает серию находок поясного гарнитура уникальный бронзовый наконечник пояса из Зазон. Образцы подобного типа достаточно широко; представлены в пшеворской культуре в фазах В2 — C1a (Madyda R., 1977, s. 383). Однако, зазонский наконечник необычен тем, что в дисковидной части имеет углубление с остатками красной эмали в форме креста, концы которого завершаются окружностями (рис. 2 : 1). Как известно, изделия с эмалями были характерны, в основном, для западнобалтийекой культуры. Это, чаще всего, подковообраз-

ные фибулы, типичные для фазы С1. На одной из них, происходящей из захоронения в Барглуве Дворном воеводства Сувалки (Okulicz J., 1973, rye. 201 : b), имеется аналогичная крестовидная орнаментация дисков, что позволяет достаточно обоснованно связывать наконечник пояса из Зазон с западнобалтийским ареалом и отнести его к фазе С1.

Характеризуя привозные изделия римского времени, нельзя не отметить еще две находки, обнаруженные на городище Мысли. Это — железные пружинные ножницы и бронзовый пинцет (рис. 2 : 2, 12). Как известно, подобные изделия не имеют узких дат. Они представлены во многих культурах на всем протяжении римского времени. Что же касается находок из Мыслей, то они могли попасть на городище, по-видимому, одновременно с фибулой "бойев", то есть в конце позднего предримского периода.

Предварительный анализ импортных изделий показывает различные пути и интенсивность их поступления. Так, в позднем предримском периоде преобладающими были связи с югом, с носителями зарубинецкой культуры. Находки фибул верхнеднепровской серии, стеклянных бус и некоторых других изделий встречаются прежде всего на поселениях, находящихся в пределах днепровского бассейна (рис. 3). Вместе с тем именно в это время начинают фиксироваться контакты с западными культурами, о чем свидетельствуют находки главным образом из городища Мысли.

После распада зарубинецкой культуры на первый план выступают связи носителей культуры штрихованной керамики с западными племенами, причем интенсивность поступлений предметов импорта была наиболее высокой в позднем предримском и раннем римском периодах. Впоследствии наблюдается постепенное уменьшение числа привозных вещей, которое, возможно, объясняется развитием кризисных явлений в самой культуре штрихованной керамики.

Картографирование находок римского времени указывает на локализацию подавляющей части их в бассейне Немана (рис. 3). Логично предположить, что именно Неман был той магистралью, по которой в ареал культуры штрихованной керамики проникал прровинциальноримский импорт. Однако встает вопрос, откуда конкретно он поступал. В качестве потенциальных "поставщиков" могли быть носители прежде всего вельбаркской или западнобалтийской культур, причем предпочтение, по-видимому, необходимо отдать последним. Именно в западнобалтийской культуре встречаются аналогии большинству импортных вещей, найденных в Центральной и Северо-Западной Беларуси, и только в этой культуре из числа западных отмечены изделия с эмалями. Определенные параллели между культурами штрихованной керамики и западнобалтийской отмечает А.М.Медведев и по другим категориям находок (Медведев А.М., 1996, с. 28, 32, 38). Подобные целенаправленные связи могли быть вызваны неблагоприятной обстанрвкой, которая складывается в фазах B1b — B2 раннеримского периода, когда под давлением вельбаркских племен какая-то часть носителей западнобалтийской культуры вынуждена была отойти на территорию Литвы, где формируются новые культурные образования, имеющие сходные черты с западнобалтийскими (Щукин М.Б., 1995, с. 115).

Как уже отмечалось, именно провинциальноримский импорт позволяет уточнить конечные даты памятников культуры штрихованнбй керамики. Кризисные явления в этой культуре начинают проявляться к концу I в. н. э., когда угасает жизнь на городищах Предполесья, верховьев Птичи и Средней Березины (рис. 4). Во II — III вв. наступает очередь целого ряда городищ Центральной и частично Северо-Западной Беларуси (Лабенщина, Малышки, Зазоны, Ратюнки). До середины V в. продолжают существовать лишь отдельные поселения, находящиеся на северо-западе Беларуси (Городище* Ревячка). Таким образом, в первой половине I тыс. н. э. происходит постепенное-сокращение территории культуры штрихованной керамики в северо-западном направлении, явление — прямо противоположное расселению носителей этой общности (Егорейченко А. А., 1992, с: 49, 50).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Д1-20.
2.Гороховський Е.Л., 1982. Підковоподабны фібули Середнього Подніпров'я з выімчатою емаллю // Археологія. Вип. 38.
3.Егорейченко АА., 1992. Хронология культуры штрихованной керамики // Насельніцтва Беларусі і сумежных краін у эпоху жалеза. Мн.
4.Еременко В.Е., 1997. "Кельтская вуаль" и зарубинецкая культура. Санкт-Петербург.
З.Каспарова К.В., 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. Вып. 25.
6.Колосовский Ю.И., 1995. Штрихованная керамика на северо-востоке Беларуси (по материалам городищ Оршанского Поднепровья) // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Ч. 1. Магілеў.
7.Кухаренко Ю.В., 1961. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. Д1-29.
8.Медведев А.М., 1996. Белорусское Пониманье в раннем железном веке. Мн.
9.Щукин М.Б., 1995. Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ. № 9.
10.Шмидехельм М.Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
11.Этнокультурная карта территории Украинской ССР, 1985. Киев.
12.Cizmar V., Valentova J., 1979. Prispevek k poznany doby rimske na Kutnohorsku // AR. T. XXXI.№ 2.
13.Dabrowska T., Pozarzycka-Urbanska A., 1978. Wyniki prac wykopaliskowych na cmentarzysku kultury przeworskej w Kamienczyku, Gm. Wyszkow, woj. Ostroleka // SA. T.XXX.
14.Dabrowska T., 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa.
15.Hachmarm R., 1960. Die Chronologic der ju'ngeren vorrbmischen Eisenzeit // 41 Bericht der Romisch-Germanischen Kommission.
16. Jaskanis J., 1996. Cecele. Ein Graberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Krakow.
17.Jamka R., 1964. Fibule typu oczkowatego w Europe srodkowej ze sczegdlnym uwzglednieniem ziem polskich // MS. T. X.
18.Kolnik T., 1958. Dalsie nalesy z Abrahamy na Slovensku // AR. T. X. Ses. 4.
19.Madyda R., 1977. Spraczki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // MSiW. T. IV.
20.Madyda-Legutko R., 1983. Proba rekonstrukcji pasow z metalowymi czgsciami na obszarze srodkowpeuropejskiego Barbaricum w okresie wplywow rzymskich i we wczesnej fazie okresu wedrowek ludow // PA. V. 31.
21.Michelbertas M., 1992. Antkakliu trimitinias galais (III gr.) chronologijos klausimu // LA. T. 9.
22.Nowakowski W., 1996. Das Samland in der romischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem romischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg-Warszawa.
23.Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od poznego paleolitu do VII w. n.e. Wroclaw etc.
24.PZP, 1981. Wroclaw etc.
25.Wiklak H., 1965. Cmentarzysko cialopalne kultury luzyckej i wenedskej w Leznicy Wielkej, pow. Leczyca //WA. T. XXX.

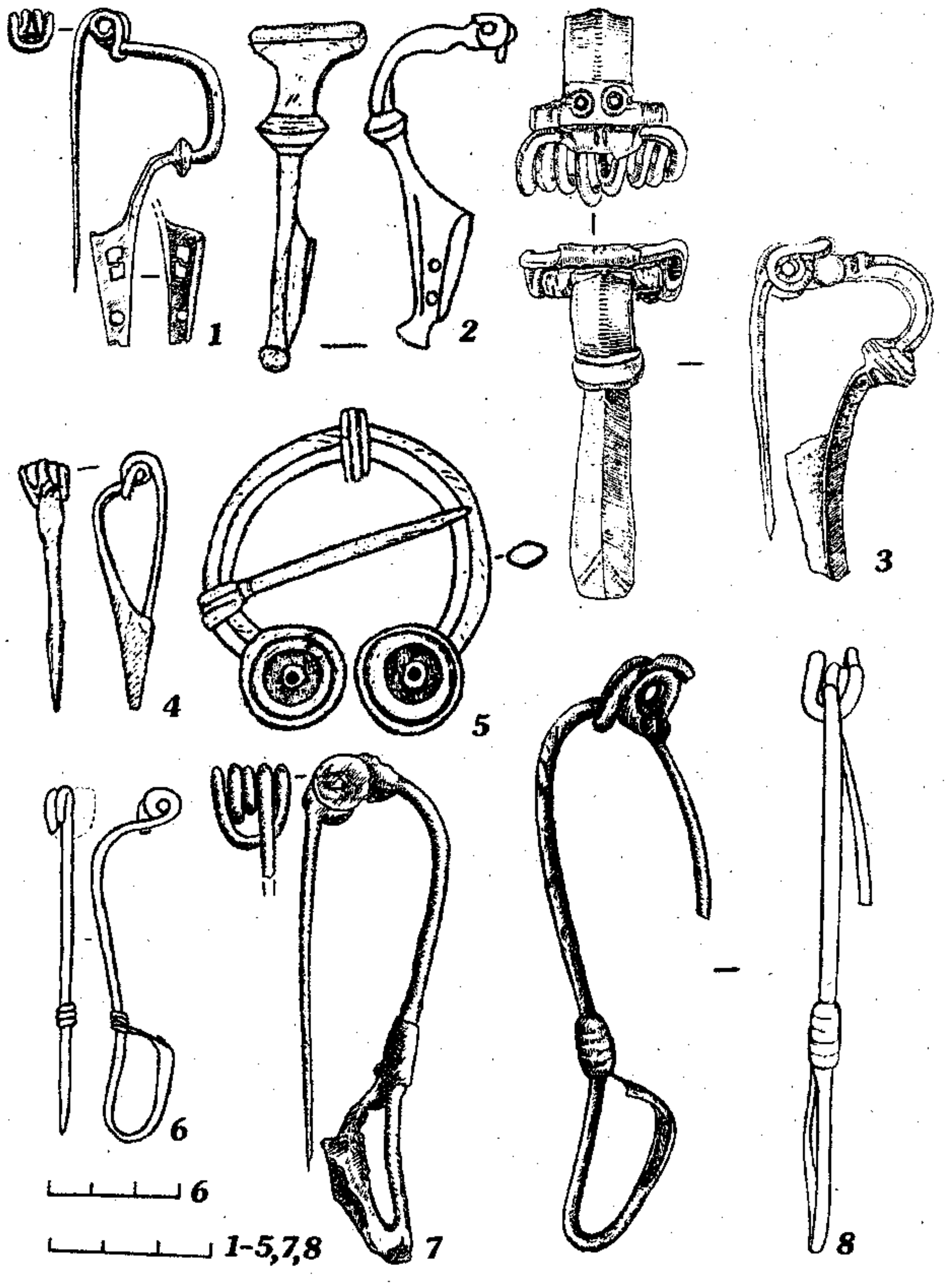

Рис. 1. Фибулы римского времени из городищ культуры штрихованной кирамики:1,7 - Мысли; 2 - Кащеличи; 3 - Ивань; 4, 5 - Малышки; 6 - Банцеровщина; 8 - Новоселки

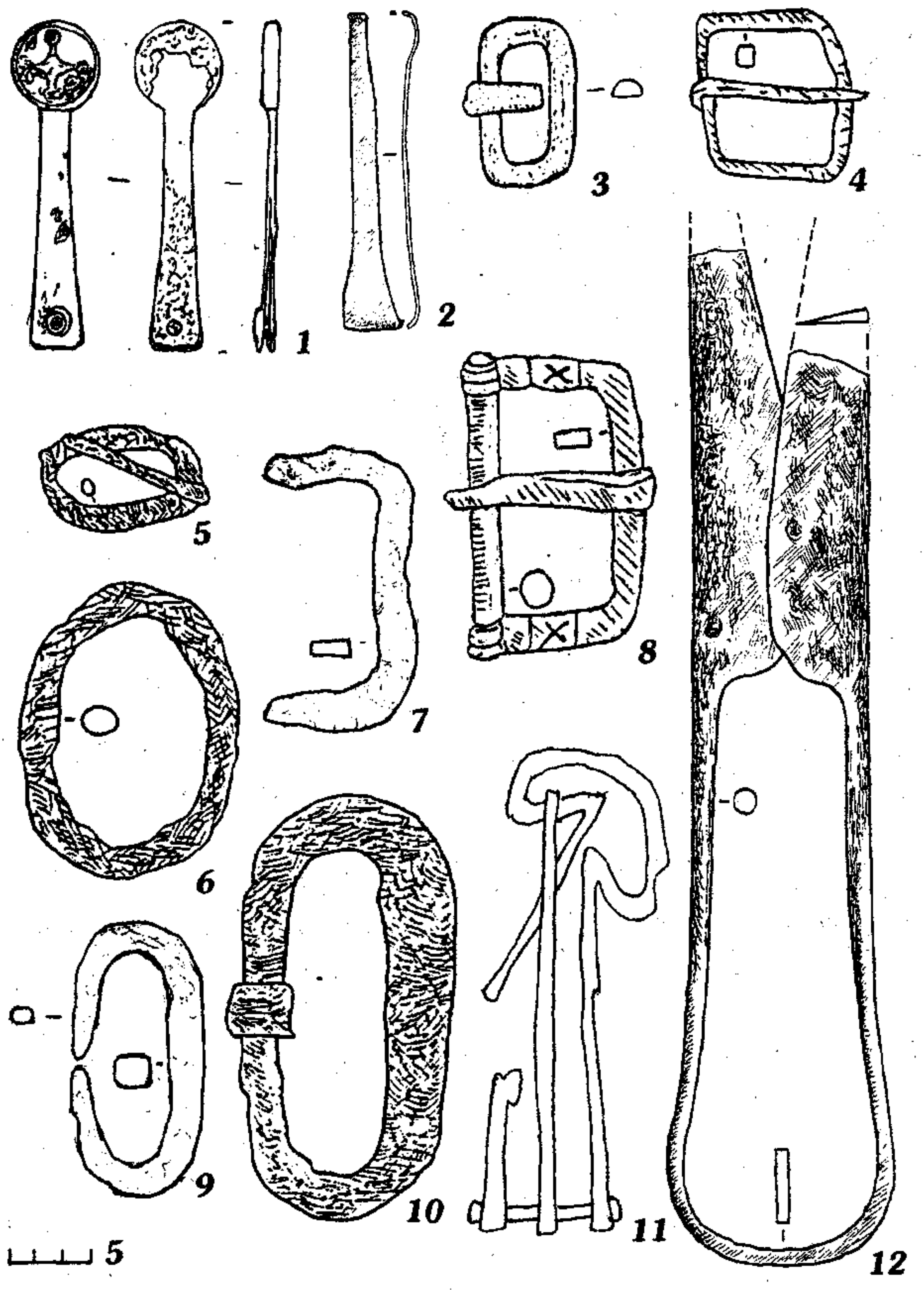

Рис. 2. Предметы поясного набора, пинцет и ножницы из памятников культуры штрихованной керамики: 1 - Зазоны, городище; 2,12 - Мысли; 3 - Ратюнки; 4,8 - Лабенщина; 5,11 - Малышки; 6 - Кащеличи; 7,9 - Зазоны, селище; 10 - Городище

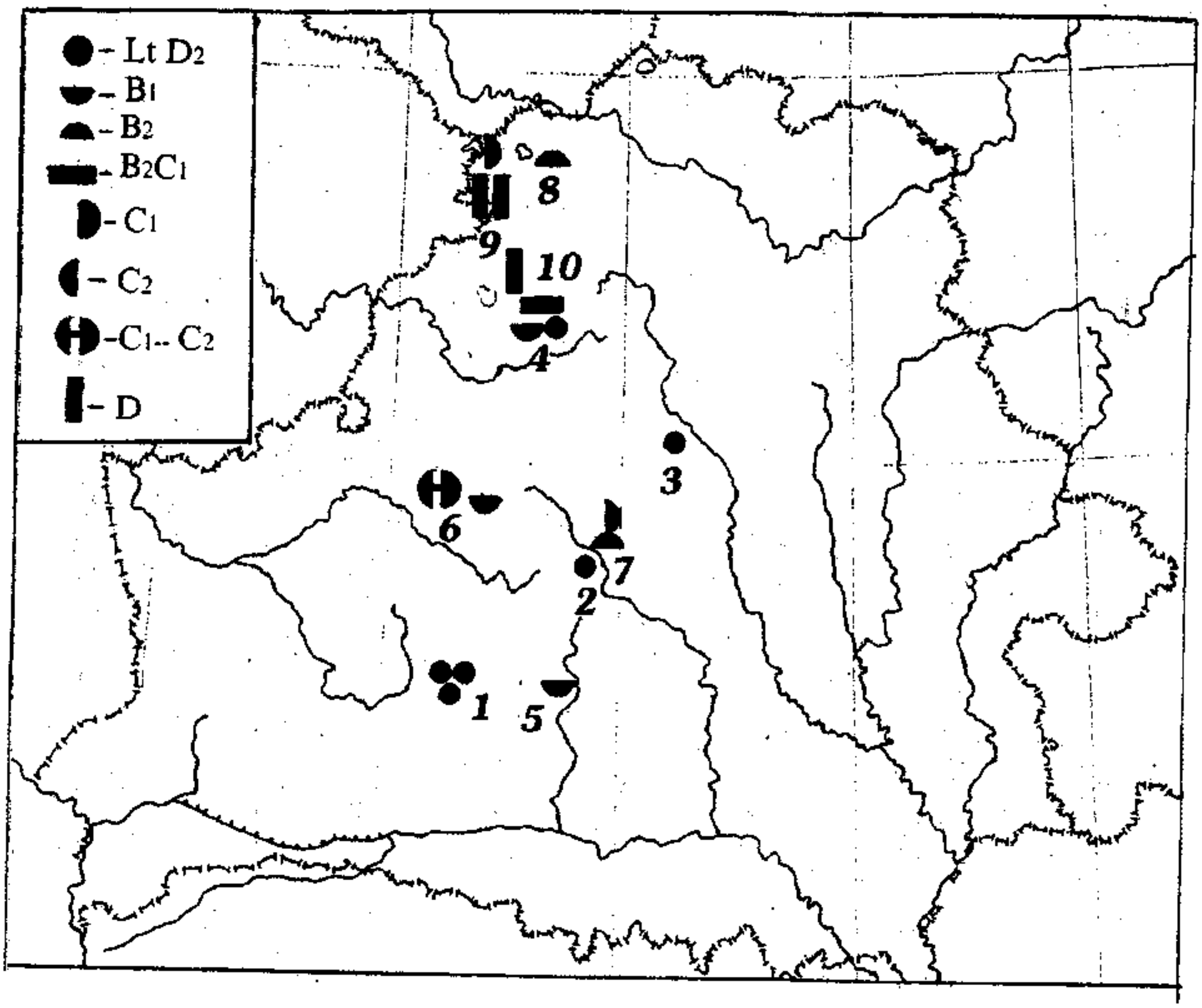

Рис. 3. Распространение импортных вещей и их дериватов в ареале культуры штрихованной керамики в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э.: 1 - Мысли; 2 - Банцеровщина; 3 - Новоселки; 4 - Малышки; 5 - Ивань; 6 - Кащеличи; 7 - Лабенщина; 8 - Ратюнки; 9 - Зазоны; 10 - Городище

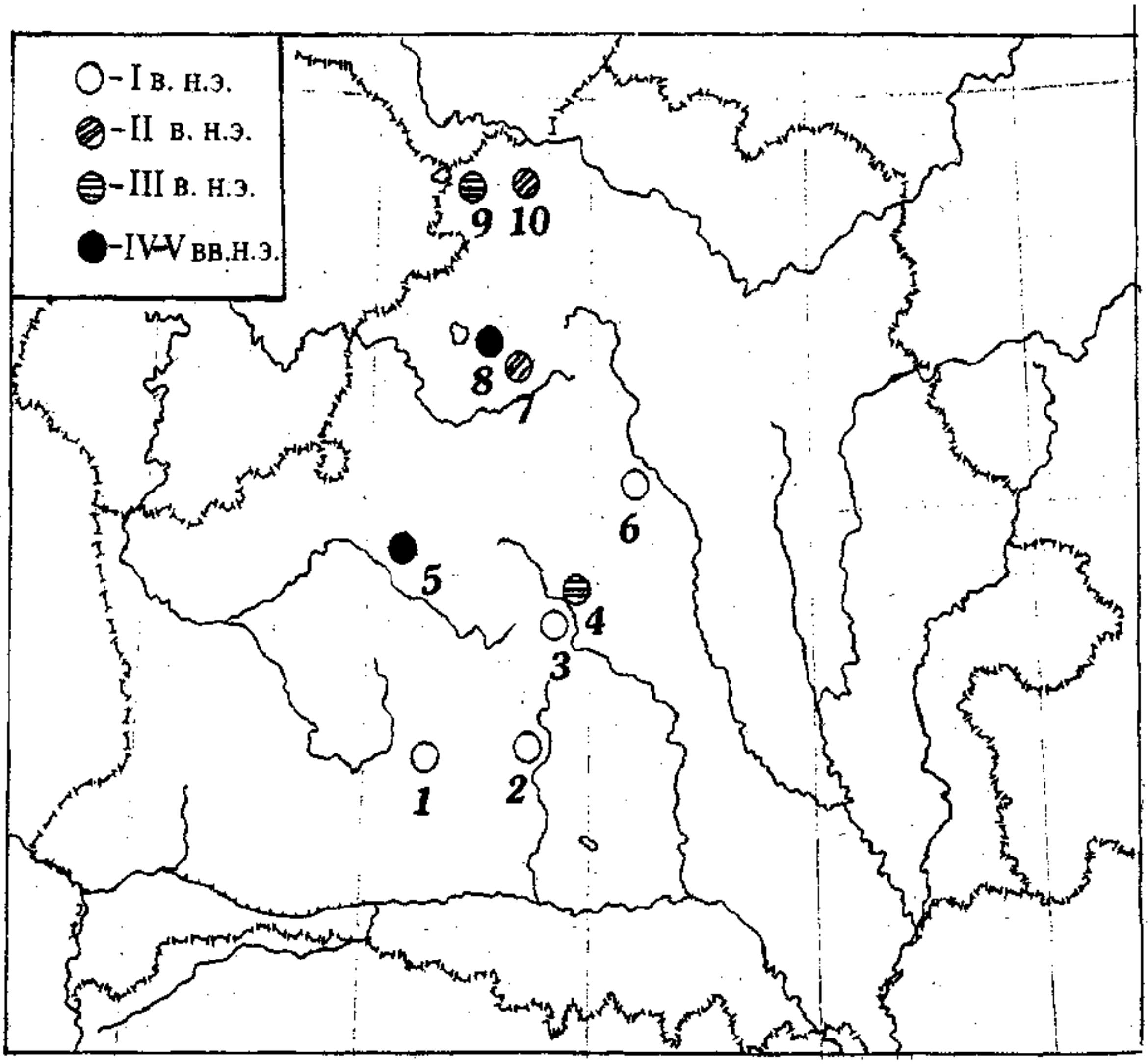

Рис. 4. Конечные фазы городищ культуры штрихованной керамики: 1 - Мысли; 2 - Ивань; 3 - Банцеровщина; 4 - Лабенщина; 5 - Кащеличи; 6 - Новоселки; 7 - Малышки; 8 - Городище; 9 - Зазоны; 10 - Ратюнки

Коробушкина Т.Н. (Минск)

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕГО ПИНСКА

Изучение материалов, добытых во время археологических раскопок различного рода памятников, позволило получить представление об уровне сельского хозяйства того или иного региона. За долгие годы исследования археологических памятников широкой территории был получен довольно значительный материал по сельскому хозяйству эпохи средневековья (IX— XIII вв.), который свидетельствует о том, что основу экономической жизни общества всей Восточной Европы, в том числе и современной территории Беларуси, составляло земледелие.

Прежде чем изучить уровень земледелия на какой-либо незначительной территории необходимо знать его уровень развития в более широком регионе. В начале второго тысячелетия новой эры земледелие в связи со значительными достижениями в развитии металлургии, которые позволили производить более совершенную почвообрабатывающую технику, получило свое дальнейшее развитие. Археологические материалы говорят о том, что земледелием в то время занимались не только сельские жители, но и горожане независимо от размеров и значения городов. Городские жители имели обрабатываемые поля за пределами укрепленной части города.

Основу любого земледелия составляют орудия обработки почвы, о которых можно судить по отдельным сохранившимся от них деталям, так как полностью они сохраняются только в исключительных случаях. В основном археологи находят металлические части почвообрабатывающих орудий. Кроме орудий обработки почвы в культурном слое археологических памятников встречаются детали орудий уборки урожая и переработки сельскохозяйственных продуктов. Но по отдельным найденным деталям иногда бывает очень трудно восстановить орудие полностью, особенно это относится к орудиям обработки почвы. Но тем не менее, за последние годы накоплен большой сравнительный материал, и ученые, которые специально занимались древним земледелием, разработали детальную классификацию металлических почвообрабатывающих орудий. Она позволяет тот или иной найденный металлический наконечник связать с определенным почвообрабатывающим орудием и более того отнести его к определенному хронологическому периоду (Чернецов А.В., 1972; 1976; Краснов Ю.В., 1987).

Находки зерен культурных растений и сопутствующих им сорняков позволяют восстановить состав возделываемых культур в тот или иной период, время вхождения в культуру того или иного растения. Изучение сорняков, найденных вместе с зернами культурных растений, дают возможность установить, в какой озимой или яровой форме выращивали ту или иную культуру, и какие системы земледелия применялись в тот период времени, так как состав культурных растений тесно связан с применяемыми системами земледелия.

Археологические находки, связанные с земледелием, встречаются при раскопках не так уж часто. За десятилетия изысканий древних городов Беларуси металлические детали почвообрабатывающих орудий насчитываются единицами. Так, даже в Минске и Бресте, которые археологически изучены лучше других городов Беларуси, найдено по два металлических наконечника почвообрабатывающих орудий. Не является исключением и Пинск, тем более, что раскопки окольного города велись здесь всего пять лет (Т.В.Равдина, 1955 г., 1957 г.; Б.В.Миролюбов, 1961 г.; П.Ф.Лысенко, 1963-1964 гг.). За все эти годы изучения культурного слоя найден только один металлический наконечник почвообрабатывающего орудия (рис. 1:1). Он изготовлен не мастером-кузнецом, а обычным горожанином, который из куска сравнительно толстой железной пластины взялся в XIII в. изготовить оригинальный наконечник сохи. Толщина пластины составляла 0,6 см. Длина асимметричного сошника достигает 12,8 см. По способу изготовления он отличается от подобных небольших по размеру сошников, бытовавших в то время на территории Беларуси. Его рабочая часть имеет острый конец в форме треугольника и настолько сужена, что образует острый угол. Овальная тру-

бица сошника образована путем загиба противоположных краев пластины. Ее длина составляет 5 см, ширина - 2-3 см. Одна закраина трубицы согнута и вплотную прижата к пластине сошника. На остром конце сошника хорошо заметны следы сработанности, по которым можно судить о том, что он был установлен на деревянном землеобрабатывающем орудии под определенным углом относительно поверхности земли. Следует отметить, что сошники подобной формы были известны и в более позднее время на близлежащей территории. Так, например, в Бресте в слое XIV в. был найден такой же формы сошник. Он изготовлен также примитивно, но отличается от пинского сошника XIII в. большей длиной (рис. 1:2). Его длина составляет 18,6 см, форма несколько асимметричная. Закраины, которые образуют трубицу, обломаны. Но тем не менее, это не мешает увидеть в нем полную аналогию пинскому сошнику. Рабочий край брестского сошника также заканчивается острым углом. Но в связи с тем, что он изготовлен на сто или почти на сто лет позже пинского, соотношение его рабочей части и трубицы отличается от этих же соотношений пинского сошника. Если у пинского длина рабочей части равна длине трубицы, то у брестского — рабочая часть вдвое длиннее трубицы. И это вполне объяснимо, так как ученые в процессе тщательного изучения металлических наконечников почвообрабатывающих орудий установили, что с течением времени на территории не только Беларуси, но и всей Восточной Европы длина рабочей части сошников увеличивается. Это говорит о постепенном усовершенствовании почвообрабатывающих орудий, так как вполне понятно, что более длинный сошник будет намного лучше обрабатывать вспахиваемое поле. Несмотря на то, что брестский сошник только на 5,8 см длиннее пинского, это давало ему возможность намного лучше и глубже обрабатывать землю. Как пинский, так и брестский сошники были специально изготовлены для орудий, предназначенных для обработки вновь осваиваемых земель. Именно острый рабочий конец был удобен при разработке задернованных новых почв. Но это не значит, что такими сохами нельзя было работать на старопахотных полях. Соха, для которой были предназначены как пинский, так и брестский сошник, должна была быть маневренной и легкой, чтобы пахарь в случае необходимости (встреча с препятствиями) мог легко вынуть ее из земли. Для подготовки к посеву вновь осваиваемого поля его нужно было вспахивать несколько раз, так как при первой вспашке невозможно было добиться желаемого результата.

Таким образом, несмотря на единичную находку в Пинске сошника, можно с определенностью сказать о том, что возле древнего Пинска и в его округе так же, как и на территории всей Беларуси, основным орудием обработки почвы являлось упряжное тягловое пахотное орудие-соха, которое для того времени было довольно совершенным пахотным орудием Оно, как и рало, разрыхляло землю, и как плуг подрезало ее снизу. По этой причине не удивительно, что сохи, пришедшие на смену ралу в XI в. на территории Восточной Европы, в том числе и Беларуси, применялись долгие столетия (Коробушкина Т.Н., 1979 , с. 34, 36-37). Правда, на протяжении всего ,этого периода, пока на смену им пришел плуг, их форма, особенно форма сошников, изменялась. Если на протяжении XI--XIII вв. особых изменений соха не претерпела, то начиная с XIV в., как об этом можно судить на примере брестского сошника, наконечники стали удлиняться, и с 12,8 см их длина увеличилась почти на 1/3 и стала составлять 18,6 см. С течением времени длина сошников достигла 30 см, и их рабочая часть не только удлиняется, но и суживается. Не обошлось и без изменений деревянного корпуса сохи. Кроме того, в XII в. у сох, которыми работали на тяжёлых почвах, появилось новое очень важное приспособление — "полица", отворачивающая землю в сторону. Сошник от сохи с полицей был найден в слое XII в. в Полоцке. Точно установить время появления у сохи полицы не представляется возможным, так как они были деревянными и до нашего времени не сохранились. О них ученые судят по форме сошников, которые должны были быть установлены на сохе с полицей.

Кроме упряжных пахотных орудий в эпоху средневековья применяли ручные рыхлящие орудия — деревянные лопаты с железными оковками. Лопаты для прочности, долговечности и удобства обработки земли оковывались металлом. Одна металлическая оковка лопаты

найдена в Пинске в слое XII в. (рис. 1:3).

Из орудий уборки урожая в Пинске в слое XI-XП вв. найдено несколько обломков железных серпов. Из всех найденных обломков удалось восстановить первоначальную форму только одного серпа (рис. 1:4), так как фрагменты остальных серпов очень незначительные. Но и это очень важно, так как только по целому или реконструированному серпу можно судить о его рабочих качествах. Оказывается, что длина и изогнутость серпа имеет большое значение для производительной работы. Реконструированный пинский серп тщательно изучен и установлено, что он принадлежал к очень совершенной форме серпа, который был сделан рационально и отличался высокими рабочими качествами. Серпы почти такой же формы без особых изменений доживают вплоть до тех времен, пока им на смену пришла более совершенная техника. На территории современной Беларуси они применялись в это время довольно широко. Их находили как на городских (Пинск. Минск, Новогрудск, Заславль, Брест, Чечерск), так и на сельских поселениях (дд.Хотомель Столинского р-на, Эсьмоны Белыничского, Устье Осиповичского районов). Несомненно, география использования этих серпов была еще более широкой.

Сено косили в то время косами-горбушами В Пинске найдено одно лезвие косы-горбуши (рис. 1:5). Этими косами на территории Беларуси в XI-XIII вв. пользовались довольно широко не только для сенокошения, но и при уборке таких культур, семена которых заключены в оболочки и устойчивы к осыпанию (гречиха, вика, горох). Коса-горбуша имеет короткую изогнутую деревянную рукоятку и железное, слегка изогнутое на конце лезвие, переходящее в пятку, при помощи которой оно крепилось к рукоятке. Это -- ударно-режущее орудие. Оно не подрезает растение как современная коса, а подсекает его. Такие косы на территории Беларуси применялись с середины первого тысячелетия новой эры и доживают до XV в. С этого времени здесь появилась современная коса.

Такие культуры как горох, вика, гречиха уже были известны в это время не только на юго-западе современной территории, но и в более северных ее районах. Из зерновых культур в Пинске найдены также зерна ржи, которые встречались в культурном слое довольно часто и во всех слоях. Изучая зерновой материал, найденный при археологических раскопках памятников Беларуси, удалось установить, что с XI в. здесь прочно входит в культуру рожь озимая. Выращивали также в это время (X-XШ вв.) и яровую рожь. Именно она становится с XI в. основной и преобладающей продовольственной культурой не только на территории Беларуси, но и в соседних регионах. Самые ранние зерна ржи озимой на территории Беларуси датированы IX в. Они обнаружены на городище у д. Свила Глубокского района Витебской области. Озимую форму ржи определяют по характерным для этой культуры сорнякам, которые находят вместе с зернами ржи. По материалам Пинска, рожь озимая становится ведущей продовольственной культурой здесь только с XIII в. Но нет сомнений, что в Пинске она была преобладающей зерновой культурой значительно раньше, поскольку, во-первых, она была принесена на нашу территорию с Приднестровья и, во-вторых, уже в XI в она была ведущей культурой на более северных территориях (Минск, Клецк). А тот факт, что зерна озимой ржи преобладают в Пинске среди зернового материала только в слоях XIII в. может объясняться худшей сохранностью органических веществ в более ранних слоях. Кроме зерен ржи, которую выращивали здесь в XЗ- XIII вв. как в озимой, так и в яровой форме, в Пинске выявлены зерна проса, льна и конопли. Такой ограниченный состав продовольственных и технических культур опять-таки объясняется плохой сохранностью такого хрупкого материала, каким являются зерна. Кроме того, во все времена к любому зерну относились очень бережно, поэтому оно остается в культурном слое в случае пожара постройки, где хранилось (обгоревшее зерно сохраняется) или случайно было где-то просыпано. По аналогии с другими памятниками не только юго-западней, но и всей территории Беларуси, можно с уверенностью говорить, что в окрестностях Пинска выращивали все известные в наше время не только зерновые (рожь, пшеницу, ячмень, просо, реже гречиху), но и бобо-

вые (горох, конские бобы, вику, чечевицу, чину), а также прядильно-масличные культуры (лен, коноплю).

В указанное время на территорий Беларуси, в том числе и на Пинщине, применялась двухпольная и даже трехпольная системы земледелия (Коробушкина Т.Н., 1979, с. 93-102).

Тесно связанным с земледелием в древности являлось и животноводство. Эти две основные отрасли хозяйственной деятельности человека зависят друг от друга. Именно земледелие явилось основой для развития животноводства. Только на основе развитого земледелия появляется возможность развивать животноводство. В свою очередь нельзя успешно вести не только трехпольную, но и двухпольную систему земледелия без внесения в почву органических удобрений. Несомненно, что единственным источником органических удобрений является развитое животноводство. О составе домашнего стада можно судить по изучению костного материала, полученного ва время раскопок того или иного археологического памятника. Анализ костей из раскопок древнего Пинска был произведен в свое время В.В.Щегловой. Судя по результатам ее изучения, есть основание говорить о том, что основу животндства составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота (Щчаглова В.В., Лысенка П.Ф., 1977, с. 81). Кости крупного рогатого скота составляют 28% от общего количества найденных и определенных в Пинске костей. Кости мелкого рогатого скота составляли несколько более низкий процент (26,3%), по сравнению с крупным рогатым скотом. Представляет особый интерес тот факт, что кости лошади по количеству занимают третье место в Пинске среди всех костей домашних животных (21,1%). В других городах кости лошади составляют по 5-7,4% от общего количества костей. Такое положение было в Новогрудке, где кости лошади занимают довольно скромное место (5%), Турове (5,5%), Минске (6,3%), Лукомле (7,4%). Такой значительный процент костей лошади в Пинске не случаен. Объяснение этому факту видится в наличии среди них костей двух породистых лошадей. Это дает возможность сделать предположение, что в первые века второго тысячелетия в Пинске был центр по разведению лошадей двух пород, предназначенных дяя верховой езды. Их могли поставлять отсюда не только в Туров и другие города этой земли, но и в более отдаленные регионы. В.В.Щеглова выделила среди костей лошади в Пинске тонконогую и полутонконогую породу (Шчаглова В.В., Лысенка П.Ф., 1977, с. 82). Породистых лошадей в Пинске разводили, несомненно, для формирования конных воинских подразделений. Мясо лошадей, по мнению В.В.Щегловой, в Пинске в пищу не употребляли. И еще один факт, который отличает состав пинского стада от стада других городов. Обычно одно лз первых мест (Давид-Городок, Клецк, Минск, Волковыск) занимают кости свиньи домашней. В Пинске, как уже сказано, этот вид домашних животных не выходит даже на второе место.

Рассмотрев состояние сельского хозяйства в Пинске в XI-XIII вв., можно;сделать вывод, что оно находилось на сравнительно высоком уровне для своего времени и занимало подобающее ему место среди других городов территории Беларуси. И это не могло быть иначе, так как Пинск и его окрестности славятся плодородными почвами и достаточным количеством влаги. Не удивительно, что Пинщина в наше время известна высоким уровнем земледелия и высокими урожаями. Эти традиции ведут свое начало с глубокой древности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ-

1.Коробушкина Т.Н., 1979. Земледелие на территории Белоруссии в Х-ХД1 вв. Мн.

2.Краснов Ю.В., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.

3.Чернецов А. В., 1976. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. Вып. 146. М.

4.Чернецов А. В., 1972. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. №3.

5.Шчаглова В.В., Лысенка П.Ф.,1977. Да гісторыі жывелагадоўлі і палявання ў старажытным Пінску //Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. Мн.

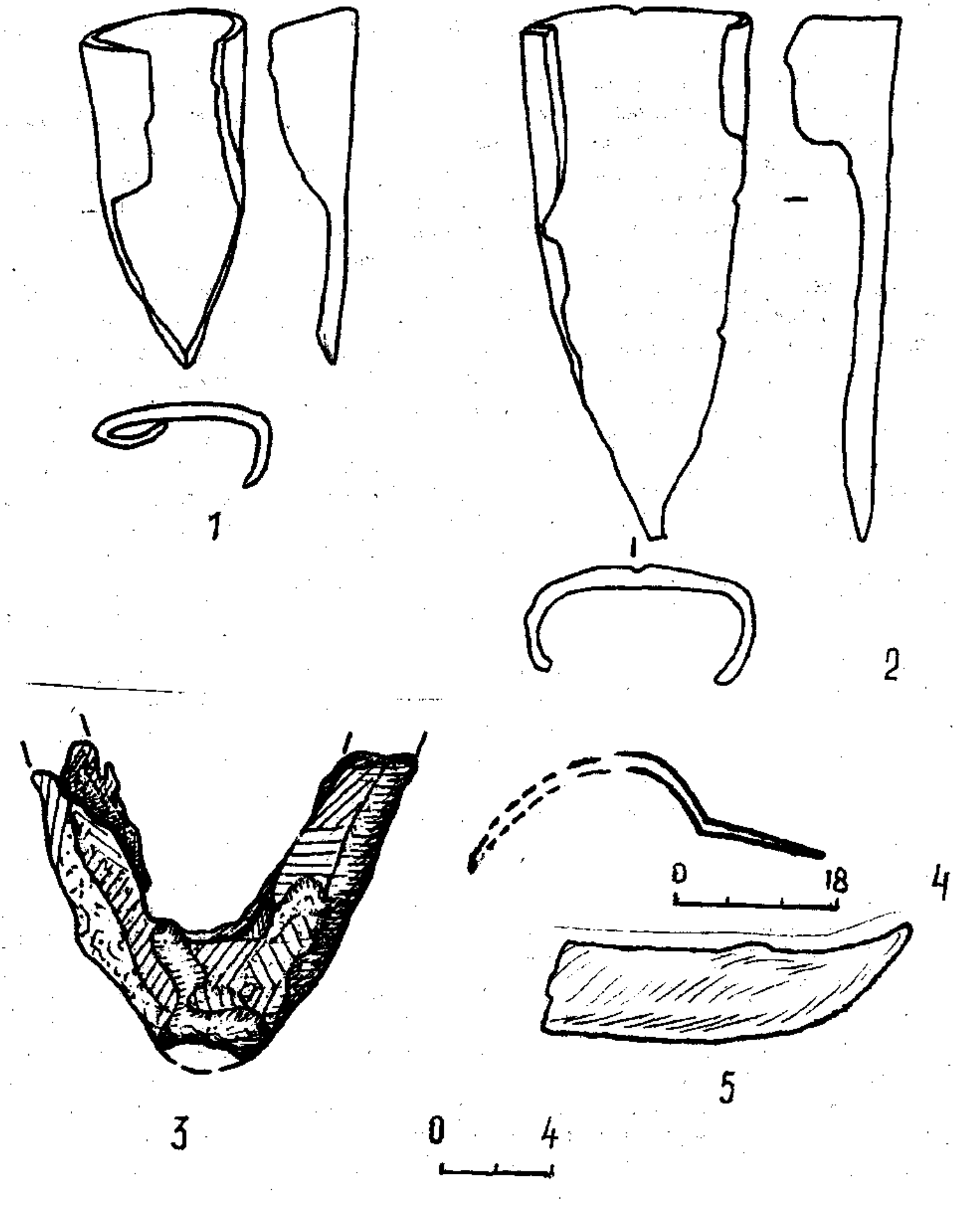

Рис. 1. Орудия обработки почвы и сбора урожая: 1 - сошник XIII в.; 2 - сошник XIV в.; 3-оковка лапаты; 4 - серп; 5 - коса-горбуша

Лысенко П.Ф. (Минск)

ЯЗЫЧЕСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ ДРЕВНЕГО ТУРОВА.

Выявление языческих, дохристианских святилищ в раскопках древнерусских городов - явление редкое. Вместе с тем оно представляет собой значительный интерес. Прежде всего святилища свидетельствуют о древности процесса возникновения городов еще в "дохристианскую" эпоху. С другой стороны они представляют возможность (и материалы) судить о дохристианских идеологических воззрениях населения определенных территорий, дополняя и детализируя конкретным археологическим материалом скупые, слишком общие, и не всегда исторически достоверные сообщения древнерусских летописей по этому вопросу (Рыбаков Б.А., 1981; 1987; Брайчевский М.Ю., 1989).

Согласно древнейшим недатированным летописным сообщениям, восточные славяне составляют собою этническое единство: "...се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, новъгородци, полочане, дрыговичи, северо, бужане, зане седять по Бугу, после же Волыняне" (ПСРЛ, 1962, т. II, стб. 8).Несколько ниже летописец дополняет и уточняет список восточнославянских летописных племен: "...Якоже ркохом сущий от рода Словеньска и наркошася поляне, а деревляне, от словен же и нарекошася древляне, радимичи, бяста бо два брата в лясех Радим, а другыи Вяток, и пришедша седоста Радим на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе своим родом по Оце, от него прозвашася вятичи, и живяху в мире поляне, и древляне, и северо, и радимичи, и вятичи, и хорвати, дулебы же живяху по Бугу, кде ныне волыняне, а уличи, тиверци седяху по Бугу, и по Днепру" (ПСРЛ., 1962, т. II, стб. 9).

По летописному сообщению, эти летописные племена связаны единством этнического происхождения ("се бо токмо словенск язык.."), единством региона расселения (Восточная Европа), единством исторических судеб ("живущу на Дунай").

В то же время между отдельными племенами сущесвовали различия -- ",,.имеяхуть бо обычая своя, и законы отець своих, и предания, аждо свой норов..." (ПСРЛ., 1962, т. II, стб. 10). Следуя этому сообщению, можно предполагать, что каждое восточнославянское летописное племенное объединение имело ряд отличительных индивидуальных особенностей, в том числе и свое племенное божество, особо чтившееся в этом племенном объединении (Лихачев Д.С., 1950, т. 2, с. 324; Брайчевский М.Ю., 1989, с. 131, 132). Вполне возможно, что существовали и местные особенности в рамках общих канонов устройства языческих капищ и общей языческой традиции поклонения силам природы. Такими требованиями были центральное расположение идола главного божества на площадке капища диаметром 6-8 м, кольцевая ограда (частокол; культовый земляной вал и ров) вокруг площадки, дополнительные алтари на валу и во рву, окружающем площадку, остатки ритуальных кострищ и тризны у центрального идола и дополнительных алтарей (Тимощук Б. А., 1990, с. 45, 55).

В дальнейшем, в соответствии с процессом объединения в одном государстве отдельных восточнославянских племенных княжений и формированием единого моноцентрического государства с центром в г. Киеве возникает идея и необходимость создания для этого единого государства единой государственной идеологической структуры, способной содействовать объединительным тенденциям центральной власти. Инициатором ее осуществления выступает великий князь киевский Владимир Святославич, сосредоточивший в своих руках огромные разноплеменные восточнославянские владения на обширных пространствах Восточной Европы после убийства в 980 г. своего брата и соперника Ярополка СвятосЛавича (ПСРЛ., 1962, т. II, стб. 66). О понимании важности и необходимости этого мероприятия Владимиром Святославичем свидетельствует тот факт, что к его'проведению великий князь киевский приступил в числе первоочередных. Летописец так сообщает о его проведении: "И нача княжити Володимир в Киеве один. И постави кумиры на холму вне двора, теремного, Перуна деревяна, а голова его серебряна, а ус золот. И Хорса, и Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И жряху им, наричути блгы (богы -х). И привожаху сыны своя, и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими, и оскверни требами земля Руская и холм тот... "(ПСРЛ., 1962, т. II, стб. 67). -

Установка кумиров "на холму вне двора теремного" было одним из основных мероприятий и ярких свидетельств попытки создания единого государственного пантеона. Он включал в себя шесть кумиров, которых исследователи отождествляют с главными божествами отдельных племенных объединений, входивших в состав Киевского государства (Лихачев Д.С., 1950, с. 324; Мавродин В.В., 1945, с. 317).

Археологические подтверждения (или опровержения) летописных сообщений о языческих верованиях дохристианской Руси встречаются в исследованиях довольно редко. Несомненно, они представляют собой исключительную ценность, конкретизируя летописные сообщения. Однако в археологической практике они выявляются исключительно редко.

Языческие святилища в сельской местности выявлены в Смоленской земле, на Псковщине, на территории радимичей, в западном Полесье, в украинском Прикарпатье и в других регионах (Седов В.В., 1962, с. 57-64; Куза А.В., Соловьева Г.Ф., 1972, с. 146-153). В настоящее время большие исследования языческих капищ и святилищ на территории Прикарпатья проведены Б.А.Тимощуком и И.П.Русановой (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993).

Исключительный интерес представляют собой остатки языческих святилищ, выявленных в древних городах или в непосредственной близости от них. Одно из них было обнаружено на Андреевской горе в древнем Киеве в 1908 г. исследованиями В.Хвойко. Оно представляет собой возвышенную (0,4 м) овальную (4,2х3,5 м) площадку из нетесаных камней, служившую алтарем во время жертвоприношений и языческих треб (Хвойко В.В., 1913, с. 66).

В 1951-52 гг. на холме Перуна в ур. Перыни под Новгородом Великим выявлено языческое святилище (Седов В.В., 1953). Оно представляло собой горизонтальную площадку на вершине возвышенного холма с ямой в центре для установки идола Перуна. Площадку окружает ров в форме 8-частного лепестка-цветка с алтарями в местах расширений лепестков.

В 1975 г. во время археологических исследований детинца древнего Киева в пределах города выявленные фрагменты древнего языческого святилища (Толочко П.П., Боровский Я.Э., 1979). По мнению исследователей, вскрытые остатки фундамента представляют собой / . остатки общего основания группы языческих идолов, включавшей изваяния Перуна, Хорса Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши. Исследователи отоджествляют выявленное святилище с пантеоном Владимира.

Этими тремя находками (2 -- в Киеве, 1 — в Новгороде) практически исчерпывается список языческих святилищ, открытых в древнерусских городах.

Новое языческое святилище выявлено в 1993 г. на городище древнего Турова.

Городище древнего Турова расположено на северо-западной окраине современного г. п. Туров Житковичского района Гомельской области (Лысенко П.Ф., 1975, с. 35-37).Оно расположено на правом берегу р. Припять у впадения в нее небольшого ручья — Язды. Городище относится к типу сложных мысовых, состоит из детинца (0,75 га) и окольного города (1,5 га). Детинец имеет подтреугольную форму. От окольного города он отделен полукруглым рвом. Окольный город прилегает к детинцу с юго-восточной стороны и имеет форму одной четверти кольца, шириной около 70 М. С внешней, напольной стороны окольный город отделен от посада глубоким рвом. По описаниям начала XX в., ров окольного города и детинца были заполнены проточной водой.

Площадка детинца и окольного города в настоящее время возвышается над прилегающей местностью на 4-5 м. Возвышенность образовалась за счет нарастания культурного слоя. В древности дневная поверхность города находилась на уровне прилегающей местности и слегка превышала уровень Припяти во время весеннего половодья.

Защитная система древнего Турова удачно сочетала оборонительные возможности естественного рельефа местности и искусственные оборонительные сооружения. Безопасность города с северной стороны обеспечивалась руслом р.Припять, старицы которой до недавнего времени вплотную подходили к городищу (в настоящее время замыты песком). С западной стороны к городищу подходило русло р.Язда и низменная, болотистая ее пойма. С южной и восточной стороны безопасность города обеспечивали наполненные водой вырытые

оборонительные рвы (в настоящее время в значительной степени засыпаны и распаханы).

Земляных валов или их остатков по краям площадки городища не упоминают исследователи, производившие в XIX в. обследование и описание городища (М.М.Гаусман, В.З.Завитневич). По-видимому, они были уничтожены после того, как исчезла необходимость выполнять свои оборонительные функции.

По своей сохранности городище древнего Турова относится (вместе с городищем Давыд-Городка) к числу наиболее сохранившихся среди городищ древних, городов на территории Беларуси. Но это вовсе не значит, что оно избежало повреждений и разрушений. Существенные разрушения нанесены при прокладке дороги в д.Запесочье с северной стороны городища. В значительной степени засыпаны оборонительные рвы окольного города и детинца (причем, в последнее время). С юго-восточной стороны для прохода на площадку окольного города насыпан земляной пандус, перекрывший оборонительный ров и изменивший внешний вид городища. Искажают древний рельеф городища устроенные въезды на него с северной и южной сторон.

Обследования городища и описания его производились еще в XIX в. М.М.Гаусманом, В.З.Завитневичем (Лысенко П.Ф., 1975, с. 38-40). В 1910 г. описание городища сделали участники экспедиции Минского церковно-археологического общества, обследовавшие захоронение в шиферном саркофаге на кладбище Глеба-Бориса. В 1926 г. городище шурфовали С.С.Шутов и М.Улащик, а в 1927 г. - А.Н.Лявданский. В 1961 г: раскопки на детинце проводила М.Д.Полубояринова, в 1962, 1963, 1968 гг. -П.Ф.Лысенко. В 1961 г. П.А.Раппопортом на окольном городе выявлена упорядоченная кладка из плинфы на цемянке. В 1963 г. М.К.Каргер в этом месте вскрыл крупный трехнёфный трехапсидный шестистолпный храм, имеющий своеобразие в архитектуре (Каргер М.К., 1965, с. 136-138).

Исследования 1992-1993 гг. на городище древнего Турова производились с целью изучения культурного слоя в месте предполагаемого строительства нового храма рядом с остатками прежнего. Раскоп 1992 г. размером 12x12 м был заложен в 2 м от южной стенки храма и параллельно ей. Раскоп 1993 г. (16x12 м) прирезан к раскопу 1992 г. с его западной стороны. При этом раскоп 1993 г. вышел за западные пределы древнего храма.

Культурный слой в раскопе имеет мощность свыше 3 м. Он подразделяется на 5 стратиграфических слоев, членение которых по их характерным признакам (структура, цвет, плотность, содержание) в основном не вызывает трудностей. Культурный слой плохо сохраняет предметы органического и неорганического происхождения. Остатки деревянных сооружений (жилые дома и хозяйственные постройки) встречаются в виде древесного тлена, а.в лучшем случае -- в виде расслоившихся на волокна, разложившихся бревен и полуистлевших досок. По взаимному расположению остатков строительных конструкций их можно расчленить на 7 строительных ярусов. Из них 5 относятся ко времени после разрушения туровского храма (1230 г.).

Материк вскрывается на гл. 310-326 см. Он представляет собой чистый, плотный песок светлокоричневого цвета.

Перекрывает материк слой плотный, влажный, вязкий, интенсивно черного цвета, Это стратиграфический слой V. Он начинается в 14 пласту, почти без находок. В нем встречаются фрагменты амфор, пряслица. Содержит очень мало керамики, в которой нет форм XII—XIII вв., но есть венчики, характерные для X— XI вв.

Этот слой распространяется в основном вдоль южной стенки раскопа и имеет мощность до 30 см. Он интенсивно черен по цвету и содержит огромное количество пережженного, разложившегося угля. Этот слой в основном разрабатывается в южной части раскопа и отсутствует в двух северных линиях квадратов и в двух западных вертикальных рядах,

В материке встречаются ямы различной формы, происхождения и назначения. Ямы естественного происхождения имеют неправильную форму и плавно углубляются от..края к центру. Они имеют глубину до 40-50 см и вскрываются в,основном в северной и западной части раскопа.

Столбовые ямы круглой формы диаметром 0,2-0,7 м встречаются по всему раскопу и густо расположены в его северо-восточной части. Они имеют вертикальные стенки и глубину 10-20 см. Определенной системы в их расположении не выявлено. В северо-западной части раскопа обнаружено углубление в форме узкой траншеи (0,2-0,25 м) глубиной 0,2-0,3 м, вытянутое по прямой линии в направлении на северо-запад. Очевидно, это углубление под частокол.

В юго-восточной части раскопа в материке выявлены 13 ям искусственного происхождения, в расположении которых просматривается определенная система. Для уточнения данных о порядке расположения открытых ям следует несколько слов сказать о раскопе 1993 г.

Раскоп 1993 г. имеет форму прямоугольника, ориентированного по южной стене храма XII в. Его северная граница продолжает на запад северную границу раскопа 1992 г., а восточная граница совмещена с западной границей раскопа 1992 г. Раскоп 1993 г. в направлении с запада на восток имеет 16'м и расчленен на 8 рядов раскопочных квадратов (2x2 м). В направлении с севера на юг раскоп имел первоначально 18 м (9 линий квадратов), а затем был сокращен до 12 м (6 линий квадратов). В северной линии квадраты пронумерованы с запада на восток с № 1 по № 8. В последующих линиях квадратов (по тому же принципу) - с № 9 по № 16 и т.д. В крайней южной линии квадраты имеют номера с 41 по 48 (крайний восточный).

13 ям с вертикальными стенками искусственного происхождения расположены у южной стенки раскопа (рис. 1). Центральная яма (яма "О") расположена у южной стенки квадрата 45. Вокруг нее (на расстоянии 0,8-1,6 м) подковой расположены 5 ям (№№-1 -- А-5), образующих первый контур -"А", окаймляющий центральную яму. Центры ям расположены на расстоянии 1,85-2,3 м от центра ямы "О" (табл. I). Все ямы контура "А" (1А-5А) имеют вертикальные стенки, что свидетельствует об их искусственном происхождении. Они заполнены черным слоем с углем. Эти ямы расположены через 45 градусов по окружности их размещения вокруг ямы "О". Ямы А-1 и А-5 находятся на прямой, проходящей через центр ямы "О". Яма А-3 расположена под прямым углом к северу от зтой линии от центра ямы "О". Ямы А-3 и А-5 имеют круглую форму и диаметр 0,75 и 1,2 м. Ямы А-1, А-2, А-4 имеют овальную форму, и все они ориентированы большой осью на центр ямы "О".

За внешними пределами ям контура "А" расположены семь ям второго контура – контура "Б" (№№ Б-1 - Б-7). Как и контур "А", они образуют форму полукруга, опирающегося на южную стенку раскопа. Все ямы искусственного происхождения, имеют вертикальные стенки, заглублены в среднем на 0,7 м. Они овальной формы, ориентированы большой осью овалов на центр ямы "О", (у них одинаковое расстояние от краев ямы "О", равное 2,6-2,7 м (№ 1-2,5 м, № 7- 3,1 м), и одинаковое расстояние от центра ямы "О" до центров ям контура "Б", равное 3,6 м (№2-3,7 м, № 7-4 м). Ямы размещены симметрично. Из семи ям пять расположены на путчах (радиусах), проходящих из центра ямы "О" через центры ям контура "А". Все они заполнены темным слоем с большим содержанием разложившегося угля, Расположение ям, их размеры, ориентировка, одинаковые расстояния от центра ямы "О" и от ее краев, одинаковая глубина и заполнение позволяют сделать вывод о том, что:

1) ямы искусственного происхождения и сооружались одновременно (одинаковая глубина, ориентировка, система);

2) ямы располагались по единому плану (ориентировка, расстояния);

3) в зоне расположения ям постоянно пылали костры (большое количество разложившегося угля в заполнении ям и в зоне их расположения);

4) случайность такого скопления одинаковых, по времени, форм и месту расположения ям исключается.

Вероятно, это скопление одинаковых по многим параметрам ям представляет собой единый, единовременно и по единому плану сооруженный комплекс. Скорее всего - это единый комплекс одновременно возведенного языческого святилища, включавшего в себя деревянное стилизованное скульптурное изображение главного божества (Перуна), помещеннрго в

центре комплекса (яма "О" в квадрате 45), и размещенных вокруг него главных (контур "А") официальных божеств языческого пантеона (Стрибог, Даждьбог, Хорс, Мокошь, Симаргл). Во втором контуре "Б" могли располагаться второстепенные общеславянские и местные языческие божества и мифические объекты языческого поклонения. Конечно, это предположение – один из возможных вариантов интерпретации выявленного скопления ям в материке окольного города древнего Турова.

Время возведения туровского святилища, по стратиграфическим наблюдениям и датирующим находкам, определяется концом X в. В слое, перекрывающем ямы, встречается керамика только раннего периода, датирующаяся концом X~ начала XI вв. Следует учитывать, что возведение языческих капищ после принятия христианства в 988 г. было невозможно, а языческий пантеон был сформирован Владимиром после его утверждения на киевском престоле не ранее 980 г. К этому времени и относится сооружение языческого святилища в Киеве "вне двора теремного" на Перуновом холме. Здесь можно усматривать еще одну аналогию между киевским и туровским святилищами. Туровское святилище так же, как и киевское, вне детинца, на территории окольного города. Скорее всего время его возведения весьма близко ко времени сооружения Владимирова пантеона в Киеве на Перуновом холме.

О том, что выявленный комплекс может интерпретироваться как святилище, говорит и христианская традиция возведения культовых сооружений на местах существования в предыдущее время языческих святилищ. Этим символизируется победа истиной христианской веры над языческим идолопоклонством. Так вот, монументальный туровский кафедральный храм был возведен в XII в. как раз на месте существования древнего святилища. Юго-западный угол храма находится в непосредственной близости от остатков святилища, несколько северо-восточнее его. Чем объяснить такое (хоть и небольшое) смещение? Здесь могут быть допущены две версии. Время возведения святилища (конец X в.) и строительство храма (70-е гг, ХП в.) разделяют два столетия. Население по преданиям помнило о существовании святилища, но точно указать место "его расположения уже не могло. По второй версии – новый каменный храм возводился на месте предшествующей деревянной церкви, и, превосходя ее по размерам, несколько сместился в свободном от застройки направлении. Возможно также, что храм (а ранее - церковь) возводились на месте других сооружений, входивших в комлекс святилища.

Прямые аналогии туровскому святилищу неизвестны. Ближе всего ему по устройству святилище на Перыни у Новгорода Великого. Но, тем не менее, в туровском святилище соблюдены основные принципы возведения языческих капищ - центральное расположение деревянного скульптурного изображения верховного языческого божества и круговое расположение вокруг него менее значительных божеств и алтарей.

В заключении следует сделать оговорку. Все предположения в интепретации скопления ям у южной стенки раскопа 1993 г. на окольном городе древнего Турова носят предварительный и гипотетический характер. Ведь вскрыта лишь половина "святилища". Нам представляется, что совокупность и комплексность приведенных выше аргументов позволяет сделать такое предположение. В то же время осторожность требует отложить окончательные выводы до полного раскрытия этого, несомненно, очень интересного археологического объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БрайчесвкийМ.Ю., 1989.Утверждение христианства на Руси. Киев.
2. Каргер М.К., 1965. Новый памятник зодчества ХП в. в Турове // КСИА. Вып. 110.
3. Куза А.В., Соловьева Г.Ф., 1972. Языческое святилище в земле радимичей//СА. №1.
4. Лихачев Д.С., 1950. "Повесть временных лет". М.-Л. Т.2.
5. Лысенко П.Ф„ 1975. Города Туровской земли. Мн.
6. Мавродин В.В. 1945. Образование древнерусского государства. Л. С. 317.
7. Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.
8. Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
9. Рыбаков Б. А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
10. Седов В.В. Древнерусское языческое святилище в Перыни//КСИИМК. №103.
11. Седов В.В., 1962. Языческие святилища смоленских кривичей.//КСИА. Вып.87.
12. Тимощук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI-X в.н.э. М.
13. Толочко П.П., Боровьский Я.Э., 1979. Язичницьке капище в "городі Володимира//Археологія Києва : Досліджэння і матеріали. Київ.
14. Хвойко В.В., 1913. Древнейшие обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев.

Табл. 1.

Туров, 1993. Святилище. Расположение и размеры ям в материке

№ ямы	вадат	размеры	форма	от "О" располож.	глубина	отметки от материка	расстояние от края	центра	заполнение	примечания
"О" (центр)	45	1х0,8	кругл.		0,75	318-319			уголь	
КОНТУР "А"										
1	44	0,6x1,2	овальн.	к З	0,25	345-370	1	2	уголь	
2	36-44	0,65x1,5	овальн.	к С-З	0,36	346-382	1,6	2,3	уголь	
3	37	0,75	кругл.	к С	0,7	312-382	1,3	2,1	уголь	
4	46	0,9x1,4	овальн.	к С-В	0,85	310-395	0,8	1,85	уголь	
5	46	1,2	овальн.	к В	0,5	350-400	1,1	2,2	уголь	
КОНТУР "Б"										
1	43	0,5x1	овальн.	к З	0,75	310-385	2,5	3,6	уголь	на прям. 0-а1-а5, б7
2	35	0,8x1,6	овальн.	к С-З	0,12	346-358	2,6	3,7		между Б1 и Б3
3	36	0,6x1,4	овальн.	к С-З	0,4	345-385	2,7	3,6		на прям. 0-а2
4	29	0,8x1,7	овальн.	к С	0,74	312-386	2,6	3,6		на прям. 0-а3
5	38	0,8x1,5	овальн.	к С-В	0,55	310-365	2,6	3,6		между Б5 и Б7
6	39	0,65x1,4	овальн.	к С-В	0,7	315-385	2,8	3,6		на прям. 0-а4
7	47	1,3	кругл.	к В	0,79	315-394	3,1	4,0		на прям. 0-а1, а5, в1

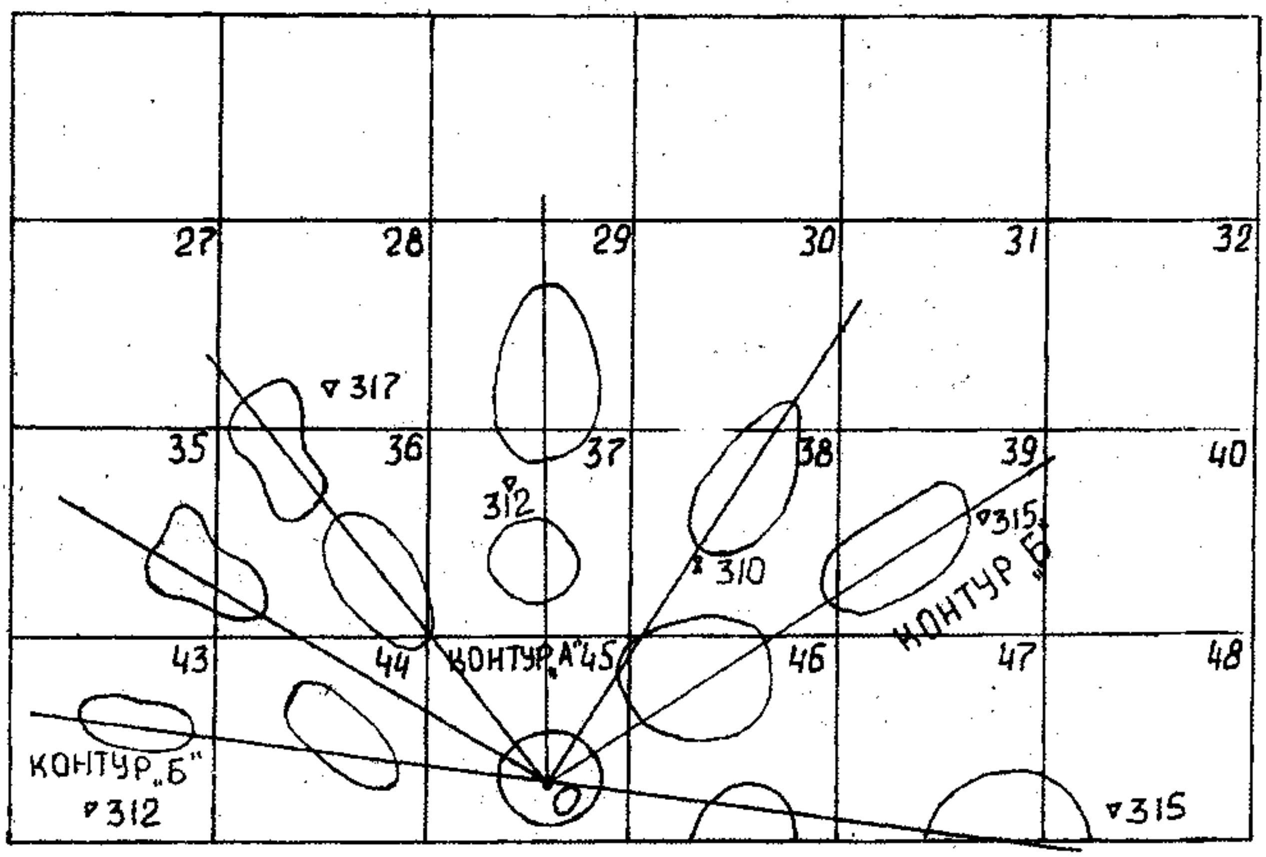

Рис. 1. План размещения ям Туровского святилища

Плавинский А.Н. (Минск)

К ВОПРОСУ О ГОНЧАРНЫХ КЛЕЙМАХ

Искусство обжига глиняной посуды уходит своими корнями еще во времена неолита. По мере развития производительных сил совершенствовались и приемы обработки глины. От простейших лепных сосудов к изящным, изготовленным при помощи гончарного круга изделиям, от домашнего подсобного промысла к развитому ремесленному производству - вот путь, по которому шло развитие гончарства. Благодаря своей прочности и широте употребления, изделия из обожженной глины являются весьма многочисленной категорией находок при раскопках как поселений, так и погребений.

Вопросам, связанным с развитием гончарства, посвящено значительное число работ. Это не удивительно : информация, которую несут в себе скромные на вид черепки, весьма богата и разнообразна. Остановимся на одном сюжете этой необъятной темы - гончарных клеймах. Внимание исследователей давно привлекали таинственные знаки на днищах сосудов, встречающиеся как на посуде из поселений, так и на "курганной" посуде, причем, в обоих случаях процент клейменых горшков, по отношению к общему количеству находок весьма невелик. Технология клеймения посуды известна: знак вырезался на помещенной в центре гончарного круга дощечке, на которой производилась формовка сосуда, и отпечатывался на сырой глине. Уже само наличие клейма говорит о применении ручного гончарного круга легкого типа;

Существует целый ряд иногда противоречивых мнений по поводу происхождения гончарных клейм. Одни исследователи считают, что они носили магический характер и были призваны оградить владельца посуды от воздействия потусторонних сил (Тышкевич К П., 1865, с. 166). Другие видят в них знаки мастеров (Рыбаков Б.А., 1948, с 176-177; Мансуров А.А., 1946, с. -298). Р.Л.Розенфельд предлагал считать их знаками заказчика. Наиболее убедительным представляется мнение А.Л.Монгайта (1955, с. 120-121). Подчеркивая значительное единообразие гончарных клейм на обширной славянской территории, он полагает, что они появились еще в языческие времена, когда носили характер религиозных символов, общих для славянских земель. С появлением гончарного круга эти, часто связанные с солярным культом знаки (колеса, круги, кресты, свастики), были перенесены на керамику и стали знаками мастеров. Такое истолкование клейм, как символов, утративших свое первоначальное культовое значение и превратившихся в ремесленные производственные тамги, вполне объясняет их единообразие и широкий географический диапазон.

Клейма позволяют ответить на многие вопросы, прямо не относящиеся к истории гончарного производства : это и вопросы социального устройства древнего общества, и его идеологические представления, и вопросы торговли. К сожалению, вопросов пока больше, чем ответов. В этой связи представляется интересным составление широкого свода находок гончарных клейм.

В фондах лаборатории музееведения исторического факультета Белгосуниверситета имеется значительная коллекция курганной керамики X ~ XII вв. из различных регионов Беларуси. На днищах некоторых сосудов имеются клейма. Публикация данных материалов может оказаться полезной как при составлении свода клейм, так и в работе специалистов.

ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ

Браславский район

Деревня Опса (1996 г.)

Памятник расположен в двух километрах к югу от деревни Опса в лесу, слева от дороги, ведущей в д. Видзы, насчитывает около 80 полусферических, круглых в плане насыпей высотой 0,3- 2 м, диаметром 5 - 10 м. Наиболее высокие курганы сконцентрированы в северной части могильника. Вокруг многих насыпей видны следы ровиков. Курганы сильно заросли лесом, многие повреждены, датируются IX -- XI вв.

Курган 1. Насыпь полусферическая, круглая в плане. С северной, западной и южной сторон заметны следы ровиков. Остатки погребения по обряду кремации обнаружены в центре кургана на уровне материка, на небольшой глиняной подсыпке овальной формы, ориентированной с запада на восток (1,8х1,2 м, мощность 0,1-м.). Выявлена масса кальцинированных костей, зубы. Инвентарь : фрагмент бронзовой трехпроволочной гривны со шлемовидными концами; фрагменты двух браслетообразных височных колец с завязанными концами; фрагмент бронзовой подвески; железные игла и нож; многочисленные слитки бронзы и белого металла; остатки расплавленных стеклянных бус. Насколько можно судить, это -- зонные бусы синего и желтого цветов/Здесь же обнаружены фрагменты трех гончарных сосудов. Еще один гончарный горшок оказался на зольном слое в двух метрах к югу от погребения: Все сосуды удалось полностью восстановить Это -*• горшки, имеющие усечёноконическую или близкую к шаровидной форму; один из них, со слегка отогнутым, слабопрофилированным венчиком (h — 12 см; dl — 12,5 , d2 — 12,5, d3 ~ 6,5 см; обжиг грубый; цвет красновато-серый; по плечику и тулову орнаментирован горизонтальными линиями)[1], имел на донышке клеймо — круг с расходящимися лучами и углублением в центре (рис. 1:1).

ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Рогачевский район

Деревня Веточка (1983-84 гг.)

Могильник расположен в 0,5 км восточнее д. Веточка, в роще у проселочной дороги, ведущей к поселку Городец. Насчитывает 47 насыпей диаметром 5-10 м, высотой 1-4 м. Вокруг некоторых курганов заметны следы ровиков. Часть насыпей повреждена современными перекопами. Принадлежал радимичам, датируется XI — XII вв.

Курган 7. Полусферическая, круглая в плане насыпь, с южной стороны заметны следы ровиков. Погребение -- парное трупоположение на материке на зольном слое. Захороненные женщина и ребенок 5-6 лет лежат на спине головой на запад. Инвентарь женского погребения : стеклянные зонные и бочкообразные золото- и серебростеклянные бусы, бронзовые семилучевые височные кольца с каплевидными лучами. В головах — гончарный усеченоконический горшок с прямым вертикальным венчиком (h 7,5 см, dl 7,5 d2 — 10, d3 — 5 см; обжиг равномерный; цвет — светлокоричневый; орнаментация отсутствует). На донышке клеймо в виде двух концентрических окружностей, соединенных перемычками (рис. 1:2). Инвентарь детского погребения : зонные стеклянные и бочкообразные серебростеклянные бусы; монетовидные подвески белого металла с циркульным орнаментом крайне плохой сохранности; 8 височных колечек диаметром 1,5 см, изготовленных из медной проволоки, перевитой тонкой медной спиралью. Семь колечек были нанизаны на восьмое.

Деревня Гадиловичи (1981 г.)

Могильник расположен в 1 км к западу от шоссе Рогачев-Кричев в лесу, на левом берегу Днепра, на юго-западной окраине д. Гадиловичи. Насчитывает 105 насыпей полусферической, круглой в плане формы высотой 0,5 - 3 м, диаметром 4 - 12 м. Вокруг курганов прослеживаются остатки ровиков. Более половины насыпей в разное время подверглись разрушению. Могильник датируется X - XII вв., принадлежал радимичам.

Курган 1. Насыпь полусферическая, круглая в плане, окружена ровиком, заполненным угольками и золой. Погребение — мужское трупоположение на материке, на зольном слое, головой на запад (с незначительным отклонением к югу). Инвентарь отсутствует. В насыпи, в головах погребенного, обнаружен гончарный усеченоконической формы, несколько асиметричный сосуд со слабо профилированным, слегка отогнутым венчиком (h -- 10 см, d1 10,5; d2 -- 11,5, d3 -- 6,7 см; обжиг равномерный, цвет— черный, орнамент отсутствует). На донышке сосуда клеймо в виде круга со вписанным в него крестом (рис. 1:3).

[1] h -- высота сосуда, d1 -- диаметр венчика, d2 — диаметр тулова, d3 — диаметр донышка.

Деревня Колосы (1982 г.)

Могильник расположен в 1 км к северу от деревни Колосы, у проселочной дороги, ведущей в деревню Заполье, в 3 км от последней. Вытянут с севера на юг вдоль старицы реки Друть, насчитывает 85 полусферических, круглых в плане насыпей диаметром 3- 16, высотой 0,5 - 2 м. Вокруг некоторых курганов прослеживаются остатки ровиков. Многие насыпи были разрушены во время Второй мировой войны, когда их использовали для сооружения укрытий. Могильник принадлежал дреговичам, датируется XI - XII вв.

Курган 5. Насыпь круглая в плане, ровики отсутствуют. Погребение -- женское трупоположение на материке, на зольном слое, ориентированное головрй на запад. Инвентарь : золотостеклянные бочкообразные и сердоликовые бипирамидальные и шарообразные бусы ; бронзовое проволочное кольцо с утолщением; серебряный витой перстень. В насыпи обнаружены фрагменты кружального горшка, который удалось восстановить, и фрагмент донышка гончарного сосуда с круговым клеймом (рис. 1:4).

Курган 6. Полусферическая круглая в плане насыпь. Ровики отсутствуют. Погребение — женское трупоположение на материке на зольном слое -- сильно повреждено поздним перекопом. Ориентировано головой на запад со значительным смещением к югу. Инвентарь : фрагмент бронзовой витой трехпроволочной гривны; две прямоугольные бусины глухого стекла сургучного цвета и одна биконическая бусина зеленого стекла. В ногах погребенной, на зольном слое, обнаружен гончарный сосуд. Это — усеченоконический горшок со слабопрофилированным, слегка отогнутым венчиком (h — 11 см, dl —11, d2 -- 16,5, d3 — 8,7 см; обжиг равномерный; цвет -- светло-желтый, орнамент отсутствует). На донышке — клеймо в виде круга с крестом и расходящимися лучами (рис. 1:5).

Курган 8. Полусферическая круглая в. плане насыпь, ровик отсутствует. Погребение — женское трупоположение на материке, на зольном слое -- ориентировано головой на восток со значительным отклонением к северу. Инвентарь: стеклянный рубленый бисер; пять бронзовых широкорогих лунниц, украшенных параллельными полосками и ложной зернью; бронзовый пластинчатый перстень с ложнозерненой цветкообразной розеткой; у левой руки — железный нож. В зольном слое обнаружено днище гончарного сосуда с клеймом, в виде двух концентрических окружностей, соединенных перемычками (рис. 1:6).

Деревня Мадора (1977 г.)

Могильник расположен в 0,5 км от северо-восточной окраины деревни Мадора, в поле у дороги на Кистени. Сохранившиеся 25 насыпей представляют собой остатки громадного могильника, разрушенного во время Второй мировой войны, когда на этом месте был сооружен полевой аэродром. Курганы полусферические, круглые в плане, высотой от 1 до 3, диаметром 8 — 13 м. Вокруг насыпи прослеживаются остатки ровиков. Могильник датируется XI -- XII вв.

Курган 1. Полусферическая круглая в плане насыпь без следов ровиков. Погребение женщины совершено по обряду трупоположения на зольном слое и ориентировано головой на восток. Инвентарь : бронзовые колечки и лировидная литая пряжка, орнаментированная выпуклой линией, имеющая в передней части выпуклый остроконечный выступ с четырехлепестковым розетковидным орнаментом, В головах — горшок с низким,слабопрофилированным отогнутым венчиком (h — 14 см, dl — 11, d? — 14, d3 ~ 9 см; обжиг равномерный; цвет светлот-серый; орнамент отсутствует). На донышке клеймо в виде комбинации трех прямоугольников (рис. 1:8).

Деревня Юдичи (1980 г.)

Могильник расположен в 1. км к северу от шоссе Рогачев-Кричев между Довском и Рогачевом, в лесу, на берегу искусственного водохранилища у дер. Юдичи. Насчитывает более 150 круглых в плане полусферических, окруженных ровиками насыпей высотой 1-3, диамет-

ром 6-12 м. Многие курганы сильно разрушены. Могильник принадлежал радимичам, датируется X--началом XI вв.

Курган .1. Полусферическая круглая в плане насыпь окружена ровиком. Женское погребение по обряду трупоположения на горизонте, на зольном слое, головой на запад. Инвентарь : бронзовые пластинчатые браслеты, колечки и двустворчатые колокольчики; стеклянные бусы разных типов (желтый бисер, серебростеклянные бочкообразные, пастовые сургучного цвета, синие прямоугольные, белоромбичеекие и др.). В головах -- гончарный горшок с усечено коническим туловом, высоким плечиком и слегка отогнутым венчиком, покрытый линейным орнаментом (h -- 10,5 см, dl ~ 9, d2 -- 13, d3 -- 7,5 см; обжиг равномерный, цвет коричневый). На донышке клеймо -- круг с точкой (рис. 1:7).

Курган 4. Полусферическая круглая в плане насыпь окружена ровиком. Погребение — парное трупоположение на зольном слое, на песчаной подсыпке (0,3 м). Погребенные лежат на спине головой на запад. Инвентарь погребения 1 : глиняная льячка для разливки металла, в зольном слое - шлак. Инвентарь погребения 2 : справа от скелета ~ шарообразный горшок со слегка отогнутым венчиком (h -- 12 см, dl —11,8, d2 — 14, d3 — 8,3 см; обжиг равномерный; цвет светло-серый; орнамент отсутствует). На донышке ~ клеймо в виде комбинации трех прямоугольников (рис. 1:9).

Курган 14. Полусферическая круглая в плане насыпь окружена ровиком. Погребение -- парное трупоположение на зольном слое, на песчаной подсыпке. Погребенные лежат на спине головой на запад. В погребении 1 инвентарь отсутствует. В погребении 2 обнаружены : бронзовые семилучевые и браслетообразные височные кольца, колечки, шарообразные двустворчатые бубенчики и бусы (прямоугольные янтарные и бочкообразные золото- и серебростеклянные). В ногах - гончарный сосуд усеченоконической формы с отогнутым венчиком (h — 10,5 см, dl — 12, d2 — 14, d3 ~ 7 см; обжиг равномерный; цвет черный; по тулову украшен штриховым орнаментом). На донышке клеймо, представляющее собой четыре наложенные друг на друга прямоугольника, образующие крест со вписанной в него свастикой (рис. 1:10). В зольном слое обнаружен фрагмент донышка гончарного сосуда с клеймом. С определенной долей уверенности клеймо можно реконструировать как комбинацию трех прямоугольников (рис. 1:11).

Курган 15. Полусферическая круглая в плане насыпь окружена ровиком. Погребение -- женское трупоположение на материке, на зольном слое — ориентировано головой на запад. Инвентарь : глиняное пряслице и бронзовое двойное колечко. В насыпи кургана — гончарный сосуд шарообразной формы с прямым, неотогнутым венчиком (h — 11 см, dl — 9,5, d2 -- 13,3, d3 — 7,5 см; обжиг равномерный; цвет черный; орнамент отсутствует). На донышке -- клеймо, представляющее собой четыре наложенные друг на друга прямоугольника, образующие крест со вписанной в него свастикой (рис. 1:12).

МИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Мядельский район

Деревня Милты (1992 г.)

Могильник расположен в лесу, справа от дороги Ногавки-Дягили, в 300 м к северо-западу от деревни Милты Насчитывает 36 насыпей круглых (27) и овальных (9) в плане. Круглые насыпи при диаметре 5-10 м не превышают высоты 1,5 м. Овальные — достигают 2,5 м. Ориентированы они по линии север-юг, реже — запад-восток. Ровики отсутствуют. Многие насыпи повреждены. Памятник датируется X — началом XI вв.

Курган 4. Насыпь круглая в плане, полусферическая. Погребение совершено по обряду кремации в центре кургана на материке. Сохранились куски обгоревшего дерева, многочисленные фрагменты кальцинированных костей и поврежденные огнем вещи. Инвентарь : расплавленные стеклянные бусы, несколько целых зонных бусин из желтого и синего стекла; оплавленные фрагменты бронзовой трехпроволочной витой гривны; бронзовый пластинчатый перстень с заходящими концами; миниатюрный железный ножик прекрасной

сохранности. На зольном слое стоял целый гончарный горшок усеченоконической формы со слабопрофилированным отогнутым венчиком (h — 12 см, d1-- 15, d2 — 15, d3,— 8,5 см; обжиг равномерный; цвет светло-серый; тулово покрыто линейным орнаментом, по плечику проходит волнистая линия). На донышке — клеймо в виде окружности (рис 2:13).

Деревня Навры (1987 г.)

Памятник расположен в 1 км к юго-востоку от деревни Навры в лесу, у проселочной дороги, ведущей в поселок Городище. Насчитывает 89 полусферических, круглых в плане насыпей диаметром 4-12, высотой 0,5 - 1,5 м. Ровики отсутствуют. Многие курганы повреждены. Могильник датируется XII--XIII вв.

Курган 4. Насыпь круглая, полусферическая, на северном склоне заметны следы перекопа. Погребение -- женское трупоположение на материке, на зольном слое -- ориентировано головой на запад с незначительным отклонением к северу. Инвентарь : 7 бочкообразных золотостеклянных и 1 серебростеклянная бусина; бронзовая звездчатая 16-лучевая пряжка с 2-мя отломанными лучами и медным язычком. В ногах погребенной -- шарообразный горшок со слегка отогнутым венчиком (h ~ 12,2 см, d1-- 12, d2 — 14, d3 -- 8,2 см; тесто с примесью крупнозернистого песка; обжиг равномерный; цвет светло-коричневый; по плечику и тулову орнаметирован горизонтальными линиями). На донышке -- клеймо в виде круга с равноконечным крестом внутри (рис. 2:14).

Деревня Новоселки (1988-90 гг.)

Могильник расположен в 1 км к юго-востоку от деревни Новоселки (ныне -- в городской черте г.п. Мядель), в урочище "Французские могилы". Насчитывает около 100 полусферических, круглых в плане насыпей диаметром 4-12, высотой 0,5 - 2,3 м. Вокруг многих из них заметны следы ровиков. Наиболее высокие курганы раположены в северо-восточной и северо-западной частях могильника. Большинство насыпей повреждено. Могильник принадлежал смешанному славяно-балтскому населению, датируется X -- XIII вв.

Курган 2. Полусферическая круглая в плане насыпь окружена ровиком. Погребение — женское трупоположение в насыпи, на зольном слое -- ориентировано головой на запад. Инветарь : золотостеклянные и пастовые бусы; бронзовые крестопрорезные бубенчики, витое и пластинчатое колечки, плоский коник с циркульным орнаментом, две проволочные конусовидные подвески, звездообразная 16-лучевая фибула; амулеты из обработанных зубов и костей животных. В ногах — небольшой усеченоконический горшок с вертикальным венчиком (h -- 8 см, d1-- 10,5, d2 -- 11, d3 — 5,5 см; обжиг равномерный; цвет светло-серый; по плечику и тулову орнаментирован волнистыми и горизонтальными линиями). На донышке имеется клеймо в виде квадрата, вписанного в круг (рис. 2:17).

Курган 3. Насыпь круглая в плане, полусферическая, окружена ровиком. Женское погребение по обряду трупоположения в насыпи, на зольном слое - ориентировано головой на запад. Инветарь : ожерелье из серебростеклянных бус, в ногах - большое количество завернутого в бересту бисера. С правой стороны от скелета, в ногах стоял небольшой усеченоконический сосуд с хорошо профилированным отогнутым венчиком (h -- 10,3 см, d1-- 10,5, d2 -- 11,8, d3 — 7 см; обжиг равномерный; цвет красновато-коричневый; по плечику орнаментирован концентрическими полосками). На донышке - сложное орнаментальное клеймо, напоминающее крест с загнутыми лучами (рис. 2:19).

Курган 4. Полусферическая насыпь несколько вытянута с запада на восток, окружена ровиком. Погребение - трупоположение в насыпи на зольном слое. Женский костяк лежит на спине головой на юго-запад,-руки сложены на поясе. Инветарь : 2 бронзовых шарообразных двустворчатых бубенчика, 2 ребристые золотостеклянные бусины, бисер, бронзовое пластинчатое колечко со следами серебрения. В ногах, с правой стороны - усеченоконический сосуд со слабопрофилированным отогнутым венчиком (h -- 10,7 см, d1-- 11,1, d2 — 12,8, d3 -

- 6,4 см; обжиг равномерный; цвет светло-коричневый; по плечику и тулову орнаментирован волнистыми линиями). На донышке - клеймо в виде квадрата, вписанного в круг (рис. 2:18).

Курган 7. Круглая полусферическая насыпь окружена ровиком. Погребение совершено по обряду трупоположения на горизонте, на зольном слое. Погребенный мужчина лежит на спине, головой на запад. Инветарь : массивное крученое кольцо белого металла плохой сохранности; бронзовая подковообразная фибула с закрученными концами; железный широколезвийный боевой топор. В ногах с правой стороны - -горшок округлой формы со слегка отогнутым венчиком (h -- 12,7 см, d1-- 13, d2 -- 15,2, d3 — 7,8 см; обжиг равномерный; цвет красновато-коричневый; орнамент отсутствует). На донышке - клеймо в виде прямоугольника с закругленными углами (рис. 2:15).

Курган 9. Насыпь круглая, полусферическая, ровики отсутствуют. Погребение по обряду трупоположения в подкурганной яме (2,2 х 0,8 м, гл. 0,6 м) ориентировано головой на восток. Похоронен мужчина 30-35 лет. Инветарь : железный нож плохой сохранности, 2 бронзовых грушевидных крестопрорезных бубенчика, завернутых в кожу. В ногах слева — горшок с шарообразным туловом и отогнутым слабопрофилированным венчиком (h — 14,2 см, d1— 13,4, d2 — 16, d3 — 8 см; обжиг равномерный; цвет красновато-коричневый; по плечику и тулову орнаментирован концентрическими линиями, кроме того, по плечику, нанесены 5 волнистых линий). На донышке клеймо ~ круг со вписанным в него крестом (рис. 2:16).

Курган 17. Насыпь правильной шаровидной формы окружена ровиком. Погребение -- парное трупоположение на материке, на зольном слое — ориентировано на северо-запад. Инвентарь погребения 1 (девочка-подросток) : колечко белого металла с S-видным завитком, бронзовый трехгранный браслет, бронзовая фибула со спиральными концами. В ногах -
- гончарный усеченоконический горшок со слабопрофилированным отогнутым венчиком (h
- 10 см, d1-- 12,7, d2 — 13,8, d3 — 7 см; обжиг равномерный; цвет светло-коричневый; орнамент отсутствует). На донышке - клеймо в виде креста с расширяющимися лучами (рис. 2:20). Инвентарь погребения 2 (мужчина) : бронзовая лировидная пряжка с железным язычком, бронзовое проволочное кольцо с незамкнутыми концами, железный нож плохой сохранности, шиферное пряслице, у правого плеча -- железный широколезвийный топор. В ногах — горшок усеченоконической формы с хорошо профилированным слегка отогнутым венчиком (h -- 14 см, d1— 13,2, d2 -- 15, d3 -- 8,5 см; обжиг равномерный; цвет красновато-коричневый; орнаментация отсутствует). На донышке -- клеймо в виде колеса со спицами (рис. 2:21).

Курган 19. Насыпь полусферическая, круглая в плане, ровики отсутствуют. Погребение по обряду трупоположения, совершено в подкурганной яме (2,х1 м, гл. 0,5 м), ориентировано головой на запад. Захоронен мужчина. Инвентарь : массивный бронзовый браслет с зооморфными головками; железный широколезвийный топор. В ногах обнаружен усеченоконической формы горшок со слегка отогнутым венчиком (h — 11,8 см, d1-- 12, d2 — 14,4, d3 — 6,2 см; обжиг равномерный; цвет светло-коричневый; по плечику орнаментирован волнистыми линиями). На донышке — сложное круговое клеймо, включающее мотив креста (рис. 2:22).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Мансуров А.А., 1946. Староpязанские и пронские клейма // СА. Т. VIII.
2.Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
3.Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
4.Тышкевич К.П., 1865. О курганах в Литве и Западной Руси. М.

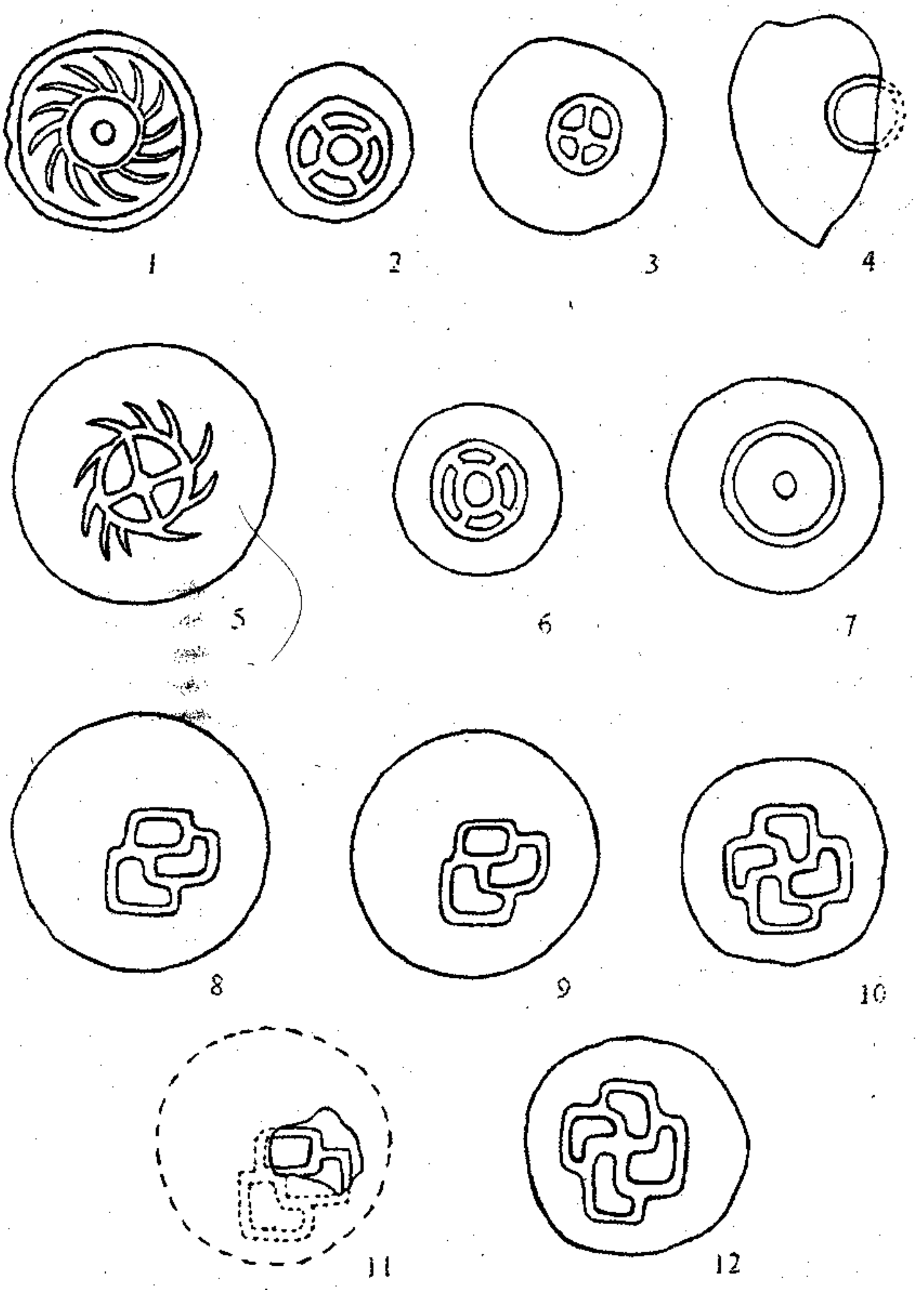

Рис. 1. Гончарные клейма из курганов Витебской и Гомельской областей

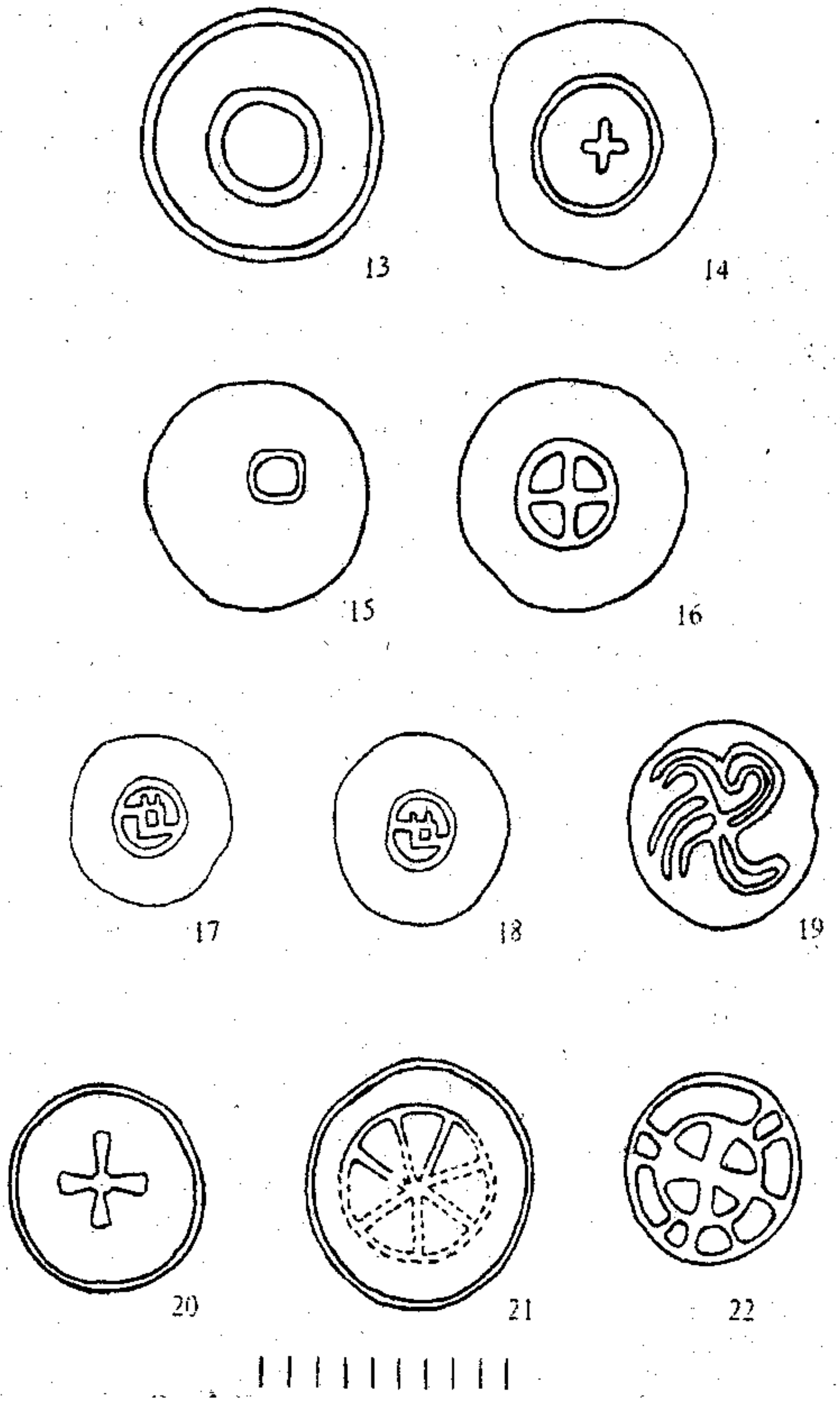

Рис.2. Гончарные клейма из курганов Минской области

Рябцевич В.Н. (Минск)

ДИРХАМЫ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА В ДЕНЕЖНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ (IX-X вв.)

Сведения о древнерусских монетных кладах рассредоточены по архивохранилищам, разновременным и разнородным -- от научных публикаций до газетных сообщений -- изданиям; значительное количество необнародованных денежных захоронений находится в музейных фондах или же распылено по частным коллекциям.

Эффективное использование этих материалов невозможно без сопоставления разноречивых данных об одних и тех же находках, тщательной их систематизации, пересмотра ошибочных и корректировки устаревших атрибуций, приведения описаний кладов к единообразным современным нормам...

Полоцкая земля (Полоцкое княжество) - крупнейшее государственное образование Древней Руси, занимавшее на территории современной Беларуси Витебскую, Минскую (северную часть) и Могилевскую (северо-западную часть) области (Алексеев Л.В., 1966, с.66). Расположение этой державы на средокрестии внутриэкономических путей Руси и ключевых транзитных отрезков международных магистралей, связывавших Арабский Халифат, Византию, южную Русь с Русью северной, Прибалтикой, Скандинавией, обусловило достижение ею весьма высокого для своего времени уровня социально-экономического, политического и культурного развития.

В историографии Полоцкой земли следует, прежде всего, выделить монографии Л.В. Алексеева (1966) и Г.В. Штыхова (1975, 1978, 1992) - обстоятельные исследования этнической и политической истории Полоцкого княжества, его материальной и духовной культуры. Им, тем не менее, присущ общий существенный изъян, заключающийся в слабом отражении важнейшего аспекта истории рассматриваемого региона - конкретного содержания и локальных особенностей его денежного хозяйства. Недостаток этот не может быть поставлен в упрек авторам, ибо вызван объективной причиной — отсутствием свода реликтов денежного обращения Полоцкой земли, т.е. основы, без которой их сколько-нибудь серьезной аналитическое осмысления невозможно. Именно этим обстоятельством инициировано составление приводимого ниже перечня нумизматических памятников.

Узкие рамки публикации исключают возможность детальной характеристики кладов, поэтому она сведена лишь к информации об объеме описываемых депозитов, государственной принадлежности и номиналах содержащихся в них монет, их старшей и младшей эмиссиях. Столь лапидарный характер изложения материала компенсируется, в известной мере, ссылками на архивные фонды и публикации, из которых будущие исследователи денежного обращения Полоцкой земли смогут почерпнуть более обстоятельные нумизматические сведения. Во избежание многократных повторений опущены указания на металл почти всех упоминаемых ниже номиналов (сасанидская драхма, испегпедская полудрахма, куфические дирхамы и подражания им), являющихся серебряными.

В И Т Е Б С К А Я О Б Л А С Т Ь

Бешен к о в и ч с к и й р а й о н

1.Дер.Тупичино. 1867. Клад, из состава которого известны 135 целых и фрагментированных дирхамов: А б б а с и д ы, Б у и д ы (Бувайхиды), С а м а н и д ы, С а ф ф а-р и д ы.

Старшая монета - Аббасиды, ал-Мутадид биллах, Васит, 281 г. х. (894/895), младшая -- Саманиды, Нух ибн Наср, аш-Шаш, 332 т.х. (943/944)).

Васитский дирхам 281 г.х. поступил в Императорский Эрмитаж, остальные возвращены находчику.

(АИИМК РАН: ФЛ-д.ЗО [1867], л.1, 4, 7-8; ЦГА РЛ: Ф.378, Общий отдел - д.212 [1862], л.56, 69-71, 85; Марков А., 1910, с. 1-2, №5 [указан только уезд ~ Дисненский]).

2.Дер.Усьвица. 1926. На левом берегу Западной Двины найден дирхам: С а м а н и д ы - Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 291 г.х. (903/904).

Поступил в Белгосмузей.

(Савецкая Беларусь, 1926, № 84; Фасмер Р.Р., 1929, .с.291, №37; Харламповіч П.В., 1927, с.337, №144.).

3.Конкретное место находки не установлено. 1964? Клад дирхамов.

Хр.: Коллекция И.Голькевича (Витебск; несколько монет).

Сообщение главного хранителя ОНГЭ И.Г.Спасского.

Б р а с л а в с к и й р а й о н

4.Имение Видзский двор в 3 верстах от г.п. Видзы. 1869. Найдены 2 дирхама: А б б а с и д ы - Харун ар-Рашид, Исбахан, 192 г.х. (807/808) и ал-Мамун, Табаристан, 199 г.х. (814/815).

Поступили в Императорский Эрмитаж.

(АИИМК РАН: Ф.1 -- д.35 [1869], л.22 об., д.9 [1870], л.1, 6, д.36 [1873], л.9; ЦГА РЛ: Ф.378, Общий отдел - д.313 [1867], л.7, 10-11; ОАК, 1874, с.27-28; Марков А., 1910, с.14, №77 [вместо "Видзы" - "Видзь"]).

В и т е б с к и й р а й о н

5.Гор. Витебск. 1822. Клад, из состава которого известны 15 дирхамов: С а м а н и д ы, Б у и д ы (Бувайхиды).

(Марков А., 1910, с.3, №10; Савельев П.С., 1846, №21в.; Турчинович О., 1857, с.260; Lelewell., 1832, p.83. Bulletin scientifique, 1838, p.324, 329).

6.Гор.Витебск. 1950. При строительстве гостиницы "Двина" найдено несколько дирхамов: С а м а н и д ы.

(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №1).

7.Гор.Витебск. 1960-е гг. Найдены 2 дирхама: А б б а с и д ы - Харун ар-Рашид (786-809) и ал-Мамун (810-833).

Хр.: Витебский областной историко-краеведческий музей.

(Кропоткин В.В., 1971, с.92, №173).

8.Гор.Витебск. 1964. При археологических исследованиях у южного портала церкви Благовещения Г.В. Штыховым на материковом слде найден фрагмент дирхама: А б б а си д ы - халиф, гор. и год?

Хр.: Национальный музей истории и культуры РБ.

9.Гор. Витебск. 1964. В обрыве берега Западной Двины найдены 2 дирхама: А б б а с и д ы — ал-Мамун, Мадинат Арран, 208 г.х. (823-824) и экземпляр, оставшийся не атрибутированным.

Хр.: Аббасидский дирхам - Национальный музей истории и культуры РБ, не атрибутированный - коллекция И.Голькевича (Витебск).

(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №7).

10.Дер.Гарицы. Ок. 1880. Клад восточных монет, из состава которого известны 1 иранская драхма С а с а н и д о в , 9 дирхамов А б б а с и д о в и С а м а н и д о в .

Старшая монета - Сасаниды, Кобад, 1-е, правление (487-497), младшая - Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 294 г.х. (906/907).

(Марков А., 1910, Дополнение, с. 136, №3 [неточное название деревни - "Гарнца"]),

11. Дер. Лучесы. До 1910. Клад куфических монет, из состава которого известны 2 дирхама: Династия, халиф и гор.?, IXX г.х. (II в. х. - 719-781); А б б а с и д ы , ал-Мунтасир биллах или ал-Мустаин биллах, Самарканд, 248 г.х. (862/863).

(Марков, 1910 с.2, №8 [неправомерная конкретизация даты - "248 г. (=862)": 248 г.х. соответствует 862/863 гг. Григорианского календаря]). ,

12.Конкретное место находки не установлено. 1956. Клад, из состава которого известны 2 куфических дирхама (не атрибутированы).
Хр.: Коллекция И. Голькевича (Витебск).
(Рабцевіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №2.).

Городок с к и й   р а й о н

13.Гор.Городок. 1986. На окраине города в курганном погре'бении по обряду трупосожжения найден фрагмент дирхама: С а м а н и д ы, Исмаил ибн Ахмад, гор. и год?

(Левко О.Н., 1988, с.76 [неверное указание на время правления Исмаила ибн Ахмада - 892-902: следует - 892-907]; Штыхаў Г.В., 1992, с.74 [повторение ошибки Левкр в датировке правления Исмаила]).

Глуб о к с к и й   район

14.Дер.Поречье. 1960. В 400-500 м юго-восточнее деревни найден денежно-вещевой клад. Монетная часть (сохранившаяся) ~ 45 целых и фрагментированных дирхамов: А б б а с и д ы, ф а л ь ш и в ы е монеты (имитации аббасидской чеканки), п о д р а ж а н и я аббасидскому дирхаму.

Старшая монета - Аббасиды, ал-Мансур, Мадинат ас-Салам, 152 г.х. (769), младшая - Аббасиды, ал-Мутаваккиль алиллах, Марв или аш-Шаш, 239 г.х. (853/854).

Вещевая часть - две свернутые в спираль серебряные шейные гривны, однотипные с гривной Добринского клада (см. №22):

I. 1,86 витка. Прут (длина - 57 см, масса -.202,3 г) в поперечном сечении восьмигранен (за исключением 14,5-сантиметровой утонченной средней части, в сечении круглой). Головки на окончаниях прута - кубикообразные, с усеченными верхними углами. Орнаментация выполнена в технике пуансонной чеканки: восьмигранная часть прута - четыре верхние грани декорированы кружками; головки - кружком в центре и рядом точек вдоль сторон квадратов (верхние квадратные грани), точечными рядами вдоль сторон треугольников (верхние треугольные грани), бесформенными углублениями (в центре боковых треугольных граней).

II. 1,8 витка. Прут (длина 57,5 см, масса - 216,5 г) в поперечном сечении пятигранен вверху и округл внизу (за исключением 16,5-сантиметровой утонченной средней части, в сечении круглой). Головки на окончаниях прута - кубикообразные с усеченными верхними углами. Орнаментация выполнена в технике пуансонной чеканки: грани прута декорированы ромбиками с рельефными точками в центре; головки - кружками вдоль примыкающих к верхним квадратным граням сторон треугольников (верхние треугольные грани), треугольником в центре и рядами кружков параллельно сторонам пятиугольников (боковые пятиугольные грани).

Хр.: Витебский Областной историко-краеведческий музей.
- (Рябцевич В.Н., 1965, с.121, 124, 129-131).

15.Дер.Шо и оз.Шо. 1930-е гг. При археологическом исследовании курганного могильника между деревней и озером в мужском погребении найдено п о д р а ж а н и е дирхаму.
(Голубович Е., Голубович В., 1945, с. 132; Дучыц, 1991, с. 111; Равдина, 1988, №230).

Глубокский район (?)

16.Конкретное место находки не установлено. 1962. Клад, из состава которого известны 2 дирхама: А б б а с и д ы - Харун ар-Рашид, Ифрикия, 177 г.х. (793/794) и ал-Мутасим биллах, Фарис, 219 г.х. (834).
Хр.: Витебский Областной историко-краеведческий музей.
(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А. А., 1973, №6).

Д о к ш и ц к и й   р а й о н .

17.Дер.Березино. Ок. 1970. Найден дирхам: А б б а с и д ы ?

Хр.: Краеведческий кружок местной школы.

Сообщение М. Здесева (Витебск) от 17.05.1970.

18.Дер.Поречье. 2-я пол. 1930-х гг. При исследовании курганного могильника на западном берегу оз. Медзозол в инвентаре погребения пр обряду трупосожжения найдены две монеты: дирхам "середины X в." с граффито ("крестообразный знак") и подражание дирхаму "конца X в. из плохого серебра, без надписей (?!,-- В.Р.)".

(Равдина Т.В., 1988, № 171; Holubowiczowa H., 1939, s. 179-181,184).

Д у б р о в и н с к и й р а й о н

19.Хут.Любиничский. 1901. Клад, из состава которого известен 541 дирхам (атрибутивные данные отсутствуют),

47 монет поступили в Императорский Эрмитаж, 56 - в Санкт-Петербургский университет, 438 - в Казанский университет.

(АИИМК РАН: Ф.1 - д.293 [1895], л.250 об.-251, д.198 [1901], л,1, 3,5,14 ; ГАМО: Ф. 412, оп.1-д.54 [1901], л.8; Могилевские губернские ведомости, 1901, №120).

19а."К востоку от Копыси в Горецком уезде на Петербургско-Киевском шоссе, верстах в 10... находится д.Застенок... найдены более 1200 восточных монет, начиная с VI в., отосланные в Археологическую Комиссию в Петербурге".

(Россия, 1905, с.468).

Речь, по-видимому, идет о Любиничской находке (см. №19): клад с таким количеством восточных монет в делах Императорской Археологической комиссии, т.е. в АИИМК РАН, не зарегистрирован; координаты дер. "Застенок" практически совпадают с расположением хут. Любиничского; белорусское слово "застенок" синонимично русскому "хутор"; отсюда, очевидно, и недоразумение с отнесением места открытия клада к "д.Застенок".

20.Совхоз "Соболево" в 5-6 км от пос. Баево. 1936. Клад целых и фрагментированных монет "в количестве около 2 тыс. экз.", из числа которых известны 1 полудрахма: И с п е г б е д ы (наместники аббасидских халифов), Сайд ибн Далидж, Табаристан, 124 или 126 гг.х. (741/742 или 743/744) и 306 дирхамов: У м а и а д ы, А б б а с и д ы.

Старшая монета - Умайады, Валид ибн абд ал-Малик, гор.?, 92 ,г.х. (710/711), младшая - Аббасиды, ал-Мунтасир биллах или ал-Мустаин биллах, Мадинат Мах ал-Куфа?, 248 г.х. (862/863).

Хр.: Национальный музей истории и культуры РБ (248 монет; судьба 59 экз. неизвестна).

(Кропоткин В.В., 1971, с.92, №172 [неверны указания на количество известных монет - 304 экз., датировки старшего и младшего дирхамов - "167" и "242" гг.х.]; Кузнецоу К.В., 1949; Пахомов Е.А., 1949, №1303; Рябцевич В.Н., 1965, с.122-123, прим. 5а [ошибка в датировке младшей монеты - "242" г.х.]). ,

Л и о з н е н с к и й р а й о н

21. Имение Антовили у дер. Заболотье. 1918. В курганном погребении на берегу р.Суходревки германскими солдатами найдено 10 дирхамов, 2 из которых атрибутированы: С а м а н и д ы - Исмаил ибн Ахмад, Самарканд, 284 г.х. (897) и Ахмад ибн Исмаил, Андараба, 299 г.х. (911/912).

(АИИМК РАН, Ф.2 - д.118 [1923], л. 2об., д.27 [1927], л. 1.3 об; Фасмер Р.Р., 1926, №47).

22.Дер.Добрино. 1962. Денежно-вещевой клад. Монетная часть (сохранившаяся) - 527 дирхамов: У м а и а д ы, А б б а с и д ы.

Старшие монеты - Умайады, Хишам ибн абд ал-Малик, аш-Шамия и Васит, 121 г.х. (738/739), младшая -- Аббасиды, ал-Васик, Мадинат ас-Салам, 227 г.х. (841/842),

Вещевая часть - свернутая в спираль (2,5 витка) серебряная шейная гривна (длина прута - 68 см, масса - 200,80 г), однотипная с гривнами Поречского клада (см. №14). Прут в поперечном сечении восьмигранен (за исключением утонченных 18-сантиметровой средней части и завершающихся головками 2- сантиметровых окончаний, в сечение круглых). Головки

кубикообразные с усеченными верхними углами. Орнаментация выполнена в технике пуансонной чеканки: восьмигранная часть прута - четыре верхние грани декорированы четырехлепеетковыми розетками с рельефными точками в центре; головки - фигурками в виде острого угла (верхние квадратные грани), кружками (углы боковых треугольных граней) и такими же, как на пруте, розетками (боковые пятиугольные грани).

Хр.: Витебский Областной историко-краеведческий музей.

(РябцевичВ.Н., 1965, с. 121, 124-125, 132-160, Табл. I-IV).

23. Имение Суходрево. 1870. На берегу р. Суходревки найден денежно-вещевой клад.

Монетная часть - "значительное количество" куфических дирхамов.

Вещевая часть - "несколько" серебряных шейных гривен (две из них - с имитирующей витье мелкой нарезкой на пруте, имеющем крючок на одном конце, и петлю с отходящим усом - на другом), перстни "с камнями и резьбой".

(Каталог выставки VIII Археологического съезда, 1890, с.24, №9; Корзухина Г.В., 1954, №3; Марков А., 1910, Дополнение, с. 139, №15 ["Могилевской губерний в Оршанском уезде в кургане найден был клад куфических монет вместе с шейными гривнами и наручными кольцами"]; Сементовский А.М., 1890, с.76-77).

М и о р ский ра й о н

24.Дер.Козловцы -- 12 км юго-восточнее гор. Дисны, в 500 м от р. Дисны. 1987. В 200 м от деревни в карьере для добычи песка, разрушившем грунтовый могильник X — XI вв., краеведом В. А.Ермоленком найдены три (1 целая и 2 фрагментированные) монетовидные подвески.

Хр.: Народный музей СШ №3 гор. Миоры (№ 5508).

(Дучыщ Л.У., 1991, с. 107 ["Грунтовый могильник X — XI вв. между деревнями Козловцы и Шнитки... медные подвески в виде арабских дирхемов"]; Семянчук Г.М., 1993, с. 126-127 ["... три медные подвески в виде дирхемов. Нумизматический анализ их провел В.Н.Милютин: Но его заключению, они датируются концом X — XI вв. Первая диаметром 29 мм, односторонняя чеканка. В ней пробиты два отверстия, в одном сохранилось полутораоборотное колечко из медной проволоки. На подвеске отчеканена внешняя (аверсная.— В.Р.) сторона саманидского дирхема. Насра ибн Ахмеда... От второй подвески сохранился фрагмент с ушком односторонней чеканки, где читается только надпись "Для Аллаха, во имя Аллаха". Третья подвеска диаметром 29 мм очень плохой сохранности. Дирхемы-монеты, как правило, делали из серебра, а для изготовления монетовидных подвесок в основном использовали бронзу и медь"]).

В октябре 1998 г. подвески присланы на экспертизу в Нумизматический кабинет Белгосуниверситета. Основные ее итоги существенно расходятся с заключением В.Н.Милютина :

Все три экземпляра -- одноматричные брактеаты из желтого металла (вероятно, бронзы), подражающие реверсу куфического дирхама.

Э к з . 1. Пятистрочная легенда, довольно грамотно копирующая чеканку саманидского эмира Насра ибн Ахмада (301-331 гг. хиджры = 914-943): "Аллаху / Мухаммад посланник Аллаха / ал-Муктадир биллах / Наср ибн Ахмад"; круговая легенда ~ бессмысленный набор букв и буквообразных знаков. Два круглых отверстия (по 1,5 мм) в 1,0 и 2,0 мм от края кружка; первое из них (над первой 1-ой строкой строчной легенды), расположено в оставшейся от ушка для подвешивания вмятине шириной в 4,0 мм, во втором (10,0 мм левее) -- овальное колечко (4,5 х 6 мм) желтого металла из свернутой в 1,5 оборота проволоки (круглой в сечении, толщиной в 1,0 мм). Очевидно, первое из отверстий пробито ранее, чем второе : по-видимому, ушко сломалось, но его заклепка оставалась на месте, поэтому было пробито новое отверстие, снабженное колечком. Масса (с колечком) - 1,10 г, диам. — 28, 8 мм.

Э к з. 2. Фрагмент 3/4. Масса — 0,38 г, диам. — 2,86 мм.

Экз. 3. Фрагмент 1/3. Сохранились первые две строки (/ Аллаху 7 Мухаммад) строчной легенды и около четверти круговой. Над 1-ой строкой строчной легенды -- прямоугольное пластинчатое ушко желтого металла (4,0 x 8,0 мм) с продолговатой клинообразной заклепкой. Масса (с ушком) — 0,63 г, диам.--20,4 x 12,6 мм.

Присутствие в строчной легенде, помимо имени Насра, имени его сюзерена — аббасидского халифа ал-Муктадира ,(295-320 гг.х. = 908-932), позволяет датировать дирхам-прототип подвесок периодом 301 ~ 320 гг.х. (914 ~ 932); изготовлены они, вероятнее всего, между 914 г. и концом X в.

На территории древней Руси до и после находки в Козловцах зафиксированы лишь серебряные брактеаты, подражающие куфическим дирхамам.Таким образом, козловецкие подвески — явление, аналогов не имеющее.

25.Дер.Прудники. 1978. При археологическом исследовании селища (левый берег р.Вяты в 0,3 км к сев.-вост. от деревни) В.И. Шадыро найден дирхам: С а м а н и д ы, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 293 г.х. (905/906).

Хр.:ИИ НАНРБ.

(Милютин В.Н., Шадыро В.И., 1994, с.261, №6).

26.Дер. Прудники. 1988. При археологическом исследовании селища В.И.Шадыро найден фрагмент (1/2) дирхама: А б б а с и д ы, ал-Махди (775-785), гор. и год?

Хр.:ИИ НАН РБ.

(Милютин В.Н., Шадыро В.И., 1994, с.261, №2).

27.Дер.Прудники. 1997. При археологическом исследовании селища В.И.Шадыро найдено подражание дирхаму: С а м а н и д ы, Исмаил ибн Ахмад (892-907), гор. и год?

Хр.: Национальный музей истории и культуры РБ.

28.Дер.Прудники. 1983. При археологическом исследовании городища (левый берег р.Вяты в 0,3 км к сев.-вост. от деревни) В.И.Шадыро найден дирхам: А б б а с и д ы, Мадинат ас-Салам, 189 г.х. (804/805).

Хр.:ИИ НАНРБ.

(Милютин В.Н., Шадыро В.И., 1994, с.261, №3).

29.Дер.Прудники. 1986. При археологическом исследовании городища В.И.Шадыро найден фрагмент (1/2) дирхама: С а м а н и д ы, эмир?, Самарканд, год?

Хр.:ИИ НАНРБ.

(Милютин В.Н., Шадыро В .И., 1994, с.261, №7).

30.Дер.Прудники. 1989. При археологическом исследовании городища В.И.Шадыро найден дирхам: А б б а с и д ы, ал-Мутадид биллах, гор. и год?

Хр.:ИИ НАНРБ.

(Милютин В.Н., Шадыро В.И., 1994, с.261, №5).

31.Дер. Прудники. 1993. При археологическом исследовании городища В.И.Шадыро найден дирхам: А б б а с и д ы, ал-Мутасим биллах, Марв, 219 (834) или 220 (825) г.х.

Хр.:ИИ НАНРБ.

(Милютин В.Н., Шадыро В.И., 1994, с.261, №4).

32.Дер. Красная. 1896. Клад дирхамов общим весом в 1 ф. 87,75 зол. (количество монет не зафиксировано). 66 целых и "множество обломков" дирхамов: А б б а с и д ы, Б у и д ы (Бувайхиды), З и й а р и д ы, К а н г а р и д ы (Мусаффариды, Саллариды, Вахсуданиды), С а м а н и д ы, Х а м д а н и д ы, п о д р а ж а н и я саманидской чеканке.

Старшая монета - Аббасиды, ал-Мутадид[ч] биллах, гор.?, 286 г.х. (899), младшая - Саманиды, Нух ибн Мансур, Нисабур, 376 г.х. (986/987).

17 дирхамов поступили в Императорский Эрмитаж, 62 - в Виленский Музей древностей, 30 - в Санкт-Петербургский университет, остальные переданы Санкт-Петербургскому монетному двору на сплавку.

(АИИМК РАН: Ф.1 - д.293 [1895], л.50 об.-51, д.119 [1896], л.1-4 об., 10-11; Марков А., 1910, Дополнение, с. 136, №1; ОАК, 1898, с. ИЗ; ПахомовЕ.А., 1926, №246).

33.Конкретное место находки не установлено. 1965. Клад, из состава которого известен (по карандашному эстампажу, присланному в Нумизматический кабинет Белгосуниверситета) 1 дирхам: С а м а н и д ы, Наср ибн Ахмад (914-943), гор. и год?

Хр.: Коллекция И.Ценципера (Витебск).

(Рабцэвіч, Стуканаў, 1973, №8).

34.Конкретное место находки не установлено. 1965. Найден "саманидский дирхем первой половины X в.".

(Дучыц Л.У., 1991, с.70).

Не исключена возможность того, что эта монета происходит из клада №33.

35.Конкретное место находки не установлено. 1965-1966. Клад, разошедшийся по рукам, из состава которого известны (по карандашным эстампажам, присланным в Нумизматический кабинет Белгосуниверситета) 3 дирхама: А б б а с и д ы - ал-Махди, Мадинат ас-Салам, 160 г.х. (776/777); ар-Рашид, ал-Мухаммедия, 181 г.х. (797/798); ал-Мамун, гор.? 209 г.х. (824/825).

П о л о ц к и й р а й о н

36.Дер.Козьянки у юго-восточной окраины Полоцка. 1973. На правом берегу Западной Двины в 300-350 м от реки найден клад.

По-видимому, этот депозит был завернут в бересту: на месте находки - полное отсутствие керамики и многочисленные обрывки бересты, которые были перемешаны с монетами. Значительная часть клада была расхищена. Ныне известны 7711 целых и фрагментированных монет (111 из них зафиксированы лишь карандашными эстампажами и 1 - фотоснимком).

Неатрибутированная серебряная монета (фрагмент): av. Круговая легенда - нечитаемые иероглифообразные знаки, линейная (трехстрочная) - иероглифообразные знаки (1-я строка) и искаженное (?) письмо "куфи" (2-я и 3-я строки); rv. Круговая и линейная (четырехстрочная) легенды - нечитаемые иероглифообразные знаки.

Академик Х.М.Френ опубликовал хранившуюся в Азиатском музее Императорской Академии наук (СПб.) подобную монету из открытого "около Ревеля" клада (очевидно, XI в.) и упомянул о "половине другаго экземпляра сей же монеты" из найденного "при Гефле в Швеции" клада 1-й четв. X в.

Прочтя 2-ю и 3-ю строки аверсной легенды как "Благословение Узбеку?", он выдвинул весьма спорную атрибуцию этой загадочной монеты: отнёс ее к "древней Турецкой державе в средней Азии" VIII-IX вв., "Узбека" -- к "Государям Турецкой династии", (Френ Х.М., 1832, с.47, 55-58 [примеч. "о"]).

Один из польских кладов конца X в., открытый в 1842 г. "в Познанской области, в Оборникском округе, близ городка Обржицко, на р. Варте", содержал фрагмент такой же монеты; наконец, один ее экземпляр хранится ныне в собрании Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (СПб).

Дирхамы: У м а й а д ы, А б б а с и д ы, А б у-Д а у д и д ы, Б у и д ы (Бувайхиды), Б у л- г ар, П р а в и т е л и Н и с а б у р а, С а м а н и д ы, С а ф ф а р и д ы, Э м и р Р а ф и и б н Х а р-с а м а, п о д р а ж а н и я чеканке Аббасидов, Саманидов и неустановленным прототипам (на 34 экз.,- граффити); монетные к р у ж к и без признаков чеканки, метрологически выдержанные в нормах куфических дирхамов.

Старшая монета - Умайады (Иракская ветвь, правившая в 661-750 гг.), халиф, гор. и год?, младшая - Саманиды, Нух ибн Наср, Самарканд, 333 г.х. (944/945).

Хр.: Полоцкий Историко-архитектурный заповедник.

(Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К., 1991, с. 137-138, 165-167, №31-64; Добровольский И.Г., Рябцевич В.Н., 1993, 1997; Рабцэв1ч В.Н., Стуканау А.А., 1973, с.33-34; Рябцевич В.Н., 1974, 1993;).

37.Гор.Полоцк. 1962. При археологическом исследовании Верхнего замка Г.В.Штыховым в предматериковом слое раскопа III на глубине 4,5 м найден дирхам: С а м а н и- д ы, эмир?, аш-Шаш, год?

Хр.:ИИ НАНРБ.

(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №5).

38.Гор.Полоцк. Конец 1970-х гг. При археологическом исследовании Софийского собора Вас. А. Булкиным найдены два фрагментированных дирхама: А б б а с и д ы, халиф, гор. и год? IX в. (не ранее 815) и С а м а н и д ы, Наср ибн Ахмад, гор?, 32X г.х. (932-941).

Хр.: Полоцкий Историко-архитектурный заповедник.

39. Имение Струнь, у дер. Новые Струни. 1888. Клад, из состава которого известны 50 дирхамов: С а м а н и д ы, п о д р а ж а н и я саманидской чеканке.

Старшая монета - Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 286 г.х. (899), младшая - Мансур ибн Нух, Самарканд, 362 г.х. (972/973).

6 дирхамов и 7 подражаний им поступили в Императорский Эрмитаж, 3 дирхама хранятся ныне в АИИМК РАН (Ф. 1, д.49), судьба остальных монет неизвестна.

(АГЭ: Ф.1, оп.5 -- д.13 [1888], л.65; АИИМК РАН: Ф.1 - д.35 [1869], л.87об.- 88, д.49 [1888], л.1об.-2,-5-7; Ф.2 - д.27 [1926], л.175об.; Витебские губернские ведомости, 1894, №3; Марков А., 1910, Дополнение, с. 136, №2 ["Витебской губернии, Полоцкого уезда в имении Струк найдены были диргемы IX-X вв. по Р.Х."]; ОАК, 1891, с. 134-135).

Р о с с он с к и й р а й о н

40. Дер.Ахремцы. 1888. В обрыве правого берега р.Дриссы найден клад, из состава которого известны 24 дирхама: У м а и а д ы, А б б а с и д ы.

Старшая монета - Умайады, Хишам ибн абд ал-Малик, Васит, 124 г.х. (741/742), младшая - Аббасиды, ал-Мутаваккиль алиллах, Исбахан, 238 г.х. (852/853).

5 дирхамов поступили в Императорский Эрмитаж, 19 - в музей Витебского Губернского статистического комитета.

(АГЭ: Ф.1, оп.5 - д.13 [1890], л.64; АИИМК РАН: ФЛ-д.35 [1869], л.87об.-88, д.49 [1888], л.9-9об., 12; ЦГИА РБ: Ф.1423, оп.1 - д.168 [1888], л.18; Марков А, 1910, с.З, №12, ОАК, 1891, с. 134-135; Сапунов А, 1893, с.52 [примеч.149]).

Се н н е н с к и й район

41.Дер.Вядца. 1893. В курганном погребении по обряду трупосожжения найден дирхам: С а м а н и д ы, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 302 г.х. (914/915).

Хр. :ГИМ, (Москва). №30984, №хр.31/41а.

(АИИМК РАН: Ф.1 - д.7 [1893]; Марков А., 1910, Дополнение, с. 139, №16 [неточное название деревни "Вядец", неправомерная конкретизация даты - "302г. (914)": 302 г.х. соответствует 914/915 гг. Григорианского календаря]; ОАК, 1895, с. 11-12; Потин, 1971, с.63 (карта VI, №5), 66, 90 (№95); Равдина Т.В., 1988, №44 [неточное название деревни - "Вядцы", неверная датировка - "941-942", т.е. 330 г.х.]; Спицин А.А., 1896, с. 118).

42.Гор.Сенно, 1890-е гг. У северной окраины города на берегу оз.Богдановского в курганном погребении по обряду трупосожжения найден дирхам "Хв.".

(Равдина Т.В., 1988, №17; Романов Е.Р., 1898, с.66).

Толочинский район

43.Дер.Багриново, 1969. В курганном погребении у р.Друть найдены 4 дирхама-подвески с пирамидальными ребристыми ушками: С а м а н и д ы - Исмаил ибн Ахмад, гор.?, 294 г.х. (906/907); Ахмад ибн Исмаил, гор?, 301 г.х. (913/914); Мансур ибн Нух, Амоль, 356 г.х. (966/967), гор.?, 357 г.х. (968/969).

(АИИ НАНРБ: Ф.1 - д.3975 [1969], л.24; Равдина Т.В., 1988, №7; Сергеева З.М., 1972, с.61-73).

44.Дер. Багриново иди дер.Смольяны. Ок. 1921.

В Белгосмузее довоенных лет с 1921 г. хранились помеченные надписями "Багриново" и "Смольяны" планшеты с археологическими (очевидно, курганными: перстнями, бусинами и проч.) материалами, среди которых был дирхам: С а м а н и д ы, Нух ибн Мансур, аш-Шаш, 370 г.х. (980/981).

(Потин В.М., 1967, №302 [необоснованно безоговорочная привязка находки к дер. Смольяны]; Фасмер Р.Р., 1929, с.290-291, №31; Харламшшч П.В., 1927, с.307, №1; Bauer N. [ZfN], 1929, №71).

У ш а ч с к и й р а й о н

45. Дер.Малые Дольцы. Ок. 1970. Найден дирхам: А б б а с и д ы, ал-Мансур, Мадинат ас-Салам, 156 г.х. (772/773).

Хр.: Нумизматический кабинет Белгосуниверситета.

(Рабцевіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №12).

46.Дер.Словены. 1928. При раскопках курганного могильника у оз.Черствятского (1 км западнее деревни) в погребении №7 найден дирхам: С а м а н и д ы, Наср ибн Ахмад (914-943), аш-Шаш, год?

(АИИМК РАН: Ф.2 -- д.29 [1928], Ч.I, л.84 и Ч.II, л. 145, д.31 [1929], л. 12; Дубшсю С.А., 1928, с.282; Потин В.М., 1971, №100 [неточное название деревни - "Славены"]; Равдина Т.В., 1988, №192 (неточное, как у Потина, название деревни); Сербау І.А., 1930, с. 119-121).

47.Дер.Путилковичи. Между 1887 и 1891. При исследовании курганного могильника на правом берегу р.Ушача в кургане №32 (ямное погребение) найден дирхам.

(Поболь Л.Д., 1979, с. 122; Равдина.Т.В., 1988, №178).

Ш а р к о в щ и н с к и й р а й о н

48.Дер.Дивная. 1981. При археологическом исследовании городища "Городец" на берегу р.Мнюта Г.В.Штыховым найдены 2 дирхама: А б б а с и д ы, ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 188 г.х. (803-804), фрагмент 1/2; С а м а н и д ы, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 321 г.х. (933).

Хр.: ИИ НАНРБ.

(Штыхаў Г.В., 1995, с.171-172).

49.Дер.Черневичи. Между 1936 и 1938. При исследовании курганного могильника к югу от впадения р.Дисны в Западную Двину в женском погребении найден дирхам-подвеска с ушком.

(Голубович Е., Голубович В., 1945, №132; Равдина Т.В., 1988, №221).

Р а й о н ?

50. Имение Богомолец (40-50 верст от Витебска). Между 1821 и 1823. Клад ("от 100 фунтов") куфических монет, из числа которых известны 19 дирхамов: У м а й а д ы , А б б а с и д ы.

Старшая монета - Умайады, Хишам ибн абд ал-Малик, Васит, 734 (115 или 116 г.х.), младшая - Аббасиды, ал-Мустаин биллах (862-866), гор. и год?

(Марков А., 1910, с.2-3, №9; Савельев П.С., 1846, №21а).

51. Конкретное место находки не установлено. Бывш. Богушевский район (ныне - части Витебского/Оршанского и Сенненского районов). 1958. Клад, из состава которого известны (по эстампажам, присланным в Нумизматический кабинет Белгосуниверситета) 5 дирхамов: Аббасиды.

Старшая монета — Харун ар-Рашид, гор?, 194 г.х. (809/810), младшая - ал-Мамун, Мадинат Арран, 207 г.х. (822/823).

(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1972, №3).

52.Конкретное место находки не установлено. 1893. Кантонистами Витебского гарнизона найдены 3 целых и 4 фрагментированных дирхама: У м а й а д ы , А б б а с и д ы (ранние).

Старшая монета - Умайады, Хишам ибн абд ал-Малик (724-743), гор. и год?, младшая - Аббасиды, ал-Мутасим биллах (чеканка тахирида [Тахириды - наместники халифов Аббасидов] Тальхи), Марв, 219 г.х. (834). '

(Марков А, 1910, с.3, №11; Савельев TIC., 1846, №21).

53.Конкретное место находки не установлено. 1907. Вещевой клад.

Монетная часть - 3 подвески в виде подражаний дирхамам: С а м а н и д ы , Мансур ибн Нух (961-976).

Ювелирная часть (серебро) - полые шейные гривны, 2 кольцевые двускатопластинчатые пряжки, 1 пластинчатая подвеска.

Хр.: Музей исторических драгоценностей Украины (Киев).

(Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1907, Табл XXXV, № 1121-1129; Корзухина Г.Ф., 1954, №47).

54.Конкретное место находки не установлено. Начало 1970-х гг. Найден дирхам, карандашный эстампаж которого прислан в Нумизматический кабинет Белгосуниверситета: А б б а с и д ы, ал-Мансур, Мадинат Арран, год?

Хр.: Коллекция И. Брина (Витебск).

(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №14);

М И Н С К А Я О Б Л А С Т Ь

В о л о ж и н с к и й р а й о н

55.Дер.Погорельщина. 1955. Денежно-вещевой клад, найденный на левом берегу Березины.

Монетная часть — 1904 целых и фрагментированных дирхама: У м а и а д ы, А б б а с и д ы, А б у-Д а у д и д ы, А г л а б и д ы, Ал и д ы, З а и д и д ы, П р а в и т е л и А н д а р а б ы, П р а в и т е л и Н и с а б у р а, С а м а н и д ы, С а ф ф а р и д ы; п о д р а ж а н и я чеканке Аббасидов, Саманидов и неустановленным прототипам; ф а л ь-ш и в ы й д и р х а м (подделка под аббасидскую чеканку - ал-Манеур, Мадинат ас-Салам, 155 г.х.); м о н е т н ы е к р у ж к и без признаков чеканки (в метрологических нормах куфических дирхамов).

Старшая монета - Умайады, Сулайман ибн абд ал-Малик, Васит, 97 г.х. (716/717), младшая - Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Самарканд, 291 г.х. (903/904). На 8 экз. - граффити.

Вещевая часть - тонкостенный котелок (бронзовый корпус с накладным медным пояском вокруг верхней часта, железные ушки для подвешивания); серебряная шейная гривна с конусовидными головками на обеих концах, свитая из трех круглых в сечении прутов; два серебряных четырехгранных в сечении прута, свитых в спирали. Сохранились котелок, фрагмент (1/2) шейной гривны, один прут-спираль и малый фрагмент второго.

Хр.: Нумизматический кабинет Белгосуниверситета. №1-1908.

(Алексеев Л.В., 1966, с. 102 [ошибка в определении объема клада - 190 монет; отсутствие упоминания о вещевой части]; Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К., 1991, с.139, 167, №65-72; Кропоткин В.В., 1971, №183 [неполный перечень эмитентов - Умайады, Аббасиды, Саффариды, подражания; неточное указание на количество монет - 1892 экз.]; Поликарпович К.М., 1957, с.2-3; Рабцэв1ч В.Н., Стуканау А.А., 1973, №26).

12.03.97 г. на Нумизматический кабинет совершенно разбойное нападение, в результате которого почти весь клад похищен; ныне сохранилось лишь 69 аббасидских, саманидских и подражательных дирхамов, малый фрагмент серебряного прута и котелок.

Дзе р ж и н с к и й ра й о н

56. Имение Койданово Э.Гуттен-Чапского (ныне - гор.Дзержинск). 1894. Клад, содержавший порядка 500 дирхамов, из числа которых известны 2 экз.: С а м а н и д ы - Исмаил ибн Ахмад, Балх, 292 г.х. (904/905) и п о д р а ж а н и е саманидской чеканке. < .-/-

(Марков А., 1910, Дополнение, с. 138, №14).

К р у п с к и й   р а й о н

57.Дер. Красковинка. 1965. Клад, из состава которого известны 2 дирхама: С а м а н и-д ы -- Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 316 г.х. (928/929), Б у и.д ы (Бувайхиды) — Имад ад-даула, ал-Басра, 335 г.х. (946/947).

Хр.: Витебский Областной историко-краеведческий музей.

(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А. А., 1973, №28).

М и н с к и й   р а й о н

58.Гор. Заславль. 1927. При исследовании курганного могильника в кургане П-18 (тройное погребение) в погребении №3 найден фрагмент дирхама: С а м а н и д ы --. Нухр ибн Наср (942-954), Самарканд, год?

(АИИМК РАН: Ф.2 - д.29, ч.1 [1928], л.47об; Дубшси С.А., 1928, с.282; Ляудансю А.Н., 1928, с.89-92; Равдина Т.В., 1988, №78 [неверное указание на начальную дату правления Нуха - "943"]; Потин В.М., 1971, с.90, №96).

59.Дер. Лециковщина. 1894. Клад, из состава которого известны 502 дирхама: А б б а-с и д ы (в числе их -- экземпляры, чеканенные Тахиридами), С а м а н и д ы ,   С а ф ф а р и д ы ,   п о д р а ж а н и я чеканке Саманидов.

Старшая монета - Аббасиды, ал-Мамун, Исбахан, 201 г.х. (816/817), младшая - Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 299 г.х. (911/912).

47 дирхамов поступили в Императорский Эрмитаж, 383 - в Виленский Музей древностей, 72 переданы Санкт-Петербургскому монетному двору на переплавку.

(АИИМК РАН: Ф.1 - д.220 [1890], л.110об.-111, д.215 [1892], л. 73об.-74, д.219 [1894], л.1-4об., Ф.2 - д.27 [1926], л.Поб.; ГАМО: Ф.295, оп.1 - д.5780 [1894], л,8,12,15; Марков А., 1910, Дополнение, с. 138, №13 [неточное название деревни - "Ленциковщина"]; ОАК, 1896, с. 162-163; Пахомов Е.А., 1926, № 258; Рынейск! А., 1932; с.205 [неточное название деревни - "Лецкаушчына"]).

60.Гор. Минск. 1914. На берегу р.Свислочи у Комаровского моста найден дирхам: А б б а с и д ы - ар-Рашид, ал-Басра, 181 г.х. (797/798).

Поступил в Белгосмузей.

(Фасмер Р.Р., 1929, с.290, №27; Харламгошч П.В., 1927, №81).

61.Гор.Минск. 1925. На берегу р.Свислочи найден дирхам: А б б а с и д ы - Харун ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, "779 г.". (вероятно, 179 г.х., т.е. 795/796 гг.: ар-Рашид правил с 786 г).

Поступил в Белгосмузей.

(Звезда, 25.12.1925; Фасмер Р.Р., 1926, с.292, №48).

62.Гор. Минск. 1925. На ул.Розы Люксембург найден дирхам: Б у н д ы (Бувайхиды) - Шамс ад-даула (997-1021), гор. и год?

Поступил в Белгосмузей.

(Фасмер Р.Р., 1929, с,28; Харлампов1ч П.В., 1927, №78).

63.Гор.Минск. 1928. На ул. Октябрьской найден дирхам: Б у н д ы (Бувайхиды) — Руккн ад-даула и Адуд ад-даула, Арраджан, 344 г.х. (955/956).

Поступил в Белгосмузей.

(АИИМК РАН: ф.2 - д.29, ч. 1 [1928], л.40, 42об., :43; Фасмер Р.Р., 1929, с.290, №29).

64.Дер.Пятевщина. 1897. В урочище "Прусковщина" найден дирхам: С а м а н и д ы - Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 294 г.х. (906/907).

Поступил в Белгосмузей.

(Фасмер Р.Р., 1929, с.290, №30 [указано лишь урочище]; Харламповіч П.В., 1927,№123).

Мядельский район

65.Дер.Антониенберг. 1967. Клад, содержавший ок. 500 монет, большая часть которых передана в банк (!), более 100 экз. разошлись по рукам. Известны 6 целых и 3 фрагментированных дирхама (по эстампажам, присланным в Нумизматический кабинет Белгосуниверситета): А б б а с и д ы.

Старшие монеты - ал-Мансур, ал-Мухаммедия и ал-Куфа, 149 г.х. (766/767), младшая - ал-Мамун, ал-Мухаммедия, 208 г.х. (823/824).

Хр.: Коллекция А.Мойченко (Минск).

(Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №29).

66.Дер.Новоселки. 1962. При археологическом исследовании курганного могильника (1,5 км от деревни) найдено ожерелье из стеклянных бусин и дирхама с приклепанным ушком для подвешивания: С а м а н и д ы - Наср ибн Ахмад, Самарканд, 310г.х. (922/923).

Хр.:ИИНАНРБ.

(АИИ НАН РБ: д. 133 [1962]; (Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №27; Равдина Т.В., 1988, №144).

67.Дер.Симоны. 1961. В 450-500 м юго-западнее деревни, в 30 м от шоссе Кобыльники-Мядель в 90-100 м от оз.Нарочь найден клад. Среди местных жителей собраны 125 дирхамов: У м а й а д ы, А б б а с и д ы, И д р и с с и д ы.

Старшая монета - Умайады, Валид ибн абд ал-Малик, гор:?, 95 г.х. (713/714), младшая - Аббасиды, ал-Васик биллах, Марв, 231 г.х. (845/846).

Хр.: Нумизматический кабинет Белгосуниверситета (76 экз.) и Минский Областной музей (Молодечно; 18 экз), судьба 31 экз. неизвестна.

(Кропоткин В.В., 1971, №184 [неверные указания на количество известных монет - 88 экз. и поступление в Молодечненский музей - 12 кз.]; Рябцевич В.Н., 1965, с. 123, прим. 56).

Ч е р в е н с к и й р а й о н

68.Конкретное место находки не установлено ("Игуменский уезд Минской губернии"). Нач. 1890-х гг. В инвентаре курганного погребения оказался дирхам с ушком для подвешивания.

(Потин В.М., 1971, с.90,.№95а; Равдина Т.В., 1988, №85; Императорский Российский исторический музей..., 1893, с. 137; Успенская А.В., 1953, с. 117 [неправомерное уточнение места находки - "Игумен"]).

М О Г И Л Е В С К А Я ОБ Л А С Т Ь

Г о р е ц к и й р а й о н

69.Совхоз им. В.И.Ленина - конкретное место не установлено. 1940. Найден куфический дирхам: династия, халиф, гор., год?

Хр.:ОНГЭ.

(Книга поступлений №583 ОНГЭ, л.81, № 646. Акт поступления №63 от 17.1.1941; Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973, №31).

М о г и л е в с к и й р а й о н

70.Гор.Могилев. Ок. 1878. В кургане на берегу Днепра найдены 6 дирхамов: У м а й а д ы, А б б а с и д ы.

Старшая монета -- Умайады, Абд ал-Малик ибн Мерван, Васит, 85 г.х.(704), младшая — Аббасиды, ал-Амин, Мааден Баджунейс, 195 г.х. (810/811).

(Марков А., 1910, с.26, №142).

71.Гор.Могилев? Могилевский район? Не позднее 1822. "В Могилевской губ. был найден клад, 1300 цельных куфических монет и нескольких сот их половинок и четвертинок. Клад скоро после его находки, был привезен в Москву одним евреем из Могилевской губ. и в 1822 г. был рассмотрен Френом. Большинство монет было испегбедгских одноязычных и

двуязычных, число которых доходило до нескольких сот штук. Двуязычныя, пеглевийско-арабския, относились к восьмому и началу девятаго века по Р.Х. Остальныя монеты относились к обоим халифам, восточно-омайядскому (Иракской ветви Умайадов. - В.Р.), с 80 г. по 129 (=699-749) [следует : 1699/700-746/747. - В.Р.] и аббасидскому 132-199 г.г. (=749-815) [следует : 749/750 —814/815. — В.Р.]. Монеты омайядских наместников области Африкие [Ифрикии. - В.Р.] были 109 и ИЗ г.г. (=727 и 731) [следует : 727/728 и 731/732. -- В.Р.], а наместников Испании г.г. ПО и 118 (728 и 736) [следует : 728/729 и 736. - В.Р.]. Монеты же аббасидских правителей Африки относились к 151-183 г.г. (=768-799) [следует : 768 — 799/800. — В.Р.]. Наконец монеты западных омайядов (Испанской ветви Умайадов. - В.Р.) были 150-186 г.г. (767-802), а идрисидов 173-186 г.г. (789-802) [следует : 789/790-802. - В.Р.]" (закавыченная часть текста цитирует А.К. Маркова, давшего наиболее обстоятельный перечень монет этого клада).

Старшая монета -.- Умайады 8.0 г.х. (699/700), младшая — Аббасиды, 199 г.х. (814/815).

Ок. 250 монет поступили в Российскую Академию Наук.

(ЗООИД, 1844, с.153; Марков А., 1910, с.25, №141; Пахомов Е.А., 1926, №262; Савельев П.С., 1846, №17; Сборник материалов для истории Румянцевского музея в Москве, 1882, с. 179; Турчинович О., 1857, с.260-261; Bulletin scientifique, 1839, p.324, 329; Journal Asiatique, vol.1, 1823, p.21; Journal de Saint-Petersbourg, 1825, №100; Litterarische Zeitung, 1822, №321).

71а.Могилев? Могилевский район? Год? "В Могилевской губернии, невдалеке от губернскаго города в двадцатых годах нынешняго столетия на берегу Днепра вырыт был большой клад испегбедских монет, из которых, как говорит Лелевель, вылили большую серебряную чашу. Только немногая монеты уцелели и их Лелевель выгравировал в 1824 г. в Вильно. Френ полагает, что эти монеты происходили из того же клада, который дал ему 1300 диргемов" (закавыченный текст цитирует АК.Маркова).

(Марков А., 1910, с.25. №139; Савельев П.С., 1846, с.26-27; Санктпетербургские ведомости, 1842, №238; Сборник материалов для истории Румянцевского музея в Москве, 1882, С.179; LelevelI., 1835, p.83).

Не вызывает сомнения, что речь идет о кладе №71.

71б.Могилев? Могилевский район? 3.12,1822 Н.П. Румянцев пишет из Гомеля Х.М.Френу о "монетах куфийских, найденных близ нашего Могилева" и передает на определение 50 дирхамов, происходящих, вероятнее всего, из клада №71.

(Сборник материалов для истории Румянцевского музея в Москве, 1882, с. 181-182).

72.Могилев? Могилевский район? 1870-е гг.

В 1927г. в Белгосмузей поступило несколько дирхамов "из одного могилевского клада, найденного в 70-е гг.".

(АИИМК РАН: Ф.2 - д. 2 [1927], л.46об.; Рабцэв1ч В.Н., Стуканау А.А., 1973, № 30).

Ч а у с с к и й р а й о н

73.Дер.Староселы. 1-е пятилетие 1900-х гг. Клад, содержавший более 200 монет. В 1927 г. К.М. Поликарпович представил на просмотр в ИИМК 4 дирхама, происходивших, по его словам, из этой находки: С а м а н и д ы и п о д р а ж а н и я саманидской чеканке.

Старшие монеты — Исмаил ибн Ахмад, Балх и Самарканд 291 г.х. (903/904), младшая - Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 299 г.х. (911/912).

(АИИМК РАН: Ф.2 - д.27 [1927], л.50, 95, д.28, л.60, д.219, л.52, 78; Пал1карпов1ч К.М., 1932, с.249; Фасмер Р.Р., 1929, с.291, №34),

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX - XIII вв. М.
2. Витебские губернские ведомости, 1894. №3.
3. Голубович Е., Голубович В., 1945. Славянские поселения правобережной Диены в Вилейском округе БССР // КСИИМК. Вып.11.
4. Добровольский И.Г., Дубов Й.В., Кузьменко Ю.К., 1991. Граффити на восточных монетах. Л.
5. Добровольский И. Г., Рябцевич В.Н., 1993. Козьянковский клад куфических монет // Всероссийская нумизматическая конференция. Вологда.
6. Добровольней И.Г., Рябцевич В.Н., 1997. Козьянковский клад куфических дирхамов // Rozwoj muzealnictwa I kolekcjonerstwa numizmatycznego - davvniej i dzis - na Bialorasi, Litwie, w Polsce i Ukrainie. Materialy z II Migdzynarodowej Konferencyi Numizmatycznej (Suprasl, 5-7.IX.1996). Warszawa.
7. Дубшсю С.А., 1928. Досьледы культур жалезнага перыяду на Вщебшчыне, Магілеўшчыне і Меншчыне // Працы. Т.І.
8. Дучыц Л.У., 1991. Браслаўскае Паазер'е у IX-XIV стст. Мн,
9. ЗООИД, 1844. Т.І.
10. Звезда, 25.12.1925. Мн.
11. Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников, 1893. Изд.2. М.
12. Каталог выставки VIII Археологического съезда, 1890. М.
13. Книга поступлений №583 Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (начата в 1929; рукопись: ОНГЭ).
14. Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л.
15. Кропоткин В.В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НиЭ. Т.IX.
16. Кузнецоў К.В., 1949. Собалеўскі скарб // Весці АН БССР. №6. Мн.
17. Левко О.Н.. 1988. Исследования в Городке Витебской области // Археология и история Псковской земли. Псков.
18. Ляўданскі А.М., 1928. Археолёгічныя раскопкі ў м.Заслаўі Менская акругі // Працы. Т. 1.
19. Марков А., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
20. Милютин В.Н., Шадыро В.И., 1994. Находки монет из поселений Прудники // ГАЗ. №5.
21. Могилевские губернские ведомости, 1901, № 120
22. OAK, 1874 (за 1870-1871).
23. OAK, 1875(за1872).
24. OAK, 1891 (за 1882-1888).
25. OAK, 1895(за1893).
26. OAK, 1896(за1894).
27. Палікарповіч КМ., 1932. Старасёлы //Працы. Т.3.
28. Пахомов Е.А., 1926. Монетные клады Азербайджана // Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 3. Баку.
29. Пахомов Е.А. 1949. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IV. Баку.
30. Поболь Л.Д., 1979. Древности Белоруссии в музеях Польши. Мн.
31. Поликарпович, 1957. О некоторых находках древностей в Белоруссии (машинопись: ИИ НАН РБ).
32. Потин В.М., 1971. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // ТГЭ, Т.XII, Вып.4 (Нумизматика).
33. Потин В.М., 1967.Топография находок западноевропейских монет X-XIII вв. на территории древней Руси //ТГЭ. Т.IX, Вып. 3 (Нумизматика).
34. Рабцэвіч В.Н., Стуканаў А.А., 1973. Манеты Арабскага хал!фата на тэрыторып Беларусі // ПГКБ. №3.
35. Равдина Т.В., 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
36. Романов Е.Р., 1898. Общий очерк Витебской губернии. Могилев.
37. Россия, 1905. Полное географическое описание нашего отечества.Т.IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб.
38. Рынейскі А., 1932. Археолёгічныя разьведкі на р.Пціч // Працы. Т.3.
39. Рябцевич В.Н., 1965. Два монетно-вещевых клада из Витебской области // НиЭ. Т. V.
40. Рябцевич В.Н., 1974. Козьянковский клад // АО — 1973 года. Менск.
41. Рябцевич В.Н., 1993. Козьянковский клад (предварительные итоги исследования) // Беларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мн.
42. Савельев П.С., 1846. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории (топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и Прибалтийских странах). СПб.
43. Савецкая Беларусь, 1926. №84. Мн.
44. Санктпетербургские ведомости, 1842. №238.
45. Сапунов А., 1893. Река Западная Двина. Историко-географический обзор с картами. Витебск.

46. Сборник материалов для истории Румянцевского музея в Москве, 1882. Вып.1. М.
47. Сементовский А.М., 1890. Белорусские древности. Вып. I. Спб.
48. Семянчук Г.М., 1993. Новая катэторыя археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (грунтовыя магільнікі 10-13 ст.ст.)//ГАЗ, Ч. 2. Мн.
49. СербаўІ.А., 1930. Археолёгтчныя помнікі Вушадскага раёну Полацкае акругі // Працы. Т.2.
50. Сергеева З.М., 1972. Раскопки курганов в Толочинскам районе (БССР) // КСИА. Вып. 129.
51.Спицин А.А., 1896. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Н.с. Т.8, Вып. 1-2.
52. Тизенгаузен В.Г., 1873. Монеты Восточного халифата. СПб.
53. Турчинович О., 1857. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб.
54. Успенская А.В., 1953. Курганы южной Белоруссии // Труды ГИМ. Вып.22. М.
55.Фасмер Р.Р., 1926. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии Истории материальной культуры в 1920-1925гт. // СГАИМК. Вып.1.
56. Фасмер Р.Р., 1929. Список монетных находок, II // СГАИМК. Вып.П.
57. Френ Х.М., 1832. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.
58. Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1907. Древности Приднепровья. Вып. VI. К.
59. Харламповіч П.В., 1927. Манэтныя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі, у зборах Беларускага Дзяржаўнага музэю// ГАЗ. №1.
60. Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы. Мн.
61. Штыхаў Г.В., 1995. Гарадзішча Гарадзец на раце Мнюце // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. Мн.
62. Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк IX-XII вв. Мн.
63. ШтыховГ.В., 1978. Города Полоцкой земли. Мн.
64.Bauer N., 1929 [ZfN]. Die russischen Funde abendlandischer Munzen der 11. und 12. Jahrhunderts // ZfN. Bd. XXXIX.
65. Bulletin de la classe historico-philologique de 1'Academie Imperiale de Science, 1838. Vol. IV. St.-Pet.
66. Bulletin scientifique l'Academie de Sciences, 1839. Vol. I. St.-Pet.
67. Holubowiczowa H., 1939. Slowiansko-wareskie cmentarzysko kurhanowe kolo Porecza w powiecie dzisnienskim // Przeglad archeologiczny. N.6, zesz. 2/3. Poznan.
68. Journal Asiatique, 1823. Vol. I. St.-Pet.
69. Journal de Saint-Petersbourg, 1825. №100.
70. Lelevel I., 1832. Numismatique du moyen age. Vol. II. Paris.
71. Lelevel I., 1835. Numismatique du moyen age. Vol. III. Paris.
72. Litterarische Zeitung, 1822. №321. Leipzig.

Седов В.В. (Москва)

ПИСАНКИ

Глиняные пустотелые яички, расписанные по поверхности полихромией поливой, нередко с шариком внутри, вОшлй в археологическую литературу под именем писанки. Иногда их называют еще погремушками. Писанки не раз привлекали внимание исследователей (Bolsunowski К,, 1907-1908, s.529-532; Болсуновский К.В., 1909; Kostrzewski I, 1919, s. 43; Eisner J., 1958, s. 76-80; Bukowska J, 1958, s. 45-49; Макарова Т.И., 1972, с. 42-45). В настоящей статье сделана попытка осветить современное состояние знаний об этих находках.

Уже К.В.Болсуновский рассматривал писанки как предметы, связанные со славянским язычеством, с магическими верованиями. Так же их оценивают и современные исследователи. Так, польский археолог В. Гензель считал главным предназначением писачок (или погремушек) культовое (Hensel W., 1956, s. 298). Яйцо имело большое значение в славянской обрядности. Б.А.Рыбаков отмечает, что оно у древних людей было олицетворением начинающейся жизни. Культ яйца, как источника жизни и плодородия, был связан с весенними языческими праздниками, которые в христианское время были в значительной мере поглощены пасхой. Символ пасхальных яиц безусловно связан с магией плодородия. Приуроченность обычая (обряда) катания яиц к весеннему циклу празднеств указывает прежде всего на аграрную магию. Исследователь видит в растительных узорах, покрывающих писанки, символы аграрного плодородия. На пасхальных яйцах — христианских продолжателях языческих писанок — встречаются чрезвычайно архаические космогонические изображения, восходящие к глубокой древности (Рыбаков Б.А., 1981, с. 51; 1987, с. 668-670).

Вместе с тем, яйцо, связано и с культом мертвых. Иногда его клали умершему в могилу, а обычно приносили на могилу в первые годы после погребения. Связано яйцо и с магией -- раскопками зафиксировано положение яйца под дом при его возведении (Гданьск, Ополе).

Наибольшее распространение писанки получили в восточнославянской среде (рис. 1). Многократно они встречены в древнерусских культурных напластованиях Киева, Белгорода и Родни (Канева). В этой связи Б.А.Рыбаков полагал, что изготавливались писанки либо в Киеве, либо в Белгороде и из этого региона коробейниками разносились по всей территории Руси (Рыбаков Б.А., 1948, с. 362). М.К.Каргер показал, что глиняные яйца, покрытые поливным узором, изготавливались киевскими гончарами. Это была отрасль ремесла, тесно связанная с производством поливных строительных плиток. О киевском изготовлении писанок говорят и исключительная близость орнаментации писанок с узорами на керамических плитках, и находка в Киеве тигельков-льячёк.для их изготовления (Каргер М.К., 1958, с. 448).

В Новгороде Великом уже к 50-м годам было найдено 28 писанок. Здесь они бытовали преимущественно в XI и первой половине XII вв. (Колчин Б.А., 1958, с. 111). Аналогичные находки сделаны во многих городах Древней Руси, в том числе Чернигове, Любече, Вышгороде, Турове, Галиче, Плесненске, Берестье, Гродно, Новогрудке, Белоозере, Изборске, Рязани, Суздале, Ярополче Залесском, Плесненске, Изборске, Мстиславле, Лукомле и других. Дважды писанки найдены в курганных захоронениях — во Влазовичах в земле радимичей (Рыбакоў Б.А., 1932, с. 32.) и в Гочеве в ареале северян (Самоквасов Д.Я., 1915, табл. XCII: 1). Сводка находок их на Руси по состоянию на 60-е годы была опубликована Т.И.Макаровой (Макарова Т.Н., 1966, с. 141-145; 1965, с. 42-44, рис. 6).

Эта исследовательница много внимания уделила технологии изготовления древнерусских писаниц. Она показала, что формировались полые поделки с гремящим шариком внутри из обычной гончарной глины ленточным способом. После обжига они покрывались непрозрачной поливой бурого или зеленого цвета. Затем наносится роспись поливой иного цвета, после чего разогревали в печи для того, чтобы поверхности ее слегка сплавлялись и сглаживались. Простое чередование линий превращалось в нарядные скобочки.

По технологическим особенностям поливы писанок Т.И.Макарова выделила две группы этих изделий. Одну из них образуют писанки с зеленой или коричнева-бурой поливной поверхностью, расписанные прерывистыми и волнистыми желтыми или сйетло-зеяеййми уЗо-

рами-скобочками. Такие изделия связаны в основном с Поднепровьем и смежными землями. Местом производства их был, скорее всего, Киев.

Вторая группа писанок имеет черную поверхность и характеризуется металлическим блеском и более четким и совершенным рисунком. Эти изделия изготавливались, как полагает Т.И.Макарова, начиная с середины XI в. в Новгороде, где встречены и бусы, и посуда, покрытые поливой с металлическим блеском. Распространялись они преимущественно в северных землях Руси. Отдельные находки писанок этого типа найдены также в Вышгороде, Вщиже и Белой Веже – Саркеле, Исследовательница допускает, что эти поделки могли производиться также в Рязани (Макарова Т.И., 1966, с. 14,1-145; 1967, 42-45). О возможном изготовлении писанок в Рязани еще раньше писал А.Л.Монгайт ~ здесь был исследован горн для обжига поливной посуды и на его полу найдены фрагменты писанок (Монгайт А.Л., 1955, с. 127).

В литературе писаницы из древнерусских городов обычно датируются суммарно XI -- XIII вв. Можно утверждать, что основная часть их на Руси относится к XI и к первой половине XII в. Так, в Новгороде наибольшее распространение их приходится на период с середины XI до первых десятилетий XII в. включительно. В слоях второй половины XII и первой половины XIII вв. писанки еще встречаются, но весьма и весьма редко. Названные выше курганные находки этих изделий достаточно определенно датируются XI в. В тех южнорусских городах, где удается датировать слои с ^находками писанок, они определяются преимущественно XI в. В Белой Веже писанки встречены в слоях X1-XII вв. По-видимому, этим временем датируются и писанки в городах Северной Руси. Так, в Луковце -- городе, который находился при впадении р. Суды в Шексну, и слои которого оказались затопленными при наполнении Рыбинского водохранилища, наиболее ранняя писаница встречена в напластованиях 40-х гг. XI в., самая поздняя — в отложениях первой половины XII в. (Кудряшов А.В., Башенькин А.Н., 1998). Наиболее поздней является писанка, обнаруженная в Мстиславле в слое середины XIV в. Л.В.Алексеев полагает, что в этом городе ими пользовались дольше, чем в других местах Руси (Алексеев Л.В., 1996, с. 159). Однако, не исключено, что писанка попала в напластования XIV в. из более ранних слоев.

Исчезновение из обихода писаниц, очевидно, обусловлено завершением процессу христианизации основных масс древнерусского населения к середине XII в. Именно в это время наблюдается активизация церковного строительства на широких пространствах Руси, налаживается массовое производство христианских символов, и они широко распространяются во многих землях древнерусского государства. В лесной зоне на смену курганам с трупоположением на горизонте приходят подкурганные захоронения в грунтовых ямах, что, безусловно, отражает более глубокое проникновение новой религии в деревенскую среду восточного славянства. Связанные с языческой обрядностью писанки-погремушки сходят со сцены. Пасхальные яйца стали не прямым продолжением языческого ритуала. Шумовые эффекты, связанные с языческими писаницами, в христианскую эпоху полностью исчезают.

Кроме Древней Руси писаницы в немалом количестве найдены в землях западных славян. В Польше они встречены в напластованиях ряда средневековых городов и сел -- Гнезно, Крушвице, Ополе, Познани, Оструве Ледницком, Чермно под Гучвой и других. Писанки обнаружены и в захоронениях XI в. в могильниках в Литомерске под Лодзью (Jazdzewski K., 1949, s. 105, 145, 146; obr. 68a, c). Сводки находок писанок в Польше публиковались Ю.Костшевским и З.Курнатовской-Гильчерувной (Kostrzewski J., 1947, obr. 214; Hilczerowna Z., 1950, s. 8-25). Древнейшие писанки в Польше датируются XI в. (Hilczerowna Z., 1950, s. 14). В памятниках XIII в. они уже не встречаются.

Многие польские исследователи полагали, что писанки поступали в Висло-Одерские земли из Киевской Руси в результате торговых операций (Hilczerowna Z., 1950, s. 8-25; Jazdzewski K,, 1955, s. 348; Szymanski W. ,1958, s. 30, 31, 51), Действительно часть польских писанок по своей орнаментации полностью идентична древнерусским и, скорее всего, импортированы из Руси, Вместе с тем нельзя не согласиться с В.Гензелем в том, что некоторые

из писанок могли быть местным подражанием древнерусским изделиям, а писанки с орнаментацией, не встречающейся на древнерусских изделиях, видимо, изготавливались польскими ремесленниками, в частности, они могли делаться в Крушвице, где, как в Киеве и Белгороде, имелось производство керамических плиток с цветной поливой (Hensel W., 1956, s. 298; Гензель В., 1958, с. 87).

Писанки найдены еще в славянских памятниках (в том числе и в захоронениях) в междуречье нижних течений Эльбы и Одера (Schoknecht U.. 1963, S. 266, Abb. 167a; Corpus, 1979a, 49/55, 52/108; 1979b, 80/1, 80/3; Gabriel I., 1988, S. 203-205).

Связь писанок с раннесредневековым славянским миром представляется бесспорной. При этом их распространение явно ограничено теми славянскими территориями, где язычество и после принятия христианства продолжало играть большую роль в духовной жизни славянства до XII — начала XIII вв, о чем свидетельствуют другие археологические материалы. В землях славян, осевших на Дунае, Балканах и в Адриатике, писанки неизвестны. В памятниках Великой Моравии встречены единичные находки неполивных глиняных яиц с шариком внутри (Hraby V., 155, s. 147, tab 24/21).

За пределами ареала расселения славян находки писанок единичны и есть все основания полагать их древнерусское происхождение. Таковы писанки, найденные в Швеции, – в Сигтуне (Arbman H., 1945, s. 76; 1948, p. 435-437, fig. 2: A-C) и Лунде (Arbman H., 1948, fig. 2:D), а также в захоронениях на кладбищах при церквях Роне и Альва на Готланде (Arne T., 1914, p. 216, fig. 329, 330). X.Арбман рассматривает эти находки как предметы торговли с Русью (Arbman H., 1948, p. 435-437). Две писанки Сигтуны и одна из Лунда покрыты буро-черной поливой. Они принадлежат к группе изделий, изготавливаемых, согласно Т.И.Макаровой, в Новгороде. Глиняные яйца из Готланда покрыты желто-черной поливой и относятся к предметам, вышедшим из мастерских Киева или Киевского Поднепровья. Безусловно, импортами из Руси являются писанки, найденные в Латвии – на городищах Даугмале и Межоне (Мугуревич Э.С., 1965, с. 71, табл. XIII: 1-3), а также в низовьях Дуная — в Гарване-Диногеции (Slavia antiqua, 1953, s. 443).

Еще одна писанка обнаружена при раскопках Хайтхабу, где присутствие славянского компонента несомненно, и две в Шлезвиге. Они рассматриваются исследователями как находки древнерусского импорта (Muller-Wille M., 1988, S. 774-777), с чем нельзя не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Л.В., 1966. Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. Вып. 6. Мн.
2. Болсуновский КВ., 1909. Писанки как предмет языческого культа. К^ев.
3. Гензель В., 1958. Познань в раннепястовское время//СА. № 1.
4. Каргер М.К., 1958. Древний Киев.Т. 1.М.
5. Кудряшов А.В., Башенькин А.Н., 1998. Луковец -- затопленный древнерусский город // История и культура древних и средневековых славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. V.М.
6. Макарова Т.И., 1966. О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. М.
7. Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. Выл. Е1-38. М.
8. Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. // МИА. N 49. М.
9. Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. Рига.
10. Рыбакоў Б.А., 1932. Радзімічы//Працы. Т. 3.Мн.
11. Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
12. Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
13. Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
14. Самоквасов Д.Я., 1915. Атлас гочевских древностей. М.
15. Arbrnan H., 1945. Uppstandelseag av geasered lera // Sigtune Dei. Sigtuna.
16. Arbrnan H., 1948. Une route commerclale pendant les X et XI Siecles // Slavia Antiqua. T. 1. Poznan.
17. Arne T., 1914. Ls Suede etl'Orient. Uppsala.
18. Bolsunowski K., 1907-1908. Pisanki jako objekt kultu balwochwalczego // Wladomosei numismatyczno-archeologiczne. VI. Krakow.

19. Bukowska J., 1958. Pisanki polskie z X-XIIIwieku // Polska sztuka ludowa. 12. Warszawa.
20. Corpus, 19J9a. Corpus arcliaologischer Queller zur Fruhgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert). 2. Lieferung. Berlin,
21. Corpus, 1979b. Idem. 3. Lieferung.
22. Eisner L., 1958. Die bunten slawischen Toneier // Epitymbion Roman Haken. Pragae.
23. Gabriel L, 1988. Hof- und Sakralkultur sovvie Gebrauchs- und Han-delsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburg // Bericht der Romlsch-Germanischen Kommission. Bd. 69. Mainz am Rhein.
24. Hensel W., 1956. Stowanszczyzna wczesnosredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Poznan.
25. Hilczerowna Z., 1950. Przyczynki do handlu Polski z Rusia Kijowska// PA. T. IX, Poznan.
26.Hruby W., 1955. StareMesto. Velkomoravske'pohrebiste'"Navalach". Praha.
27. Jazdzewski K., 1949. Cmentarzysko wczesnosredniowieczne w Lutomiersku pod Lodzia w swietle badan z r. 1949 //Materialy wczesnosredniowieczne. T. 1. Warsza^va.
28. Jazdzewski *K.,* 1955. Stosunki polsko-mskie we wczesnym sredniowieczu w swietle archeologii // Pamietnik slowiancsczyzny. 4. Warszawa.
29. Kostrzewski I, 1919. Pisanki wczesnohistoryczne// PA. 1. Poznan.
30. Kostrzewski J., 1947. Kultura prapolska. Poznan'
31.Muller-Wille M., 1988. Frermdgut und Import ostlicher Provenienz in ScMeswig-Holstein (9.-12. Jahrhundert) // Bericht der Romisch-Germanischen Kommission. Bd. 69. Mainz am Rhein.
32. Schoknecht U., 1963. Einige bemerkenswerte fruhgescMchte Neurunde aus Gorke in Kreise Anklam // Jahrbuch Bodendenkmalpflege Mecklenburg. 1963.
33. Slavia antiqua, 1953. T. IV. Poznan'
34. Szymanski W., 1958. Kontakty liandlowe Wielkopolski w IX-XI wieku. Poznaa

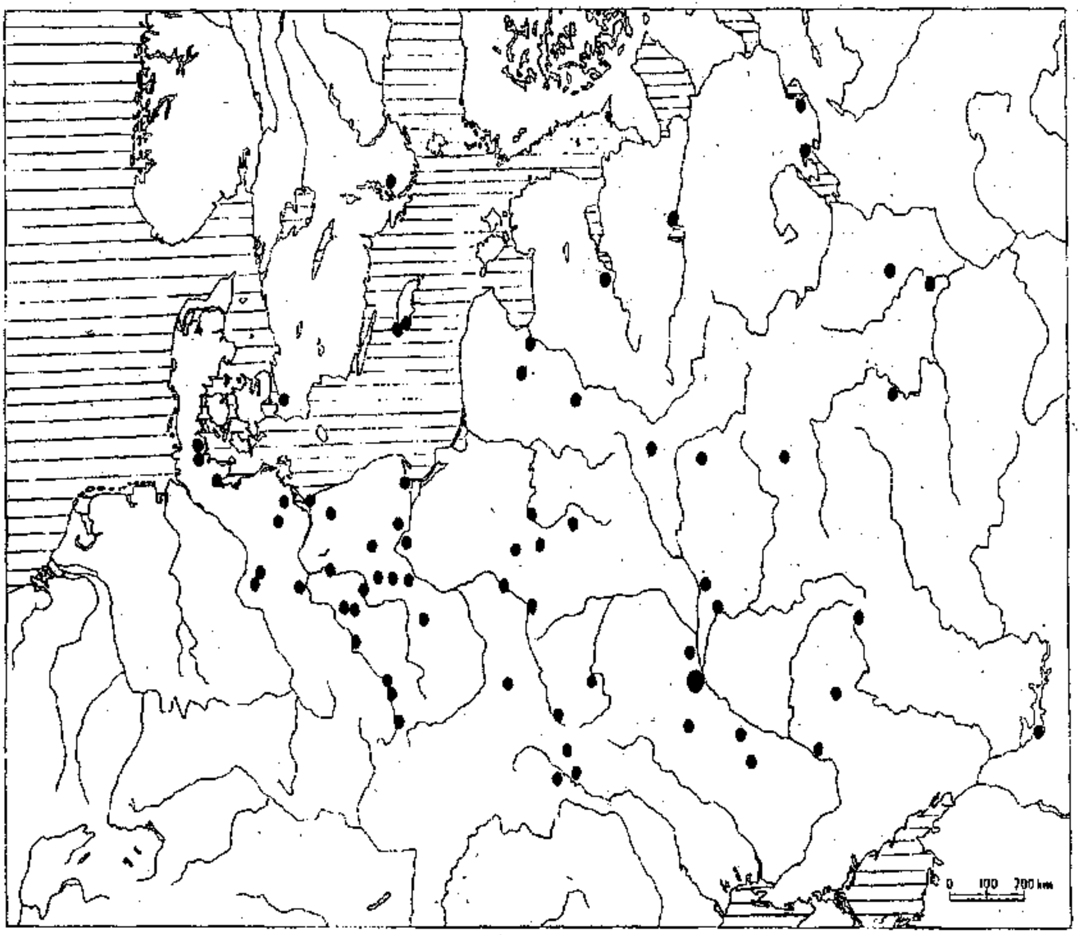

Рис. 1. Распространение писанок в Европе

Шадыра В.І. (Мінск)

ДА ПЫТАННЯ АБ РОЛІЕЎРАПЕЙСКІХ ЭТНАКУЛЬТУРНЫХ ПРАЦЭСАЎІ ТЫС. Н.Э. У ЭТНАГЕНЕЗЕ БЕЛАРУСАЎ

Землі Беларусі, якія знаходзіліся ў цэнтры Усходняй Еўропы, не маглі быць у баку ад разнастайных гістарычных працэсаў, якія адбываліся ў Еўропе ў І тыс. н.э. Важнейшым сацыяльным пераваротам у еўрапейскай гісторыі з'явіўся, як вядома, трансеўрапейскі працэс Вялікага перасялення народаў (ВПН). Для большай часткі тэрыторыі кантыненту менавіта ён вызначыў мяжу паміж старажытнасцю і сярэднявеччам. Падзенне антычнага міру можна ўспрымаць і ацэньваць па-рознаму: з аднаго боку, гэты акт гістарычнай драмы абумовіў велізарныя агульначалавечыя страты і адкінуў цывілізацыю ў Еўропе на некалькі стагоддзяў назад; з другога - раннесярэднявечныя этнакультурныя групоўкі стварыші падмуркі ўсяму далейшаму развіццю еўрапейскіх народаў.'

Да сярэдзіны І тыс. н.э. еўрапейскія народы не ведалі этнатэрытарыяльнай стабільнасці. Яны як бы знаходзіліся ў пошуках свайго месца пад сонцам. Рымская імперыя не магла вырашыць гэту праблему і варварскія народы вялі барацьбу з ёй за права на сваё існаванне. Падзенне Імперыі абумовіла выхад на шырокую гістарычную сцэну еўрапейскіх народаў. З VI-VII стст. н.э. палітычная і этнічная карта Еўропы становіцца знаёмай для нашага сучасніка. З гэтага перыяду можна ўбачыць "на сваіх месцах" продкаў сучасных народаў і пазнаць контуры сучасных дзяржаў.

Гісторыю ВПН часцей за ўсё ўспрымаюць як адзін з раздзелаў гісторыі заходнееўрапейскага сярэднявечча. Між тым, усе значныя працэсы гэтай эпохі, такія як рассяленне і перамяшчэнне германцаў, балтаў, славян і іншых народаў у перыяд з другой і трэцяй чвэрці І тыс. н.э. закранулі і тэрыторыю Беларурі.

Бедныя пісьмовыя крыніцы данеслі да нас толькі фрагментарныя ўзгадванні аб балтах (айсты - па Іардану) у эпоху Вялікага перасялення народаў. Цэлы шэраг падзей, які меў месца ў гэты перыяд на тэрыторыі Беларусі, не знайшоў адлюстраванне ў гістарычных пісьмовых крыніцах. І толькі дзякуючы дадзеным археалогіі можна прасачыць некаторыя працэсы, якія адбываліся ў тыя часы на Беларусі. Колькасць насельніцтва яе, на думку Э.М:Загарульскага, у железным веку даходзіла да 75 тыс. чалавек (Загорульский Э.М., 1996, с. 45). Можна дапускаць, што з шырокім распаўсюджваннем ляднага земляробства насельніцтва да IV-V стст. н.э. складала прыкладна 100-120 тыс. (каля 1500 паселішчаў). Безумоўна, гэтыя падлікі вельмі прыблізныя і на сёнешні дзень дэмаграфічныя дадзеныя для гэтага перыяду застаюцца гіпатэтычнымі. Дарэчы, калі звярнуцца да Заходняй Еўропы, то адзіны народ адносна якога мы маем праўдападобную ацэнку яго колькасці - гэта вандалы Гензерыха ў момант іх высадкі ў Афрыцы ў 429 г. іх было 80 тыс. Вестготы, франкі, іншыя трупы захопнікаў налічвалі не больш 100 тыс. чалавек (Гофф Жак Ле, 1992, с. 33).

Насельніцтва Беларусі было звязана племяннoй структурай і месцілася ў басейнах 3-ох галоўных рэк Беларусі: Зах. Дзвіны, Дняпра з Прыпяццю і Немана. Да III-V стст. н.э. этнакультурную стабільнасць тут забяспечвалі роднасныя плямёны ўсходняга балтамоўнага насельніцтва, матэрыяльная, духоўная культура якога адлюстравана ў старажытнасцях днепрадзвінскай, штрыхаванай керамікі і, хутчэй за ўсё, мілаградскай культурах. Пытанне аб этнічнай прыналежнасці зарубінецкай культуры застаецца на сённяшні дзень адкрытым.

Змены, якія добра прасочваюцца па археалагічным матэрыяле пачаліся адбывацца з другой чвэрці І тыс. н.э. і доўжыліся да канца І тысячагоддзя. Яны прама ці ўскосна звязаны з агульнаеўрапейскімі гістарычнымі з'явамі і працэсамі. Па даследаванням дацкага археолага К.Рандсбарга, III, VII і X стст. н.э. з'яўляюцца фазамі, якія можна разглядаць пры вывучэнні асноўных зрухаў эканамічнага, сацыяльнага і культурнага жыцця І тыс. н.э. усей Еўропы (Рандсборг К., 1989, с. 10-11). Напрамкі імпульсаў, якія адчувальна ўплывалі на жыццё балцкіх плямёнаў Беларусі, зыходзілі, галоўным чынам, з поўдня і захаду.

Паўднёвы ўплыў у Беларускім Падняпроўі прывёў да распаўсюджвання тут старажытнасцей тыпу Абідні, іх яшчэ ідэнтыфікуюць з верхнядняпроўскім варыянтам кіеўскай культуры.

Шмат матэрыялаў гэтай культуры атрыманы Л.Д.Побалем пад час раскопак у Магілёўскім Падняпроўі, але, на жаль, большая частка іх да гэтага часу не апублікавана. Зыходзячы з дадзеных раскопак М.І.Лашанкова (1994, с. 122-123) і А.М.Мядзведзева на гарадзішчах Лемніца і Эсьмоны ў Бялыніцкім раёне, паўночная мяжа старажытнасцей тыпу кіеўскай культуры праходзіла ніжэй Магілёва (Мядзведзеў А.М., 1995. с. 166). Такім чынам, селішчы Таймана-ва, Абідня і інш. з'яўляюцца на сённяшні дзень самымі паўночнымі пунктамі гэтай культуры,

На поўнач ад яе размешчана вобласць распаўсюджвання старажытнасцей тыпу сярэдняга пласта Тушамлі, якая ўключае ў сябе акрамя асноўнай тэрыторыі Смаленскага Падняпроўя яшчэ Арщанскае Падняпроўе і Віцебскае Паддівінне. Апошні фактар дарэчы можа служыць дадатковым аргументам у размежаванні заходняга і ўсходняга варыянтаў днепра-дзвінскай культуры на познім этапе яе развіцця (Шадыро В.И., 1985, с. 110). Спроба аднесці некаторыя паселішчы гэтага рэгіёну да помнікаў кіеўскай культуры не маюць падстаў, бо асобныя прыкметы (формы і арнаментацыя часткі посуду) не даюць пэўнага комплекса археалагічнай культуры. Некаторыя своеасаблівыя рысы могуць быць звязаны з працэсам фарміравання менавіта культуры тыпу Тушэмлі. У шырокім маштабе спецыфічныя асаблівасці паступова нівеліраваліся ў мясцовым асяродку і з цягам часу прывялі да фарміравання ў сярэдзіне I тыс. н.э. адзінай этнакультурнай мадэлі, якая ўключала ў сябе старажытнасці тыпу Тушэмлі, Банцараўшчыны, Калочына і ранніх доўгіх курганоў.

Можна дапускаць, што асобныя перасяленцы з арэала кіеўскай культуры пранікалі і вышэй (кераміка з прачосамі, сасуды з валікам і г.д.) нават з Дняпроўскага басейна і на Паддзвінне, але яны, безумоўна, не маглі паўплываць на агульны ход развіцця культур тыпа Тушэмлі, Банцараўшчыны і ранніх доўгіх курганоў (пскоўская група) і самі ўключаліся ў гэты працэс (Фурасьев А.Г., 1997, с. 35) Тое ж самае можна сказаць і аб помніках тыпу Заазер'я, якія з'яўляюцца сімбіёзам паўднёвых старажытнасцей постзарубінецкага часу з мясцовымі днепра-дзвінскімі і адлюстроўваюць, па сутнасці, пачатковы перыяд фарміравання помнікаў тыпу Тушэмлі.

Змены ў жыцці мясцовых плямён можна звязваць з падзеямі ВПН, якія адбываліся ў гэты час у Цэнтральнай і Ўсходняй Еўропе. Носьбітамі разнастайных культурных традыцый з'яўляюцца людзі, і па-гэтаму перамяшчэнні насельніцтва адыгрываюць вялікую ролю у розных уплывах і зменах.

Вядомы ў гісторыі рух готаў у III ст. з поўначы Еўропы ў Прычарнамор'е праз Палессе ўцягнуў у сябе акрамя германскіх плямёнаў і іншыя этнічныя супольнасці: у тым ліку заходніх славян і балтаў. Паліэтнічны характар вельбаркскай культуры, дзе дамінавалі гоцкія элементы, агульнапрызнаны факт (Седов В.В., 1994, с. 222-232). На тэрыторыі паўднёва-заходняй Беларусі, па дадзеных Вяргей В.С., вядома звыш 10 помнікаў вельбарскай культуры (Вяргей В.С., 1997, с. 7-10). Сам факт наяўнасці готскіх старажытнасцей на Заходнім Палессі і распаўсюджванне розных традыцый і элементаў, выкліканых паследуючай захопніцкай дзейнасцю Остготскай імперыі Германарыха, сведчаць аб ролі готаў у этнакультурных працэсах на Беларусі ў другой чвэрці I тыс. н.э. Ваяўнічыя набегі готаў, на думку А.М.Мядзведзева, стымулявалі фарміраванне тушамлінскай культуры на аснове смаленскай (усходняй - В.І.Ш.) групы днепра-дзвінскай культуры ранняга жалезнага веку (Мядзведзеў А.М., 1996, с. 16). Адлюстраваннем уплыву готаў на плямёны Верхняга Падняпроўя сведчаць знаходкі А.М.Ляўданскага, Я.А.Шмідта на помніках Беларусі і Смаленшчыны: срэбных спражак (Ляўданскі А.Н., 1932, с. 244, табл. 1: 5; Шмидт Е.А., 1968, рис. 2: 1); срэбных скроневых кольцаў, шкляных бісерных пацерак, наканечнікаў дзідаў з ліставіднай і двушыпнай формай ляза (Шмидт Е.А., 1976, с. 33). Наяўнасць набора рэчаў звязаных з традыцыямі Цэнтральнай Еўропы на якія ўказвае А.М.Мядзведзеў (1996, с. 14-17) і пераносчыкамі якіх з'яўляліся готы значным чынам уплывалі на развіццё матэрыяльнай культуры плямёнаў Беларускага Падняпроўя. Тайм чынам, можна пагадзіцца з думкай аб тым, што паходы Германарыха на айсціеў і ёсць паходы на балтаў Верхняга Падняпроўя.

З канца IV і першай паловы V ст. н.э. лес насельніцтва паўднёвых абшараў Падняпроўя

быў звязаны з гунскім нашэсцем. Падпарадкаваў остготаў гуны прасунулісь у сучаснае Падунаўе і тут, на тэрыторыі сучаснай Венгрыі аб'яднаўшыся пад уладай Аціла пачалі з 30-х гг. V ст. праводзіць захопніцкія набегі ў розных напрамках, у тым ліку на поўнач і паўночны ўсход, на тэрыторыі усходніх балтаў. Безумоўна, яны гэта рабілі і раней, калі знаходзіліся на поўдні ў абшарах Остгртскага каралеўства. Сведчаннем слядоў гунаў ва ўсходняй Літве, Беларусі і Смаленскім Падняпроўі з'яўляюцца трохлопасныя наканечнікі стрэлаў, якія не характэрны для заходніх і ўсходніх балтаў. Вельмі шмат іх знойдзена на тэрыторыі Літвы. Аб гэтым, і ўвогуле аб войнах з гунамі, пераканаўча паведамляе А.Б.Лухтан (1997, с. 15-20). Я.А.ШМІДТ, разглядаючы ўзбраенне воінаў-коннікаў тушамлінскіх плямёнаў Падняпроўя адзначае, што трохлопасныя наканечнікі стрэлаў знойдзены, галоўным чынам, на гарадзішчах-сховішчах, якія загінулі ў агні, і што яны не ўласцівы мясцоваму насельніцтву, а характэрны для паўднёвых плямёнаў (Шмидт Е.А., 1995, с. 105-117), На Беларусі прыкладам, дзе знойдзена шмат трохлопасных наканечнікаў стрэлаў з'яўляецца гарадзішча Нікадзімава ў Магілёўскім Падняпроўі, ніжняя дата якога па С14 адносіцца да канца IV ст. н.э. (Седин А. , 1995, с. 160-161).

Паўднёвы ўплыў быў даволі значным і гэта істотным чынам адбівалася на матэрыяльнай культуры насельніцтва Беларуси ў другой чвэрці І тыс. н.э. Падкрэслім, што нягледзячы на значныя перамяшчэнні насельніцтва, выкліканыя бурнымі падзеямі ВПН, яны не змянілі этнакультурнага адзінства мясцовага насельніцтва і агульнага ходу развіцця яго матэрыяльнай культуры. Тым не менш новыя рысы і традыцыі разам з іх носьбітамі адыгрывалі пэўную ролю ў этнагенетычных працэсах на нашай тэрыторыі.

У канцы першай пал. І тыс. н.э. у Паўночнай Еўропе, ў міжрэччы Віслы і Одэра, працэсы этнічнай кансалідацыі германцаў выклікалі дэстабілізацыю культурна-гістарычнай абстаноўкі, што ў сваю чаргу, садзейнічала аттоку насельніцтва як на поўдзень, так і на ўсход. Апошні напрамак адарсіцца да групы плямёнаў венедскага масіва, этнічную ідэнтыфікацыю якіх цяжка вызначыць, Хутчэй за ўсё, гэта збіральная назва плямёнаў Балтыйскага ўзбярэжжа, куды ўваходзілі славяне [венеты, якіх узгадвае яшчэ Тацыт у сваёй "Германіі" (Тацит, 1993)], заходнія балты, часткова германцы і магчыша іншыя народы. Знікненне культуры штрыхаванай керамікі на тэрыторыі Літвы і прылягаючай тэрыторыі Беларусі, распаўсюджванне старажытнасцей тыпу ранніх усходнелітоўскіх курганоў з'яўляецца адлюстраваннем гэтых працэсаў. Адносіны мясцовага і прышлага насельніцтва насілі розны характар узаемаўплываў. Атток насельніцтва з Паўночнай Еўропы праз паўночна-ўсходнюю Польшчу быў не аднаразовай акцыяй. А.М.Мядзведзеў указвае на некалькі хваль перамяшчэння насельніцтва ў гэты рэгіён з адпаведнымі прыўнясеннем змен і новых элементаў матэрыяльнага характару (1996, с. 16-17).

Мы ўжо пісалі пра напрамак руха насельніцтва адной з груповак венедскага масіва плямёнаў, куды ўваходзілі "пракрывічы" (крывы, крэвы) з Павіслення на Панямонне і далей праз Зах. Дзвіну ў Пскоўскае Паазер'е. Вынікі гэтых міграцыйных і этнагенетычных працэсаў на Панёманні і прылягаючых тэрыторыях адлюстроўвае з'яўленне і распаўсюджванне культуры ўсходнелітоўскіх курганоў, а таксама змена штрыхаванай керамікі на аблітую [шурпатую] (Шадыра В.І., 1993, с. 88-89).

Часткова асеўшы на Панямонні, групоўкі венедскага масіва працягвалі сваё рассяленне на паўночны ўсход у фінаўгорскія абшары. Напрамак іх р'уха ішоў праз сучаснае беларуска-літоўска-латышскае парубежжа. Прасунуцца ў паўночна-заходнім напрамку, г.зн. да Балтыкі, крыўскім плямёнам перашкаджала даволі шчыльнае насельніцтва другой паловы І тыс. на тэрыторыі сучаснай Літвы і Латвіі. Што датычыць рэгіёна парубежнай Беларусі, то, зыходзячы з колькасці паселіідчаў, заселенасць яго была адносна малай яшчэ з эпохі ранняга жалеза. Гэта, у сваю чаргу, не рабіла перашкод для новых пасяленцаў, таму і шлях іх мог мець толькі згаданы кірунак (Шадыра В.І., 1993, с. 86-88). Балта-славянская групоўка плямёнаў з этнакультурнай назвай "крывы", ці "крэвы" набыша патранімічны суфікс "іч", "ічы" у больш позні

час шырокага славянскага рассялення і ассіміляцыі мясцрвага балцкага і фінна-угорскага насельніцтва ў перыяд дзяржаватворчых працэеау (Шадыра В.І, 1996, с. 203-204).

Трапіўшы ў фінаўгорскія абшары Пскоўшчыны, часткова Латві' і Беларусі (крайні поўнач) новае насельніцтва стварае тут новы тып пахавальных помнікаў - доўгія курганы. У асяродку балцкага і фінаўгорскага этнічных масіваў, значна збалтызаваўшыся і засвоіўшы шэраг элементаў мясцовых культур, насельніцтва культуры ранніх доўгіх курганоў усе ж такі захавала свае моўныя славянскія асаблівасці (пры чым менавіта заходнеславянскія - з Павіслення). Акрамя археалагічнага матэрыялу аб гэтым сведчаць асаблівасці пскоўскіх гаворак, якія характарызуюцца асобым родам шапелявасці (неразборлівым змешаннем "с" і "ш"). Гэта з'ява завецца мазурэннем, бо характэрна для польскіх гаворак вобласці Мазоўша. Як прыклад яе вядомы лінгвіст Папоў А.І. лічыць назву рускай ракі Шелоні. Ён лічыць, што імя Шолона аднолькава Солона, г.зн. "Соленая". Этымалогія тлумачыцца наяўнасцю саленых крыніц па берагах гэтай ракі. Спецыяліст па гісторыі пскоўскіх гаворак С.М.Глускіна адзначае, што мазурэнне было характэрна болыы для продкаў пскавічоў чым ноўгарадцаў і па дадзеных сучасных дыялектылагічных атласаў замена "с" на "ш" адзначана, галоўным чынам, на захадзе Пскоўскай вобласці. Дарэчы змешванне "с" з "ш" у мове крывічоў С.М.Глускіна тлумачыць ўплывам прыбалтыйска-фінскага субстрату, якое адбывалася, магчыма, праз пасрэдніцтва балтаў (Глускина С.М., 1962, с. 28-57).

З'яуленне на поўдні Беларусі даставерна славянскіх помнікаў тыпу Прагі-Карчака ў V ст. н.э. з'яўляецца таксама вынікам міграцыйных працэсаў еўрапейскага перасялення народаў. Характар раннеславянскіх паселішчаў і іх культура, кірункі рассялення, гістарычны лёс і г.д. - тэма асобнага даследавання, якім пасняхова займаецца ў апошнія гады В.С.Вяргей (Вяргей В.С., 1992, с. 13-24).

Такім чынам, у выніку складаных этнакультурных працэсаў, як унутранага, так і знешняга характару на працягу некалькіх стагоддзяў на тэрыторыі Беларусі ў 3-яй чвэрці I тыс. н.э. утварылася адносна аднародная структурная мадэль старажытнасцей тыпу Банцараўшчыны-Тушамлі, Калочына, Прагі-Карчака і ранніх доўгіх курганоў. Балцкая ў сваёй аснове, (за выключэннем старажытнасцей Прагі-Карчака), яна адлюстроўвала разнастайныя інтэграцыйныя элементы розных этнічных груповак у тым ліку і славянскіх. Гэты фактар стымуляваў унутранае (сацыяльна-эканамічнае) развіццё мясцовага балцкага насельніцтва ў рэчышчы агульнаеўрапейскіх культурных традыцый, што і прывяло да адноснага падабенства культур 3-яй чвэрці I тыс. на тэрыторыі Беларусі. Адрозненні паміж імі звязаны як з асаблівасцямі папярэдніх субстратных культур (днепра-дзвінская, штрыхаванай керамікі, зарубінецкай, кіеўскага тыпу), так і з розным узроўнем знешніх уплываў (для параўнання - цэнтральная Беларусь і ўскраіна).

На працягу некалькіх стагоддзяў тут адбываліся з'явы паглынання, растварэння і запазычвання ўсіх новых этнакультурных элементаў, у адным працэсе балтызацыі, але ў гэтым балцкім міры ўжо адбыўся, фігуральна кажучы, зачатак і ўтварыўся спецыфічна славянскі, а дакладней, зародак беларускага этнасу.

Хвалі славянскага рассялення на тэрыторыі распаўсюджвання старажытнасцей 3-яй чвэрці фарміруюцца ў адміністратыўна-тэрытарыяльныя соцыумы "дрэгавічоў", "радзімічаў" і "крывічоў". Яны ўяўлялі сабой складаныя аб'яднанні мясцовага, (у асноўным, балцкага) і новага славянскага насельніцтва.

Пры вывучэнні гісторыі праблемы фарміравання антрапалапчкчга складу беларусаў (Емельянчык В., 1997, с. 5-8) выклікаюць цікаваець палеантрапалагічкыя даследаванні вядомага антраполага Дзебеца Г.Ф., які першы ўказаў на адсутнасць рэаіьнай розніцы ў тыпах дрэгавічоў, радзімічаў і заходніх крывічоў з краніалагічных серый X-XII стст. у басейнах Верхняга Падняпроўя і Падзвіння. Для іх характэрны выражаныя еўрапеоідныя рысы, а таксама адсутнасць прымесі "субуральскага кампаненту", які прасочваецца ва ўсходніх крывічоў (Дебец Г.Ф., 1948, с. 248). Г.Ф.Дзебец таксама звярнуў увагу на тое, што даследаваная група славян Беларусі захавала рысы "протаеўрапейскага" тыпу ў большай ступені, чым астатнія

славяне тэрыторыі СССР (1948, с. 251). Яшчэ раней ГЛф.Дзебец выказаў меркаванне, "што ўключэнне тэрыторыіі сучаснай Беларусі ў кола славянскіх культур не судраваджалася колькі-небудзь значнымі перасяленнямі і адбывалася шляхам акультурацыі (Дебец Г.Ф., 1932, с. 74). Тэта становіцца зразумелым калі ўлічыць думку Т.І.Аляксеевай, што фарміраванне славян і балтаў адбывалася на адносна аднароднай антрапалапчнай аснове (Алексеева Т.И., 1971, с. 54).

У IX-XI стст. славянскі элемент становіцца дамінуючым у ваенна-адміністратыўным плане, што ў сваю чаргу, садзейнічала ўтварэнню і ўмацаванню дзяржаўных структур. Гэты фактар садзейнічаў узмацненню працэса славянізацыі краю і распаўсюджванню новых культурна-этнічных своеасаблівасцей, якія ўзніклі ў выніку славяна-балцкага сімбіёзу. Менавіта гэтыя спецыфічныя асаблівасці і ляглі ў аснову фарміравання беларускага этнасу. Такім чынам, мы прыходзім ўсё да той ж вядомай высновы В.В.Сядова (Седов В.В., 1973, с. 7-13), што істотная роля ў этнагенезе беларусаў належыла этнамоўнаму субстрату балцкага характара. Завяршэнне славянізацыі балтаў супала са з'яўленнем першых прыкметаў асобнай моўна-этнічнай беларускай супольнасці. Пра тэта сведчаць ужо дадзеныя этнаграфіі і лінгвістыкі. Так, да ранняга сярэднявечча сягаюць вытокі многіх агульных для літоўцаў, латышоў і беларусаў рытуалаў, культаў, казачных сюжэтаў, паралеляў у традыцыйнай матэрыяльнай культуры. І калі ў пачатку II тыс. у пісьмовых крыніцах (Віцебская берасцяная грамата, дамовы Віцебска, Полацка і Смаленска з Рыгай) канстатаваны ўласцівыя беларускай мове аканне, яканне, дзеканне і цеканне, цвёрдае "р" і т.д., то зразумела, што гэтыя асаблівасці былі ўласцівы насельніцтву Беларусі і ў канцы І тыс. н.э. і, магчыма, раней.

Такім чынам, на нашу думку, ёсць усе падставы адносіць пачатак фарміравання беларускага этнасу да ранняга сярэднявечча і разглядаць гэтую з'яву ў кантэксце агульнаеўралейскіх этнаутваральных працэсаў, пачатак якіх адносіцца да перыяду Вялікага перасялення народаў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 .Алексеева *Т.И., 1971.* Этногенез восточных славян по Данным антропологии // СЭ. №2.
2.Вяргей В.С., 1992. Актуальный праблемы археалогіі славян V-X стст, у Беларускім Палессі // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі. Мн.
3.Вяргей В.С.,1997. Усходнія германцы на Беларусі у 2-ой чвэрці І тысячагоддзя н.э. // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча (да 70-годдзя Г.В.Штыхава). Тэзісы дакладаў канферэнцьгі. Мн.
4. Жак Ле Гофф., 1992. Цивилизация средневекового Запада. М. .
5.Дэбец Г.Ф., 1932. Чарапы Люцынскага могільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеоантрапалёгіі Усходняй Эўропы // Працы. Т. 3.
6. Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Труды Ин-та этнографии. Т. 4. М.
7. Емельянчык В., 1997. Роля міграцый у фарміраватгі анграпалагічнага складу беларусаў (да гісторьгі праблемы) // Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. ГАЗ. № 11.
3.Загорульский Э.М., 1996. Начало формирования населения Белоруссии (дославянский период). Мн.
9. Лашанкоў М.І., 1994. Раскопй ў Бабруйскім і Бялыніцкім раёнах // Весці АНБ.Серыя гуманітарных навук. № 4.
10.Лухтан А.Б., 1997. Война V в. в Литве // ГАЗ. № 11.
11.Ляўдански А., 1932. Розныя знаходкі //Працы. Т. 3.
12.Медведев А.М., 1995.К вопросу о северной границе позднезарубинецкой и киевской культур в Верхнем Поднепровье // ГАЗ. № 7.
13.Мядзведзеў А.М., 1996. Насельніцтва лясной паласы Усходняй Еўропы і падзеі Вялікага перасялення народаў// ГАЗ, № 10.
14.Рандсборг К., 1989. Методология археологического анализа истории Европы I тыс. н.э.// Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Л.
15.Седин А., 1995.Городище Никодимово (Никадзимава) // Slavia Antigua. Т. XXXVI.
16.Седов В.В., 1973 Археология и проблема формирования белорусов // Этногенез белорусов. Тезисы докладов конференции. Мн.
17.Седов В.В., 1994.Славяне в древности. М.
18.Фурасьев А.Г., 1997. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на "классические" памятники //Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. ГАЗ. № 11.
19.Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век северной Белоруссии. Мн.
20.Шадыра В.І., 1993. Фіна--угры, балты і славяне на поўначы Беларусі ў І тыс. н.э. // Весці АНБ. Серыя грамадскіх навук.№3.
21. Шадыра В.І., 1995. Вялікае перасяленне народаў і крывічы // ГАЗ. № 7.
22.Шмидт Е.А., 1968. Исследования в Смоленском Поднепровье//АО-1967. М.
23.Шмидт ЕА., 1976. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII в. н.э.). Смоленск.
26.Шмидт Е. А., 1995. Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // ГАЗ. № 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ - Архив Государственного Эрмитажа. СПб.
АИИМК РАН - Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. М.
АИИ НАН РБ - Архив Института истории Национальной Академии наук Республики Беларусь. Мн.
АО - Археологические открытия. М.
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
в.х. - век хиджры
г.х. - год хиджры
ГАЗ - Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн. ГАМО - Государственный архив Минской области.
ГИМ - Государственный исторический музей. М. ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. ЗИАО - Записки Императорского Археологического общества. СПБ. ЗРАО - Записки русского археологического общества. СПб. ИАК - Известия Императорской Археологической комиссии. СПб. ИГАИМК - Известия Государственной Академии Истории материальной культуры. Л. ИИ НАН РБ - Институт истории Национальной Академии наук Республики Беларусь. КСИА - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК - Краткие, сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культур. АН СССР. М. МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НиЭ - Нумизматика и эпиграфика. М.
К.с. - Новая серия. .
ОАК - Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб:
ОНГЭ - Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа.
ПАВ - Петербургский археологический вестник
ПГКБ - Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мн.
Працы, T.I - Працы катэдры археолёгіі Інстытута беларускае культуры. Мн. Працы. T.II - Працы археолёгічнай камісіі. Запіскі аддзелу гуманітарных навук БАН. Мн. Працы. T.III - Працы сэкцыі археолёгіі Інстытута гісторыі БАН. Мн. ПСРЛ - Полное собрание русских летописей. М. РА - Российская археология. М.
РАИМК - Российская Академия истории материальной культуры. ПТгр.
РБ - Республика Беларусь
СА - Советская археология. М.
САИ - Свод археологических источников. М.
СГАИМК - Сообщения Государственной Академий истории материальной культуры. СГЭ - Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТМНО - Труды Московского нумизматического общества. ТНК - Труды нумизматической комиссии. ПТгр.
ЦГА РЛ - Центральный Государственный архив Республики Литва. Вильнюс.
ЦГИА РБ - Центральный Государственный архив Республики Беларусь. Мн.
Этнокультурная карта - Этнокультурная карта территории Украинской ССР. К.
AR — Archeologicke Rozhledy LA — Lietuvos archeologija .Vilnius. MS — Materialy starozytne. Warszawa.

MSiW — Materialy starozytne i wczesnosredniowieczne.
Warszawa.
PA - Przeglad Archeologiczny. Poznan.
PZP - Prahistoria ziem polskich. Wroclaw etc.
S A - Sprawozdania Archeologiczne. Krakow.
WA - Wiadomosci Archeologiczne. Warszawa.
ZfN - Zeitschrift fur Numizmstik. Berlin.

Научное издание

Славяне и их соседи: археология, нумизматика, этнология
Ответственный за выпуск И.А.Маньковский

Художник-оформитель П.П.Казей
Компьютерный набор А.А.Килбас
Подписано в печать 14.12,98. Формат 60x84 1/8. Бумага газетная.
Гарнитура Тайме. Усл. печ. л. 7,6 . Уч. изд. л. 7,3.
Заказ № 334\371. Тираж 200 экз.
Издание и полиграфическое исполнение ЗАО "ВЕДЫ".
Лицензия ЛВ № 184 от 23.01.98.
220104 г.Минск, ул. Матусевича, 23.